

ОДИН ВЫБОР МОЖЕТ РАЗРУШИТЬ ТЕБЯ

ВЕРОНИКА
РОТ

ЭЛИГЕНТ

ЭЛИГЕНТ

ВЕРОНИКА РОТ



История, рассказанная Рот, умная и сложная. Опасности, подозрения и напряжение поджидают за каждым углом, а отношения между Трис и Тобиасом остаются по-настоящему волнующими. Последняя книга захватывает внимание читателя и удерживает его до самого последнего сражения.

«Publishers Weekly»

Неожиданный финал, более смелый и менее предсказуемый, чем можно было ожидать от этого сериала.

«Los Angeles Times»

Если вам нравятся «Голодные игры» и «Сумерки», обратите внимание на «Дивергент»! Поверьте, это будет нечто! А если вы решите остаться бесфракционером, вы останетесь в одиночестве.

«PerezHilton.com»

Можно смело утверждать, что эта «наследница» «Голодных игр» – самая популярная книга года.

«Booklist»

ДИВЕРГЕНТ
ИНСУРГЕНТ
ЭЛИГЕНТ

ЭЛИГЕНТ

ВЕРОНИКА РОТ



Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

P79

Veronica Roth

ALLEGIAN'T

Copyright © 2013 by Veronica Roth

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Simbol art © 2012 Rhythm & Hues Design

Jacket Art and Design by Joel Tippiе

Книга ранее издавалась под названием «Преданная»

Рот, Вероника.

P79

Эллигент : роман / Вероника Рот ; [пер. с англ. С. В. Резник]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Жестокие игры).

Власть захватывает мать Тобиаса, Эвелин. Внезапно наружу вырывается правда. Выясняется, что город — вовсе не идеально структурированное общество, а «реалити-шоу». Кукловодами являются загадочные люди, которые скрываются за оградой. Начинается третья часть.

Трис и Тобиас вместе с компанией друзей выбираются за пределы родного дома. Они хотят узнать правду и обрести свободу. Но попадают прямиком в... Бюро Генетической Защиты. Их встречают сотрудники Бюро — ведь именно они наблюдают за подопечными с рождения. Новая реальность тоже «кусается». Оказывается, в прошлом разгорелась генетическая Война за Чистоту. В результате мир поделили на «генетически чистых» и «генетически поврежденных» особей. А ученые превратились в одержимых чудовищ и принялись экспериментировать: создавать искусственные поселения и внедрять в них своих агентов. Главная цель подопытных — служить расходным материалом и давать «генетически чистое» потомство.

Трис возмущена до глубины души, Тобиас мечется в поисках самого себя и вляпывается в очередную переделку. А ученые из Бюро опять недовольны. Они намерены устроить «перезагрузку», то есть стереть память всех жителей города. Трис и остальные решают предотвратить катастрофу!.. Кто же победит?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-57017-1

© Резник С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016



Я вхожу в нашу комнату в штаб-квартире эрудитов. В моей голове все еще звучит эхо слов: *«Мое имя Эдит Прайор, хотела бы я об этом забыть!»*

— Значит, ты ее никогда не видела раньше? Даже на фотографиях? — спрашивает Кристина, чья забинтованная нога аккуратно уложена на подушку.

Кристину ранили во время нашей отчаянной попытки раздобыть секретный файл с видео Эдит Прайор. В то время мы не подозревали, что это означает разрушение не только наших фракций и наших личностей, но и фундамента всего города.

— Кто она тебе — бабушка или тетка?

— Понятия не имею, — отвечаю я. — Прайор — моя фамилия по отцу, следовательно, она — из нашей семьи. С другой стороны, сама посуди, имя Эдит относится, скорее уж, к альтруистам, а родственники папы принадлежали к эрудитам...

— Получается, что она старше твоего отца, — говорит Кара, откинувшись на кровати.

Сейчас Кара ужасно похожа на Уилла, — своего брата и моего друга, которого я застрелила. Но Кара выпрямляется, и призрак Уилла исчезает.

— Старше. На несколько поколений. Она — из наших предков.

«Предок». Термин кажется таким старым, как полуразрушенная кирпичная ограда кладбища. Я прикасаюсь к стене комнаты: она холодная, белая.

Итак, в наследство мне досталась полная независимость и уверенность в том, что мое «Я» гораздо важнее, чем все остальное. А сейчас я получила явный знак, что мы должны покинуть город и искать хоть что-нибудь за его пределами.

— А я хочу знать, — бормочет Кара, потирая лоб, — как долго мы здесь находимся? И слушай, не могла бы ты прекратить шастать туда-сюда?

Я замираю и вопросительно поднимаю бровь.

— Извини, — произносит она.

— Ладно, проехали — вступает Кристина. — Просто мы слишком долго тут торчим.

Прошло несколько дней с тех пор, как Эвелин устроила бунт в штаб-квартире эрудитов. Тогда заключенные разбежались из своих камер на третьем этаже. Одна женщина из бесфракционников перебинтовала наши раны и раздала обезболивающее. Мы могли есть и принимать душ, но никто не сообщал нам о том, что происходит снаружи. Наши просьбы игнорировали.

— Я надеялась, что нас проведает Тобиас, — говорю я, присаживаясь на край койки. — Где он болтается?

— Наверное, злится, что ты обманывала его и тайком сотрудничала с его отцом, — предполагает Кара.

Я кидаю на нее косой взгляд.

— Вряд ли. Тобиас не настолько мелочен.

— Вероятно, его что-то задержало, — заявляет Кристина. — Ты ведь не забыла, что он тебе сказал, Трис?

В том бедламе, когда бесфракционники пытались оттеснить нас к лестнице, я вцепилась в подол его рубахи. Я не хотела потерять Тобиаса в толпе, а он оттолкнул меня и крикнул: «*Верь мне!*»

— Нет, конечно, — отвечаю я.

И это — чистая правда. Я действительно пытаюсь верить. Но каждая частичка моего тела отчаянно стремится к свободе. И не только из тюрьмы, но и из города. Мне позарез нужно увидеть, что находится за оградой.



2

Тобиас

Я постоянно прокручиваю в голове дни, проведенные здесь в качестве заключенного. Полуголый и избитый почти до потери сознания. Есть и другие воспоминания: кошмарное ожидание, что Беатрис Прайор скоро умрет. Мои разбитые в кровь кулаки, колотящие в дверь и ее неподвижное тело у Питера на руках. Он предупредил меня, что она под наркотой. Ненавижу это место.

Сейчас тут не очень чисто, как раньше, когда здание принадлежало эрудитам. Теперь оно разорено бунтом, повсюду в стенах видны выбоины от пуль, на полу валяются осколки разбитых лампочек. Я тащусь по грязному коридору в камеру при неверном мигающем свете. Меня пропускают без вопросов, ведь на моем предплечье —

черная повязка с пустым кругом — символом бесфракционников. К тому же, я немного похож на Эвелин. Прежде Тобиас Итон являлось постыдным именем. Сейчас оно — одно из самых уважаемых.

Трис сидит на полу, возле Кристины. Рядом застыла Кара. Моя Трис всегда казалась бледной и маленькóй. Но почему-то она умудряется заполнять собой всю комнатушку. Она сразу узнает меня, вскакивает, обнимает меня и прячет лицо у меня на груди.

Я глажу ее по волосам. Никак не привыкну к тому, что они короткие. Хотя сперва я даже обрадовался, потому что так она выглядит как воин, а не как девочка. Вот что ей требовалось.

— Ты прошел сюда без проблем? — интересуется она.

— Я же Тобиас Итон, — отвечаю ей, и она смеется.

— Точно, — Трис немного отстраняется и смотрит на меня в упор.

Ее глаза странно меняются, как будто ветер проносит в них осенние листья.

— Где ты пропадал? Что случилось? — восклицает она.

Я понимаю Трис. Ей пришлось несладко. Она пережила предательство брата, ожидание казни, страх, что к ней применят сыворотку правды. Я просто обязан вытаскивать ее отсюда.

Кара пялится на нас, а я чувствую себя неловко, как змея, сбросившая кожу и еще не привыкшая к новому покрову. Наличие аудитории меня совсем не привлекает.

— Эвелин держит всех в строгости, — произношу я. — Без ее дозволения никто и шагу ступить не смеет. Но она выступила с призывом объединиться против угнетателей извне.

— Угнетателей? — повторяет Кристина.

Она достает из кармана пузырек и выливает его содержимое себе в рот. Думаю, какое-то обезболивающее из-за пулевого ранения.

Я хмурюсь.

— Эвелин, и, кстати, не только она, считает, что нам нельзя бродить за пределами города. Нам якобы могут причинить вред. А она пытается решить наши проблемы. Я передаю ее речь вкратце, — продолжаю я. — Но подозреваю, что это крайне выгодно для моей матери. Мы в ее власти, а если мы улизем, она лишится своего влияния.

— Ага, — ворчит Трис. — Кто бы сомневался.

— Ее точка зрения имеет право на существование, — встревает Кристина. — И у нас много чего творится. Почему мы должны помогать тем, кто прячется за оградой?

Трис в задумчивости покусывает губу.

— Не знаю, — наконец, произносит она.

На моих часах уже три. Я задержался, а Эвелин подозрительна. Я сказал ей, что должен объявить Трис о том, что между нами все кончено. А на это не требуется время. Не уверен, впрочем, что Эвелин мне поверила. Я прерываю их спор.

— Слушайте: они решили допросить заключенных. И они собираются вколоть вам сыворотку правды. Потом вас осудят как предателей. Надо придумать какой-нибудь дельный план.

— Что? — изумляется Трис. — С каких пор поиск истины у нас расценивается как предательство?

— Как ни крути, но вы выступили против наших лидеров. Эвелин и ее приспешники не желают, чтобы кто-

то покинул город. Поэтому они не в восторге от видео с этой... Эдит Прайор.

— Они такие же, как Джанин, — фыркает Трис. — Готовы на все, чтобы задушить правду. А ради чего? Чтобы царствовать в своем микроскопическом мирке? Бред.

Не собираюсь сознаваться им, что кое в чем разделяю мнение своей матери. Я ничего не должен людям, живущим вне нашего города. Неважно, дивергент я или нет, но я не собираюсь приносить себя в жертву ради спасения человечества.

Но я жажду сбежать отсюда — как дикий зверь, стремящийся вырваться из капкана. Бешеный волк, готовый отгрызть себе лапу.

— В общем, — начинаю я осторожно, — если сывотка правды на вас подействует, вы будете осуждены.

— Что значит — «если подействует»? — прищуривается Кара.

— Дивергент, — бросает Трис, указывая пальцем на собственную голову.

— Да... поразительно, — Кара укладывает волосы в узел на затылке. — Хотя и нетипично. По моему опыту, большинство дивергентов не способны устоять перед химическим коктейлем. Не понимаю, как у тебя получается, Трис.

— Другие эрудиты, втыкавшие в меня свои поганые иголки, тоже удивлялись, — резко обрывает ее Трис.

— Пожалуйста, давайте сосредоточимся. Вас надо выволить из тюрьмы, — говорю я и хватаю Трис за руку.

Ее пальцы переплетаются с моими. Мы с ней не чужие, и ее прикосновение наполняет меня энергией и надеждой.

— И каким образом? — смягчается она.

— Я попрошу Эвелин, чтобы тебя допросили первой, — поясняю я. — Тогда все, что тебе нужно будет сделать, это сочинить убедительный рассказ, оправдывающий Кристину и Кару. У тебя получится, не сомневаюсь.

— Неужели?

— Я надеялся, ты сама что-нибудь сообразишь, по сравнению со мной, ты — настоящая чемпионка по вранью.

Мои слова попадают не в бровь, а в глаз. Она обманывала меня и раньше. Пообещала, что не пойдет на смерть в штаб-квартире эрудитов, и сделала все наоборот. Да еще и сотрудничала там с Маркусом, моим отцом.

— Хорошо, — кивает она и мрачно смотрит в пол.

Я кладу руку ей на плечо.

— Мне пора.

— Ну, спасибо тебе.

Я чувствую знакомый порыв, и мой разум буквально сливается с ее разумом. Это чем-то похоже на мое желание целовать Трис каждый раз, когда я ее вижу — малейшее расстояние между нами приводит меня в бешенство. Наши пальцы переплетаются еще крепче, ее ладонь прямо-таки приклеивается к моей загрубевшей коже. Пусть Трис — бледная и худенькая, но ее глаза напоминают мне бескрайние просторы, о которых я всегда мечтал.

— Если вы собираетесь лизаться, сделайте одолжение, предупредите, чтобы я могла отвернуться, — бурчит Кристина.

— Отворачивайся, — слегка улыбается Трис.

Я прикасаюсь губами к ее щеке и, не спеша, нахожу ее рот. Мы целуемся. Я наслаждаюсь ее дыханием. Очень хочется кое-что сказать ей. Я сдерживаюсь, но ненадолго. Хотя будь что будет.

— Хотел бы я остаться с тобой наедине, — говорю я, покидая камеру.

— Я тоже.

Когда я закрываю дверь, то замечаю, что Кристина делает вид, что ее сейчас стошнит, а Кара смеется. Руки Трис безвольно опущены.



3

Трис

— По-моему, вы — полные идиоты, — вырывается у меня.

После укола сыворотки правды тело тяжелеет и превращается в свинцовое. Лоб покрывается испариной.

— Вы должны благодарить меня, а не допрашивать.

— За что? За то, что ты игнорируешь указания лидеров нашей фракции? Может, тебе еще и спасибо сказать за то, что ты решила предотвратить ликвидацию Джанин Мэтьюз? Ты вела себя как предательница.

Эвелин Джонсон шипит как змея. Все происходит в зале заседаний штаб-квартиры эрудитов. Я нахожусь в заключении, по крайней мере, неделю.

Вижу Тобиаса. Он прячется в тени своей матери. Он не сводит с меня глаз с того самого момента, как я села в кресло и мне связали запястья пластиковой лентой. Ладно, надо бы уже разыгрывать «комедию».

Теперь, когда я знаю, что могу это делать, куда легче.

— Нет, — бормочу я. — И я думала, что Маркус работает на фракцию лихачей. Я не могла бороться как подобает солдату, а хотела помочь.

— А почему ты не могла быть солдатом?

Из-за спины Эвелин светит флюоресцентная лампа. Я ни на секунду не могу ни на чем сосредоточиться и сердито мотаю головой.

— Ну... — тяну я.

Не знаю, когда я научилась лицедействовать. Наверное, у меня врожденный талант к вранью.

— Я не могу держать в руках оружие. После того, как стреляла... в него. В Уилла. С тех пор от одного вида оружия меня охватывает паника.

Эвелин усмехается. Подозреваю, в самой глубине ее сердца нет ни капли сочувствия ко мне.

— Значит, Маркус признался, что он работает по моему приказу, — цедит она. — Ты ему поверила, даже не зная, о его напряженных отношениях и с лихачами, и с бесфракционниками?

— Да.

— Ясно, почему ты не выбрала эрудитов, — хохочет она.

Щека у меня начинает дергаться. Я хочу ударить Эвелин, как, уверена, многие из находящихся в зале, хотя они никогда не посмеют в этом признаться. Мы угодили в ловушку. Мы заперты в городе, который патрулируют бесфракционники. Они захватили власть. После смерти Джанин Мэтьюз не осталось никого, кто бы осмелился бросить ей вызов. Из огня да в полымя, от одного тирана к другому — таков наш мир.

— Почему ты молчала? — спрашивает она.

— Не люблю признаваться в слабости, — отвечаю я. — И еще я понимала, что Четыре это не понравится: то, что я работала с его отцом.

И внезапно я холодею: сыворотка правды действует и на меня.

— Зачем вам валяться на помойке, которую вы сами тут устроили! Что у вас здесь за трон? — выпаливаю я.

Лицо Эвелин искажает гримаса отвращения.

Она склоняется к моему лицу, и я догадываюсь о ее настоящем возрасте. Вижу ее морщины, и нездоровую бледность — следствие многолетнего воздержания в еде. Но она по-прежнему красива, как и ее сын.

— Я стараюсь построить новый мир, — отчеканивает она и вдруг переходит на шепот. — Я была альтруисткой, Беатрис Прайор. Не представляю, что с тобой будет дальше, но обещаю, что для тебя не найдется места, в особенности рядом с моим мальчиком.

Я улыбаюсь. Этого нельзя делать, но с этой дрянью в крови подавлять жесты и мимику ужасно трудно. Она думает, что Тобиас принадлежит ей. Но вообще-то он принадлежит только самому себе. Эвелин выпрямляется.

— Возможно, ты и глупа, однако ты не предательница. Допрос закончен. Ты свободна.

— А мои друзья? — вяло возражаю я. — Кристина, Кара...

— В самое ближайшее время мы разберемся и с ними.

Я встаю, чувствуя слабость и головокружение после укола. Народу в зале — как селедок в бочке, и несколько долгих секунд я не могу сориентироваться, пока кто-то не берет меня под руку. Мальчик со смуглой кожей.

Юрайя. Мы направляемся к выходу. Нас сопровождают чьи-то громкие возгласы.

Мы шагаем по коридору к лифту. Юрайя прикасается к кнопке, и двери раздвигаются. У меня подгибаются колени.

— А про помойку и трон, это было не чересчур? — интересуюсь я.

— Нормально. Она считает тебя вспыльчивой и неуравновешенной.

Внутри меня все трепещет. Неужели меня отпустили и мы найдем выход из города? Больше не нужно ждать, меряя шагами камеру и переругиваясь с охранниками.

Кстати, сегодня утром охрана болтала что-то о правилах бесфракционников. Бывшие члены фракций обязаны переехать в окрестности штаб-квартиры эрудитов и перемешаться, чтобы в каждом жилище оказалось не более четырех членов одной фракции. Мы также должны обменяться одеждой. В результате мне уже выдали желтую рубашку Товарищества и черные брюки правдолюбков.

— Нам сюда...

Юрайя выводит меня из лифта. На этаже штаб-квартиры эрудитов сияют стеклянные стены. Солнечный свет преломляется в них, и радужные пятна играют на полу. Прикрываю глаза ладонью. Мы с Юрайей заходим в узкую комнату с расставленными вдоль стен кроватями, шкафами и маленькими столиками.

— Именно эрудиты первыми организовали общежития, — поясняет Юрайя. — Я уже зарезервировал койки для Кристины и Кары.

Возле двери устроились три девчонки в красных рубашках. Предполагаю, что они — из Товарищества. На дальней кровати лежит пожилая женщина в очках. Вероятно, эрудитка. Надо бы перестать определять принадлежность людей к той или иной фракции, но это старая привычка, трудно сразу с ней покончить.

Юрайя шлепается на постель. Я сажусь на соседнюю. Счастливая и расслабленная.

— Зик говорит, что девушки подойдут позже, — сообщает Юрайя.

На мгновение я чувствую облегчение. Но быстро вспоминаю, что Калев останется в камере. Он являлся приспешником Джанин, и они его, наверное, никогда не оправдают. А как далеко они зайдут? Вообще-то, мне наплевать... Хотя это ложь, конечно. Он все еще мой брат.

— Спасибо, Юрайя.

Он кивает.

— Сам-то как? Я имею в виду... Линн и...

Юрайя дружил с Линн и Марлен, а теперь обе мертвы. Я понимаю, что он сейчас чувствует, ведь я тоже потеряла друзей. Ал погиб в самом начале, не выдержав инициации, Уилл — при моделировании атаки из-за моей глупой поспешности. Но я не пытаюсь сделать вид, что страдаю так же, как и Юрайя. Зачем притворяться?

— Я не хочу даже думать об этом, — качает головой он. — Буду жить дальше.

— Ладно. Если тебе нужно поговорить, дай мне знать.

— Хорошо, — обещает Юрайя и встает. — Ты в порядке? Я сказал маме, что навещу ее вечером. О, чуть не забыл. Четыре передал, что он встретится с тобой попозже.

Я вскакиваю.

— Где и когда?

— После десяти, в парке Миллениум. На лужайке, — ухмыляется он. — Да не волнуйся ты, а того чего доброго лопнешь.



4

Тобиас

На чем бы ни сидела моя мать, — на стуле, на кресле, да хоть на карнизе, — она всегда выбирает самый краешек, как будто готова в любой момент сорваться и куда-нибудь бежать. На сей раз она примостилась на столе Джанин в штаб-квартире эрудитов. Носы ботинок упираются в пол, а из-за спины падает тусклый городской свет. Поджарое мускулистое тело напряжено.

— Побеседуем о твоей лояльности, — изрекает она.

Голос отнюдь не звучит обвиняюще, скорее устало. И она кажется мне такой изношенной, истертой жизнью, что я просто могу видеть сквозь нее. Но ощущение мгновенно пропадает.

— Ты помог Трис и приложил руку к появлению того видео, — продолжает она. — К счастью, остальные остались в неведении.

— Послушай, — я наклоняюсь вперед, уперев локти в колени, — я и не представлял, какая информация хранилась в файле. Я доверял Трис больше, чем себе самому.

Я думал, если расскажу матери о том, что расстался с Трис, то добьюсь своей цели. И не ошибся — она стала теплее, даже чуть более открытой и заботливой.

— А теперь, когда ты видел запись? — спрашивает Эвелин. — Что ты думаешь о ней? И мы... мы действительно должны покинуть город?

Ясно, чего она добивается: чтобы я заявил, что не вижу никаких причин выходить во внешний мир. Но я решаюсь лишь на полуправду.

— Я боюсь, — отвечаю я, — и не уверен, что это разумно, учитывая опасности, которые могут нас подстергать.

Она обдумывает мои слова, покусывая губу. У меня такая же привычка. Я делал так, ожидая возвращения отца и гадая, кто придет домой: благодушный и уважаемый альтруист или тот, кто будет меня бить. Провожу языком по шрамам от укусов. Мои воспоминания имеют горький привкус желчи.

Эвелин спрыгивает со стола.

— Я получила тревожные сообщения о существовании у нас повстанческой организации, — она приподнимает бровь. — Людям свойственно объединяться в группы. Но я поражена подобной скоростью.

— Что за организация?

— Те, кто хочет покинуть город. Они распространили утром манифест. Они называют себя верными, — произносит она и добавляет, заметив мой растерянный взгляд. — Утверждают, что верны первоначальным целям основателей нашего города, понимаешь?

— Об этом говорилось в видео Эдит? То есть мы должны посылать людей за внешние стены, когда в городе появляется много дивергентов?

— Да. А еще мятежники полагают, что быть разделенными на фракции — наше предназначение, — недо-

умеает она. — Некоторые люди всегда будут бояться любых перемен. Но мы не имеем права им потакать.

После ликвидации фракций я почувствовал себя как человек, освободившийся после длительного заключения. И я не желаю вечно прикидывать, вписываются ли мои мысли или действия в идеологию, предписанную мне фракцией. Вот и все.

Но Эвелин просто заставила нас притворяться бесфракционниками. Она ведет собственную игру. Поэтому я рад, что существуют те, кто осмелился бросить ей вызов.

Придаю лицу бесстрастное выражение, но мое сердце стучит как безумное. Я должен быть аккуратным и остаться в милости у Эвелин. Мне легко лгать кому угодно, но только не ей. Она — единственный человек, знающий все тайны нашего «мирного» дома альтруистов.

— Что ты собираешься с ними сделать? — спрашиваю я.

— Взять их под контроль.

Я непроизвольно вздрагиваю. В городе «контроль» означает иглы и сыворотки, навязанные галлюцинации, а следовательно — изменение психики. То самое, что однажды чуть не заставило меня убить Трис. Такие методы использовали лихачи в своей армии.

— С помощью моделирования? — уточняю я.

Она хмурится.

— Конечно, нет. Я не Джанин Мэтьюс.

Вспышка гнева побуждает меня уколоть ее.

— Не забывай, что мы едва знакомы, Эвелин.

— Я никогда не буду прибегать к моделированию, чтобы добиться своего. Лучше смерть, — горделиво произносит она.

Но вполне возможно, именно показательные убийства недовольных и начнутся. Эвелин запросто задушит революцию. Кем бы ни были верные, их необходимо предупредить, и поскорее.

— А если я попробую пойти в разведку? — задаю вопрос я.

— Отлично. Уверена, ты справишься, — соглашается она.

А вдруг она проверяет меня? Или ловит на живца? Моя мать — из тех, для кого цель оправдывает средства. Как и мой отец и временами я сам.

Наконец, я встаю, но ее тонкие как веточки пальцы сжимают мое запястье.

— Спасибо тебе.

Заставляю себя посмотреть ей в лицо. Глаза у нее посажены близко, а нос слегка загнут, как и мой собственный, но ее кожа емнее, чем у меня.

На мгновение вижу ее сидящей напротив меня за обеденным столом, в серой одежде альтруистов. Ее густые волосы скреплены дюжиной заколок. Она опускается передо мной на корточки, поправляет неправильно застегнутые кнопки на рубашке, перед тем как я отправляюсь в школу. Потом она глядит из окна на нашу безликую улицу, ожидая, когда покажется автомобиль моего отца. Ее руки стиснуты так, что костяшки пальцев белеют от напряжения. Тогда нас объединял общий страх. Теперь мне больно от того, что я предаю ее, — моего бывшего союзника. Но я спешу отвернуться прежде, чем мне захочется покаяться.

Выбираюсь из штаба эрудитов и попадаю в густую толпу. Машинально ищу привычные цвета фракций, но не нахожу, разумеется. Да и на мне сейчас — серая рубашка, синие джинсы, черные ботинки. Но под новой одеждой — старые татуировки. Невозможно стереть свое прошлое.



5

Трис

Я ставлю будильник на 10:00 и сразу же засыпаю, не успев даже устроиться поудобнее. Однако через некоторое время меня будит не его трель, а чей-то невнятный вопль в другом конце спальни. Выключаю будильник, провожу пальцами по волосам и несусь к одной из аварийных лестниц. Она выходит прямо на аллею. Там меня, надеюсь, никто не засечет.

Холодный уличный воздух мигом будит меня. Натягиваю рукава до самых кончиков пальцев, чтобы хоть как-то согреть руки, — лето подходит к концу. У входа в штаб-квартиру эрудитов еще слоняется несколько человек, но никто из них не замечает меня на Мичиган-авеню. Все же есть некоторая польза от того, что я маленькая.

Тобиас стоит посреди газона. Он одет в серую футболку, синие джинсы и черную кофту с капюшоном. Его одежда представляет цвета сразу всех фракций, насколько я могу судить. У его ног валяется рюкзак.

— Как все прошло? — спрашиваю, подходя ближе.

— Очень хорошо, — отвечает он. — Эвелин еще сильнее возненавидела тебя, зато Кристина и Кара были освобождены без допроса.

— Отлично, — улыбаюсь я.

Он берет меня за воротник рубашки, притягивает к себе и нежно целует. Потом чуть отстраняется и говорит:

— Эй. У меня есть неплохой план на сегодняшний вечер.

— Правда, что ли?

— Да, мне пришло в голову, что у нас с тобой до сих пор не было нормального свидания.

— Катастрофы и разрушения имеют тенденцию лишать людей личной жизни, как видишь.

— Все же я хотел бы разобраться, что это значит — ухаживать за девушкой.

Он направляется к гигантскому металлическому оружию на другом конце лужайки, я иду за ним.

— До тебя на свидания с девчонками я ходил вместе с Зиком. Заканчивались они, как правило, полным конфузом. В итоге он уходил с той, кого себе выбирал. А мне оставалось молчать в компании с девушкой, которая вела себя так, будто я ее чем-то обидел.

— А может, ты просто грубиян? — шучу я.

— Чья бы корова мычала.

— Ну-ну, я как раз могу быть очень даже любезной, если постараюсь.

— Хм-м... — он в сомнении постукивает пальцем по подбородку. — Ну-ка, скажи что-нибудь приятное.

— Ты очень красивый.

Он улыбается, его зубы блестят в темноте.

— Хорошо, мне нравится.

Мы доходим до конца лужайки. Вблизи металлическая конструкция выглядит гораздо массивней и диковинней, чем казалось издалека. На самом деле это — эстрада, массивные балки выгнуты дугами в разные стороны, что делает сооружение похожим на взорвавшуюся консервную банку. Мы огибаем одну из балок, торчащую под острым углом из земли, и оказываемся на задворках сцены. Здесь металлические колонны поддерживают кровлю. Тобиас закидывает рюкзак за плечи, хватается за одну из колонн и лезет на нее.

— Что-то это мне напоминает, — бормочу я.

Одной из первых вещей, которые мы с ним сделали вместе, был подъем на колесо обозрения. Только в тот раз я предложила подняться повыше, а не он.

Заворачиваю рукава и следую за ним. Правое плечо все еще побаливает после пулевого ранения, но в целом рука в порядке. Тем не менее, я стараюсь переносить большую часть веса тела на левую руку и отталкиваться ногами, когда это только возможно. Я смотрю вниз на путаницу балок, сквозь которую виднеется далекая земля, и звонко хохочу.

Тобиас добирается до соединения двух металлических пластин. Там достаточно места, чтобы могли уместиться два человека. Он усаживается, протиснувшись между балками, и протягивает руку, чтобы помочь. Поддержка мне, в общем-то, не нужна, но об этом я помалкиваю, наслаждаясь ощущением от его прикосновения. Он достает из рюкзака плед и укутывает нас обоих. Потом вынимает два пластиковых стаканчика.

— Ты как? Хотела бы иметь ясную голову или слегка затуманенную? — спрашивает он, снова роясь в своем рюкзаке.

— Ну... — я наклоняю голову. — Лучше ясную. Мы должны кое-что с тобой обсудить, не так ли?

— Да.

Он вынимает бутылочку с прозрачной газированной жидкостью, открывает крышку и продолжает:

— Я стащил это с кухни эрудитов. Похоже, что-то вкусное.

Он наливает по чуть-чуть в каждый стакан, и я отпиваю глоточек. По крайней мере, это что-то сладкое со вкусом лимона. Я морщусь. Впрочем, второй глоток оставляет более приятное впечатление.

— Мы, значит, должны кое о чем поговорить, — напоминает он.

— Это точно.

— Ну... — Тобиас хмурится, разглядывая содержимое своего стакана. — Я хотел тебе сказать, что понимаю, почему ты работала с Маркусом и почему не могла сказать мне об этом. Но...

— Но ты злишься, — продолжаю я его фразу. — Поэтому что я тебе врала.

Он кивает, по-прежнему не глядя на меня.

— Дело даже не в Маркусе. Дело вот в чем: не знаю, можешь ли ты понять, каково это, проснуться однажды и осознать, что ты ушла...

Я жду, что он скажет «на смерть», но он не решается произнести эти слова и заканчивает так:

— Ушла в штаб-квартиру эрудитов.

— Нет, вероятно, не могу, — отпиваю еще капельку напитка, задерживаю его немного во рту, прежде чем проглотить. — Послушай... Раньше я действительно много размышляла о том, как это — отдать свою жизнь

за что-то. Но я тогда не понимала, что это означает на самом деле, пока обстоятельства не потребовали этого от меня самой.

Я долго смотрю на него. Наконец, и он поднимает на меня глаза.

— Зато теперь я точно знаю, — объясняю: — Знаю, что хочу жить, хочу быть честной с тобой. Но если ты не научишься мне доверять, у нас ничего не получится. И нечего разговаривать со мной покровительственным тоном, как ты иногда пытаешься.

— Покровительственным? — удивляется он. — Ты же поступила нелепо, ты рисковала...

— Да. Но неужели ты думаешь, что помог бы мне, разговаривая со мной, как с маленьким ребенком, не знающим, что он творит?

— А что я мог еще сделать? — упирается он. — Ты вела себя неразумно.

— Может быть, потому, что благоразумия в тот момент не требовалось? — я уже не в состоянии делать вид, что спокойна. — Чувство вины съело бы меня заживо. Все, что мне было нужно — это твое терпение и доброта, а вовсе не твои крики. Да, вот еще. Ты постоянно скрываешь от меня свои планы, как будто сомневаешься в том, что я достойна их обсуждать с тобой.

— Просто не хочу тебя обременять, ведь у тебя и так полно забот.

— Значит, ты думаешь, что я — слабая? А может, все-таки нет? — сержусь я. — Мне кажется, ты думаешь, что я могу стерпеть, когда ты ругаешь меня, но вместе с тем не уверен, что я могу справиться с чем-то серьезным. Это так?

— Ну я, конечно, не думаю, что ты слабачка, — мотает он головой, — просто не привык ни с кем делиться своими переживаниями. Я приучен делать все сам.

— Ничего, со мной можно, — говорю я. — Ты можешь полностью мне довериться. И разреши мне самой судить о том, с чем я могу справиться, а с чем — нет.

— Хорошо, — соглашается он. — Только не лги мне больше. Никогда.

— Ну ладно.

Я чувствую себя одеревеневшей, как будто мое тело втиснуто в какую-то узкую щель. Не так я хотела завершить наш разговор. Тянусь к его руке.

— Я очень сожалею, что тогда солгала тебе, — говорю я. — Правда.

— Ладно, проехали, — вздыхает он. — И не думай, пожалуйста, что я тебя не уважаю.

Мы замираем на некоторое время, взявшись за руки. Я прислоняюсь к металлической колонне. Луна скрыта облаками, небо темное. Все-таки я нахожу одну звездочку над нами. Оглянувшись, вижу линию домов на Мичиган-авеню. Они — как ряд часовых, охраняющих нас.

Постепенно я успокаиваюсь, и ощущение скованности покидает меня. Здесь, на высоте, так легко дышится. Странно, но вспышка гнева быстро отпустила меня. Последние несколько недель вообще были странными для нас обоих. Я счастлива, что наконец-то освободилась от тех чувств, которые так долго скрывала. От гнева, от боязни, что он ненавидит меня, от чувства вины из-за того, что я работала с его отцом.

— По вкусу похоже на какую-то микстуру, — говорит он, осушая свой стакан и убирая его.

— Точно, — отвечаю я, прикидывая, сколько еще осталось в моем. Допиваю залпом, морщась, когда пузырьки щекочут горло. — Не знаю, почему эрудиты вечно хвастаются своей кухней. Торты лихачей гораздо лучше. Интересно, что такого вкусенького было у альтруистов и было ли хоть что-то?

— Черствый хлеб, — смеется он. — Обычная овсянка. Молоко. Иногда мне кажется, что я до сих пор верю всему, чему нас учили. Но, очевидно, это не так, раз уж я сижу здесь и держу тебя за руку, предварительно на тебе не женившись.

— А что насчет этого говорят лихачи? — спрашиваю, кивая на наши соединенные руки.

— Лихачи... хм-м, — он ухмыляется. — Делай, что хочешь, но используй защиту, — вот их кредо.

Я поднимаю брови, чувствуя, как кровь прилила к щекам.

— Мне кажется, можно найти золотую середину, — говорит он, — между тем, чего хочется, и тем, что правильно.

— Звучит заманчиво, — я делаю паузу. — А чего ты хочешь?

Надеюсь, что сама знаю ответ, но хочу услышать это от него самого.

— Да как тебе сказать, — усмехается он и наклоняется ко мне. Хватается за металлическую пластину над моей головой и начинает медленно меня целовать. Мои губы, шею, впадинку над ключицей. Я замираю, страшась сделать что-то, что покажется ему глупым или не понравится. Но вскоре начинаю себя чувствовать какой-то статуйей, не совершенно не соответствует действитель-

ности, поэтому я решаюсь обнять его за талию. Он снова целует меня в губы и вытягивает из-под ремня свою рубашку, чтобы мои руки касались его голой кожи.

Я прижимаюсь к нему сильнее, мои ладони скользят вверх по его спине, гладят его плечи. Его дыхание становится учащенной, как и мое, я чувствую вкус сладкой лимонной шипучки, которую мы пили, и запах ветра на его коже и хочу, чтобы это продолжалось вечно. Я стягиваю с него рубашку. Еще минуту назад мне было холодно, но я не думаю, что теперь кто-то из нас ощущает холод. Он решительно обнимает меня за талию, глядя свободной рукой мои волосы, и я просто тону в нем — в его разрисованной татуировками груди, в настойчивых поцелуях. Мы растворяемся в прохладным воздухе, овеивающем нас.

Я расслабляюсь и не чувствую больше себя маленьким солдатом, воюющим с сыворотками и лидерами объединений. Мне легко, и это нормально — испытывать радость от того, что кончики его пальцев пробегают от моего бедра по пояснице, или дышать ему в ухо, когда он тянет меня к себе, тыкаясь лицом мне в шею и целуя меня. Я чувствую себя сильной и слабой одновременно. И охотно себе это позволяю, по крайней мере, на некоторое время.

Не знаю, как долго это продолжалось, прежде чем мы не замерзли и не съжились вместе под пледом.

— Да уж, все труднее оставаться мудрым, — смеется он мне в ухо.

— Все так, как и должно быть, — отвечаю я.



Что-то назревает. Я чувствую это, когда иду по столовой с подносом и вижу склоненные над овсянкой головы руководителей бесфракционников. То, что должно произойти, скоро произойдет.

Вчера, покидая офис Эвелин, я задержался в холле, чтобы подслушать, о чем будут говорить на совещании. Прежде чем дверь за мной закрылась, я услышал, как Эвелин сказала что-то о демонстрации. Вопрос в том, почему она не сказала об этом мне? Видимо, она все-таки не доверяет мне. Иными словами, на ее взгляд, я не так хорошо работаю, чтобы в полной мере претендовать на звание ее правой руки.

Сажусь за стол. Завтрак одинаков абсолютно для всех: миска овсянки, посыпанной коричневым сахаром, и чашка кофе. Отправляю в рот ложку каши, совсем не ощущая ее вкуса, занятый наблюдением за компанией бесфракционников. Одна из них, девочка лет четырнадцати, постоянно посматривает на часы.

Я уже наполовину доел свой завтрак, когда услышал крики. Та нервная девчушка вскакивает со своего места, как ужаленная, и все они гурьбой кидаются к двери. Бегу за ними, прокладывая себя дорогу в толпе через вестибюль штаб-квартиры эрудитов. Разорванный в клочья портрет Джанин Мэтьюз все еще валяется на полу.

Бесфракционники уже собрались на улице, посередине Мичиган-авеню. Завеса сероватых облаков закры-

вает солнце, делая дневной свет туманным и унылым. Я слышу чей-то крик:

— Смерть фракциям!

Остальные подхватывают фразу, громко скандируют её, почти оглушают меня. Смерть фракциям, смерть фракциям, смерть фракциям. Вижу взметнувшиеся вверх кулаки, все насыщено типичной горячкой лихацей, но без характерной для них радости. Напротив, все лица перекошены от ярости.

Протискиваюсь в середину и замираю. Огромные, в человеческий рост, чаши для Церемонии Выбора перевёрнуты набок, их содержимое вывалено на дорогу. Угли, стекла, камни, земля и вода — все перемешалось в одну большую кучу.

Провожу пальцем по ладони, вспоминая, как добавил свою кровь в угли. Это был мой первый акт неповиновения отцу. Я помню прилив сил и облегчение. Я совершил побег. Эти сосуды стали символом моего освобождения.

Эдвард — в самой гуще, осколки стекла дробятся в пыль под его каблуками, кувалда так и взлетает над головой. Внезапно он бьёт по одной из чаш, оставляя вмятину в металле. В воздух поднимается угольная пыль. Я знаю, что не должен приближаться к нему. Но он не смеет уничтожать символ моего триумфа. Что угодно, только не чаши.

Толпа увеличивается. Здесь не только внефракционники, носящие черные повязки с пустыми белыми кругами на них, но и люди из других фракций, на рукавах которых больше нет опознавательных знаков. Один из эрудитов, чья принадлежность угадывается по аккурат-

ному пробору в волосах, выскакивает вперед, в то время как Эдвард заносит над головой кувалду для очередного удара. Его мягкие, испачканные чернилами руки, сжимаются на рукоятке кувалды чуть выше пальцев Эдварда, и оба начинают молча бороться, стиснув зубы.

Неожиданно я замечаю белокурые волосы Трис. Она одета в свободную синюю рубашку, из-под которой виднеются татуировки фракции. Она порывается бежать к дерущимся, но Кристина удерживает ее. Лицо парня из бывших эрудитов наливается кровью. Эдвард выше и сильнее его. У соперника нет ни единого шанса. Вообще-то он дурак, что попытался вмешаться.

Наконец, Эдвард вырывает кувалду, но вдруг теряет равновесие. Вероятно, у него сознание помутилось от ярости. Орудие бьет эрудита по плечу. Явственно слышится треск кости, а затем — крики раненого. Люди вокруг затаили дыхание.

И через секунду толпа взрывается. Каждый, в неистовстве, мчится к чашам, к Эдварду, к бывшему эрудиту. Как слепые, они сталкиваются друг с другом, налетают на меня.

Я в замешательстве. Куда бежать? Я уже не могу ни о чем думать. Людской поток несет меня к Эдварду, и я хватаю его за кисть.

— Отпусти! — ору я, стараясь перекрыть шум.

Его единственный глаз яростно сверкает на меня, Эдвард скалится и вырывается.

Я наношу ему удар коленом. Он откидывается назад, роняя кувалду. Хватаю ее и лечу к Трис. Она пытается пробиться к эрудиту. Какая-то женщина локтем бьет ее

в лицо, отбрасывая назад. Кристина отталкивает противницу. Раздаются выстрелы. Один, второй, третий.

Толпа мигом рассеивается, боясь получить шальную пулю. Я пытаюсь разглядеть, не убит ли кто-нибудь, но меня слишком толкают. Трис и Кристина сидят рядом с эрудитом. Он весь в крови, а на одежде — грязные следы от ботинок. Аккуратная прическа растрепалась. Он лежит и не шевелится.

В нескольких футах от него, в луже собственной крови, валяется Эдвард. Пуля попала ему в живот. Есть и другие трупы. Они застрелены или затоптаны. Им просто не повезло. Я озираюсь вокруг, но снайпера не вижу.

Бросаю кувалду рядом с помятой чашей и опускаюсь на корточки возле Эдварда. Камни альтруистов вбиваются в меня, как иглы. Эдвард закатывает глаз. Похоже, он еще жив.

— Мы должны доставить его в больницу, — говорю я вслух и оглядываюсь через плечо на Трис и неподвижного эрудита.

— Как он?

Ее пальцы пытаются нащупать пульс на его шее. Она качает головой. Значит, мертв.

Я зажмуриваюсь, но продолжаю видеть валяющиеся на дороге чаши фракций и их содержимое сваленное в кучу. Все разрушены, по крайней мере один человек мертв, многие — ранены... Ради чего?

Ради химеры: бессмысленной, идиотской мечты Эвелин о городе, где группировки исчезли, хотят того их члены или нет. Сама она пожелала, чтобы наш выбор не был ограничен всего лишь пятью вариантами. Теперь

у нас нет ни одного. Одно я знаю наверняка: я не могу быть ее союзником.

— Нам пора, — произносит Трис.

Ясно, что она подразумевает побег из города.

— Да, — киваю я.

Вонь лекарств во временном госпитале в штаб-квартире эрудитов дерет мне горло. Я молча жду Эвелин.

На самом деле я страшно зол. Скорее всего, Эвелин сама спланировала погром. Конечно, она сообразила, что толпа в любой момент может выйти из-под контроля, причем с непредсказуемыми последствиями. Значит, это она постаралась. Объявить как можно быстрее о роспуске фракций было для нее — важнее, чем безопасность и людские жертвы. Странно, почему я до сих пор ей удивляюсь?

Я слышу, как раздвигаются двери лифта, и ее голос, окликающий меня:

— Тобиас.

Она бросается ко мне, хватая меня за руки, липкие от крови. Ее темные глаза расширены от страха, когда она спрашивает:

— Тебя ранили?

Она беспокоится. Мысль об этом слегка колет мне сердце: она меня любит, переживает.

— Это кровь Эдварда. Я помогал нести его сюда.

— Как он?

— Умер, — отвечаю я.

Она сжимается, плачет и падает на стул. Эвелин приняла Эдварда после того, как тот покинул лихачей. Она выручила его и спасла, несмотря на потерю устойчивого положения в обществе. Я никогда не пред-

полагал, что они были близки, но сейчас я догадался об их отношениях. Ведь это — самая сильная эмоциональная реакция, которую она продемонстрировала со времен моего детства: когда отец со всей силы ударил ее о стену гостиной.

Пытаюсь гнать прочь воспоминания, но запихнуть их подальше не удастся.

— Мне очень жаль, — бормочу я.

Затем осторожно добавляю:

— Почему ты не сказала мне о демонстрации?

Она мотает головой.

— Я ничего не знала.

Ложь. Я уверен, что она обманывает меня, но решаю не показывать вида. Чтобы избежать конфликта, нужно притворяться. Или же я не хочу, чтобы смерть Эдварда дамочковым мечом нависла над нами обоими. Где заканчивается конспирация и начинается мое искреннее сочувствие к ней?

— Да? — чешу я в затылке. — Ты можешь пойти и посмотреть на Эдварда.

— Нет. Я знаю, как выглядят внутренности.

— Можно мне уйти?

— Останься, — просит она, похлопывая по стулу между нами. — Присядь, пожалуйста.

Я подчиняюсь и убеждаю себя, что я — лишь тайный агент, повинующийся приказу своего лидера. Но я чувствую себя еще и сыном, утешающим скорбящую мать. Наши плечи соприкасаются, мы с ней дышим в едином ритме, но не произносим ни слова.



На ходу Кристина продолжает крутить в пальцах черный камешек. Мне требуется пара секунд, чтобы понять, что у нее в руках — уголек из церемониальной чаши Выбора лихачей.

— Из тех десяти, которых мы переинициировали, только шестеро еще живы, — говорит она.

Впереди возникает Хэнкок-билдинг, а за ним — аллея Лэйк-Шор, над которой я когда-то летала, как птица. Мы с ней бок о бок идем по потрескавшемуся асфальту, наша одежда испачкана засохшей кровью Эдварда.

Эдвард — самый талантливый из всех заново инициированных парней, — мертв. Его убили.

— Остались только ты, я и... Майра, пожалуй, — отвечаю ей.

Не видела Майру с тех самых пор, когда она вместе с Эдвардом покинула лихачей, а это случилось сразу после того, как его глаз встретился с ножом для масла. Я слышала, вскоре после тех событий они расстались. А куда же она делась? Мне неизвестно.

Двери Хэнкок-билдинг открыты и болтаются на петлях. Юрая сказал, что будет здесь. Он включит генератор. И действительно, когда я прикасаюсь к кнопке лифта, она светится под моим пальцем.

— Ты бывала тут раньше? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Кристина. — Я имею в виду, что никогда не заходила внутрь. Я не добралась до этого здания, когда мы занимались зиплайном, помнишь?

— Точно, — киваю я и прислоняюсь к стене кабины. — Ты должна попробовать снова.

— Ага.

Помада у нее на губах красного цвета. Она напоминает пятна на щеках ребенка, обжеванного карамели.

— Знаешь, я понимаю Эвелин. Слишком много ужасных вещей творится вокруг. Так что попытаться убрать городской мусор — неплохая идея. А то нас точно завалит по самую шею, — она криво улыбается.

Я молчу.

— Но сама я этого делать не собираюсь, — добавляет она. — Мне неинтересно, наверное.

— Ты говорила со своими родителями?

Не стоит забывать, что Кристина — не такая, как я. Меня ничто не привязывает к одному месту. У нее есть мать и младшая сестра, прежде они были во фракции правдолюбков.

— Предки должны заботиться о моей сестренке, — произносит она. — Они никогда не захотят рисковать ее жизнью.

— Но, по крайней мере, они в порядке?

— Они справятся, — говорит она, уставившись на свои туфли. — Они хотят, чтобы я жила честно. А здесь у меня не получится.

Двери лифта распахиваются, и на нас налетает ветер. Он еще теплый, но в нем явственно чувствуются нотки осеннего холода. Слышу голоса, доносящиеся откуда-то с крыши, и поднимаюсь туда по лестнице. Она вибрирует под моими ногами, Кристина придерживает ее, пока я не достигну верха.

Юрайя и Зик уже здесь. Они бросают камешки, метя в оконные стекла. Юрайя пытается подтолкнуть Зика под локоть, когда тот примеривается к очередному броску, но Зик слишком ловок для него.

— Привет, — говорят они в унисон, когда замечают Кристину и меня.

— Вы, ребята, не родственники, случайно? — шутит Кристина.

Те смеются, хотя Юрайя выглядит так, будто он немного не в себе. Он какой-то потерянный. Я думаю, все из-за того, что он потерял Марлен.

На крыше нет строп для зиплайна, ну и что же? Кроме того, мне нравится высота. Я всегда рвусь увидеть линию горизонта. Земля к западу совершенно черна, словно накрыта темным одеялом. На какой-то миг мне кажется, что я вижу проблеск света, но быстро догадываюсь, что зрение меня обманывает.

Мы сидим тихо. Не думаем ли мы сейчас об одном и том же?

— Как считаете, что там? — прерывает молчание Юрайя.

Зик пожимает плечами, а Кристина предлагает версию:

— Что, если там, по сути, то же самое, что и здесь? Очередной разрушенный город с фракциями?

— Нет, — трясет головой Юрайя.

— Или там — вообще ничего, — предполагает Зик. — Те люди, которые бросили нас здесь... они ведь могли погибнуть.

Меня пробирает дрожь. Он прав: мы не знаем, что произошло с тех пор, как они нас сюда поместили. Не

имеем понятия, сколько поколений жило и умерло с тех пор. Что, если мы — последние люди на Земле?

— Это не имеет значения, — говорю я резко. — Мы должны увидеть все своими глазами, а потом решим, что нам делать.

Мой взгляд пробегает по неровному силуэту крыш домов, пока их освещенные солнцем окна не смазываются в одну сплошную полосу. Юрайя спрашивает Кристину о бунте, и спокойствие рассеивается...

На следующий день Эвелин стоит среди обрывков портрета Джанин Мэтьюз в холле штаб-квартиры эрудитов и объявляет свод правил. Бывшие члены фракций и внефракционники собраны в вестибюле и на улице перед входом, чтобы услышать речь лидера. Солдаты выставили кордоны и держат пальцы на спусковых крючках оружия. Мы под их полным контролем.

— Вчерашние события показали, что мы с вами не в состоянии доверять друг другу, — вещает она, ее лицо серое и усталое. — Мы вынуждены ввести более жесткие порядки в том, что касается жизни каждого, пока ситуация не стабилизируется. И первой из подобных мер будет комендантский час. Каждый обязан вернуться в свое жилое помещение до девяти часов вечера. Запрещено покидать общежитие ранее восьми утра. Охранники будут круглосуточно патрулировать улицы, для поддержания безопасности.

Я непроизвольно фыркаю и пытаюсь скрыть смех под кашлем. Кристина пихает меня локтем в бок и прижимает палец к губам. Чего она волнуется? Эвелин ведь меня не услышит.

Тори, бывшая лидером лихачей, находится в нескольких футах от меня, скрестив на груди руки. Ее рот кривится в ядовитой усмешке.

— Наступает время подготовиться к нашему новому образу жизни. Вы обязаны начать изучение обычной деятельности бесфракционников. Затем мы все будем выполнять работы по расписанию, в дополнение к нашим традиционным обязанностям, — произносит Эвелин и вроде как улыбается.

Ее улыбка похожа на оскал.

— Мы будем вместе работать для нашего города. Прежде фракции разделяли нас, но теперь мы едины. Отныне и навсегда.

Бесфракционники одобрительно аплодируют.

Я чувствую неловкость. Не то чтобы совсем я с ней не согласна, но те члены фракций, которые восстали вчера против Эдварда, вряд ли примут такой расклад. Власть Эвелин не так сильна, как может показаться.

Я начинаю пробиваться через толпу, потом я пробирюсь по коридорам, пока не нахожу запасную лестницу, по которой мы забирались в лабораторию Джанин. Тогда здесь валялись горы трупов. Зато теперь — чисто и прохладно.

Когда я прохожу по четвертому этажу, раздается громкий крик. Открываю дверь и вижу группу подростков. Они гораздо младше меня. Все — спортивного телосложения и с повязками бесфракционников. Они окружают парня, распростершегося на полу. Он из правдолюбков, одет в черное и белое.

Я подбегаю к ним. Рослая девушка вновь заносит ногу, чтобы пнуть лежащего.

Я ору:

— Эй, ты!

Бесполезно — ботинок бьет юношу в бок, и он стонет.

— Прекратите! — воплю я.

Девушка оборачивается. Она выше меня на добрых шесть дюймов, но я настолько разозлена, что ни капельки не боюсь.

— Прочь, — кричу я.

— Он нарушил дресс-код. Я имею на это право и не собираюсь следовать приказам от любителей фракций, — отчеканивает она, не сводя глаз с татуировки над моей ключицей.

— Бекс, — окликает ее мальчик. — Она — Трис Прайор.

Остальные, похоже, впечатлены, но девушка презрительно усмехается.

— Ну и что?

— А то, — отвечаю я. — Однажды я избила кучу народу, чтобы пройти посвящение в лихачи, и я легко отделаю тебя.

Снимаю свою синюю кофту и кидаю ее избитому парнишке. У него рассечена бровь. Он с трудом поднимается, держась за бок, и набрасывает одежду на плечи.

— Готово, — заявляю я. — Теперь он ничего не нарушает.

Девушка обдумывает ситуацию, прикидывая, очевидно, хочет ли она драться со мной или нет. Я практически слышу ее мысли: она мелкая, значит, легкая, но — из лихачей, поэтому ее сложно победить. Может, она даже знает, что я убивала, а может, просто не хочет лишних проблем. Наконец, она отступает.

— Ты бы лучше о себе побеспокоилась, — ворчит она.

— Незачем, — отвечаю я. — А теперь убирайтесь вон.

Жду, пока они не разойдутся, а тот мальчишка окликает меня:

— Подожди. Твоя кофта.

— Бери себе.

Я сворачиваю за угол, надеюсь найти другую лестницу, но оказываюсь в пустом коридоре. Внезапно я слышу шаги позади. Оглядываюсь, готовая встретиться с бесфракционниками, но там никого нет. Наверное, я превращаюсь в параноика.

Открываю дверь, ведущую из главного коридора, надеясь обнаружить окно и сориентироваться. Передо мной — очередная разграбленная лаборатория. Мензурки и пробирки разбросаны по углам, клочки бумаги устилают пол. Нагибаюсь за одним, и вдруг гаснет свет. Кто-то хватается меня за руку и тащит, мне накидывают мешок на голову и прижимают к стене. Пытаюсь драться, путаясь в ткани, закрывающей мне лицо.

Только не это! Нет! Мне удастся вывернуть и освободить из захвата одну руку. Я бью, попав кому-то то ли в плечо, то ли в подбородок.

— Эй, — произносит чей-то голос. — Потише.

— Приносим извинения за то, что напугали тебя, Трис, — говорит кто-то еще, — но анонимность является неотъемлемой частью нашей работы. Мы не причиним тебе никакого вреда.

— Не трогайте меня. — рычу я.

И меня моментально отпускают.

— Кто вы? — спрашиваю требовательным тоном.

— Мы — верные, — отвечает кто-то. — Учти, нас много.

Я истерически хохочу. Может, от шока или от страха. Сердце постепенно успокаивается, зато руки трясутся от облегчения.

Первый голос продолжает:

— Ты не лояльна к Эвелин Джонсон и ее холоум.

— Как смешно!

— Смешно доверять кому-то, имея такую репутацию, как у тебя.

Я стараюсь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь мешок, но материя чересчур плотная. Под ногами хрустят осколки лабораторной посуды.

— Ладно, — говорю я. — А вам что за дело?

— Ты ведь хочешь уйти отсюда, — отвечают мне, и я вновь чувствую волнение. — Мы можем попросить тебя об одном одолжении, Трис Прайор? Завтра в полночь мы собираемся провести встречу. Не могла бы ты привести своих друзей из фракции лихачей?

— Позвольте мне задать вам встречный вопрос. Если я завтра увижу ваши лица, почему сейчас у меня на голове — мешок?

Кажется, я поставила их в тупик.

— А будущее неизвестно, — парирует кто-то. — Итак, завтра, в полночь, в том месте, где ты исповедовалась.

Дверь распаивается, и раздается топот удаляющихся ног. Я срываю мешок. Это темно-синяя наволочка со словами «Фракции или смерть», выведенными на нем. Верные, безусловно, склонны к драматическим эффектам. Место, где я делала признания, говорите? Есть только одно: штаб-квартира правдолюбов, где мне вкололи сыворотку правды.

Когда я возвращаюсь в общежитие, то нахожу записку от Тобиаса, подсунутую под чашку с водой на тумбочке.

«Завтра утром допрашивают твоего брата. Я не смогу пойти, иначе это вызовет подозрения, но я расскажу тебе о приговоре, когда смогу. Мы что-нибудь придумаем. В любом случае, все скоро закончится».



8

Трис

Девять часов. Может, именно сейчас выносят приговор Калебу, пока я завязываю шнурки на ботинках или в четвертый раз расправляю простыни на кровати. Провожу рукой по волосам. Вердикт тайного трибунала огласят публично. Калев являлся правой рукой Джанин, до самой ее смерти. Какое решение они вынесут, мне ясно. Ближайшие соратники Джанин будут уничтожены.

И кстати, почему это должно меня беспокоить? Он меня предал. Он не попытался воспрепятствовать моей казни. Наплевать... или нет. Я сама не знаю.

— Привет, Трис, — окликает меня Кристина и стучит костяшками пальцев по дверному косяку.

Из-за ее спины выглядывает Юрайя. Он по-прежнему улыбается, но как-то вымученно.

— Есть новости? — спрашивает она.

Я снова оглядываю комнату. Все убежали завтракать, в соответствии с расписанием. Я попросила эту парочку зайти ко мне.

Мой собственный желудок урчит.

— Да, — отвечаю я.

Они садятся на койку напротив меня, и я рассказываю им о том, что со мной случилось в лаборатории эрудитов.

— Удивительно, что ты лишь слегка стукнула одного из них, — смеется Юрайя.

— Я все-таки была в меньшинстве, — огрызаюсь я.

Мы живем в странные времена. Я уже не уверена, что даже в глубине души осталась верна кодексу лихачей, тем более теперь, когда фракций вообще не существует. А кое с чем бывает трудно смириться.

— Что они хотят? — осведомляется Кристина. — Просто покинуть город?

Я пожимаю плечами.

— А если они — люди Эвелин? Вдруг она пытается поймать нас в ловушку?

— Без понятия, — бурчу я. — Но без чьей-нибудь помощи убраться из города невозможно, а я, к вашему сведению, не собираюсь здесь оставаться, чтобы учиться водить автобусы и ложиться спать по приказу.

Кристина кидает на Юрайю встревоженный взгляд.

— Послушайте, — продолжаю я, — вы не обязаны ничего предпринимать, но мне нужно выбраться отсюда. Я собираюсь узнать, кем была Эдит Прайор и что ждет нас за оградой. Я просто должна.

И я вздыхаю. На меня накатывает волна отчаяния, которое невозможно игнорировать. Как будто кто-то чужой пробудился от долгого сна внутри меня. Он ворочается во мне, как встревоженный зверек. Я должна уйти.

С лица Юрайи наконец сползает улыбка, он говорит:

— Мне тоже надо.

— Ладно, — соглашается Кристина, хотя в ее темных глазах по-прежнему заметно беспокойство. — Сходим на дурацкую встречу.

— Отлично. Кто-нибудь из вас передаст это Тобиасу? Мне необходимо держаться от него подальше, мы с ним якобы расстались. Увидимся в переулке в половине двенадцатого.

— Хорошо, я позабочусь. Мы с ним сегодня в одной группе, — произносит Юрайя. — Изучаем производство, я прям сгораю от нетерпения, — ухмыляется он. — А Зигу сказать?

— Да. Только убедись сперва, что он никому не расшеплет.

Снова смотрю на часы — девять пятнадцать. Приговор Калебу должны уже вынести. Но нам следует тащиться на урок — изучать рабочие специальности. Любая мелочь может вывести меня из равновесия.. Начинаю дергать ногой и сама не замечаю. Кристина обнимает меня. Она не задает лишних вопросов, за что я ей очень благодарна. Я не представляю, что ей отвечать.

Мы с Кристиной пробираемся по закоулкам штаб-квартиры эрудитов к задней лестнице, опасаясь попасться патрулю. Рукава моего свитера опущены до самых кончиков пальцев, чтобы скрыть карту, которую я заранее нарисовала на ладони. В принципе, я знаю, где находится штаб-квартира правдолюбков, другое дело, что

не ведаю лазеек и переходов, которые могли бы нам пригодиться.

Юрайя стоит на обусловленном месте. Он одет в черное, но намек на серый цвет альтруистов все же проглядывает на воротнике его свитера. Мне странно видеть моих друзей из фракции лихачей в одежде альтруистов. Иногда кажется, что ликвидация фракций имеет и положительные моменты.

— Я сообщил Четыре и Зику. Они туда подойдут, — докладывает Юрайя.

— Хорошо.

Мы втроем бежим по переулку к Монро-стрит. Я стараюсь не вздрагивать от стука наших ботинок. Сейчас нам гораздо важнее, быть быстрыми, нежели осторожными. Когда мы поворачиваем на Монро, я проверяю, нет ли позади патруля бесфракционников. Какие-то темные силуэты мелькают на Мичиган-авеню, но вскоре пропадают.

— А Кара? — шепчу я Кристине.

Мы находимся на Стейт-стрит, — далековато от штаб-квартиры эрудитов. Значит, можно было говорить без опаски.

— Думаю, что ее не позвали, — отвечает Кристина. — Странно, правда?

— Тсс, — шипит Юрайя.

При свете циферблата наручных часов смотрю на свою разрисованную ладонь.

— Рэндольф-стрит.

Мы мчимся в одном темпе, наша кровь пульсирует почти в унисон. Несмотря на боль в мышцах, мне нравится бег. Мои ноги болят, когда мы достигаем моста,

но потом я вижу Супермаркет Безжалостности за рекой, заброшенный и неосвященный, и улыбаюсь. Юрайя при-
тормаживает.

— Между прочим, — бормочет он, — нам нужно пре-
одолеть миллион лестничных ступеней.

— Может, они включили лифт?

— Вряд ли, — качает он головой. — Бьюсь об заклад, Эвелин контролирует использование электричества — это лучший способ узнать о тайной встрече.

Я мрачню. Может, я люблю бегать, но терпеть не могу подниматься по лестнице.

Когда мы, наконец, достигаем вершины лестницы, мы уже еле дышим, а до полуночи остается всего пять минут. Остальные идут вперед, я останавливаюсь возле лифтовой шахты. Юрайя не ошибся: за исключением указателя выхода, нигде нет ни одного огонька. Именно в блекло-голубом свете указателя я замечаю Тобиаса. Он выходит из комнаты для допросов.

После того нашего свидания мы общались с ним исключительно с помощью записок. Я сдерживаю себя, чтобы не кинуться к нему, не ощупать изгиб его губ, его мужественную линию подбородка... Но до полуночи осталось две минуты. У нас нет времени.

Однако на секунду он обнимает меня. Его дыхание щекочет мне ухо, я закрываю глаза и на мгновение расслабляюсь. Он пахнет ветром, потом и мылом. Этот запах прочно ассоциируется у меня с ним, и еще — с безопасностью.

— Ну что? — спрашивает он. — Они, вероятно, здесь.

— Да, — мои колени подкашиваются. — Ты узнал что-нибудь о Калебе?

— Отложим на потом.

Никаких разъяснений больше не нужно.

— Они собираются его казнить? — уточняю я.

Он кивает и берет меня за руку. Я не понимаю, что я должна сейчас чувствовать.

Вместе мы заходим в комнату, где нас когда-то допрашивали с помощью сыворотки правды. *«Место, где ты исповедовалась...»*

Свечи расставлены на полу вокруг одной из чаш правдолюбков. Я узнаю Сьюзан и Роберта. Питер стоит в сторонке, скрестив руки на груди. Юрайя и Зик — вместе с Тори и еще несколькими лихачами. Кристина вместе со своей матерью и сестрой. В углу — два очень нервных эрудита. Новая одежда так и не стерла границ между нами, они слишком укоренились.

Кристина манит меня к себе.

— Познакомься с моей мамой — Стефани, — представляет она мне женщину с сединой в темных вьющихся волосах. — И моя сестра — Роуз. А это — моя подруга, Трис, и мой инструктор при инициации, Четыре.

— Мы поняли, кто они, — отвечает Стефани. — Мы видели их допросы.

— Я просто хотела быть вежливой.

— Очередная форма обмана, Кристина.

— Ага, — закатывает глаза Кристина.

Ее мать и сестра насторожены и раздражены.

Ее сестра бросает мне:

— Значит, ты убила парня Кристины.

От ее слов внутри у меня все замерзает, как будто ледяная молния раскалывает мое тело пополам. Я молчу.

— Роуз, — одергивает ее нахмурившаяся Кристина.

Мышцы Тобиаса напрягаются — готов к бою, как всегда.

— Я подумала, что мы должны сразу прояснить данный вопрос, — продолжает Роуз.

— И вы еще удивляетесь, почему я оставила вашу фракцию? — возмущается Кристина. — Не обязательно по любому поводу выкладывать все, что приходит в голову.

— Ложь во спасение по-прежнему остается ложью.

— Ах, вам правды захотелось? Мне с вами неприятно, и я хочу уйти. Пока!

Она берет меня под руку и уводит нас с Тобиасом, не переставая ворчать.

— Извините.

— Ничего, — произношу я.

Я считала, что с получением прощения от Кристины с проблемой смерти Уилла будет покончено. Но все получилось наоборот. Просто со временем легче отвлекаться от содеянного.

Мои часы показывают двенадцать. Дверь в комнату открывается, и в проеме появляются двое. Это — Джоанна Рейес, бывший пресс-секретарь Товарищества. Ее лицо пересекает шрам. Желтый шарф выглядывает из-под ее черной куртки. С ней рядом — женщина в синем. Я приглядываюсь — и пугаюсь. Она — вылитая... Джанин.

Но Джанин мертва.

Женщина приближается к нам. Это стройная блондинка, как и Джанин. Из ее кармана торчат очки, волосы заплетены в косу. Типичный эрудит. Но не Джанин Мэтьюз, а Кара. Значит, Кара и Джоанна — лидеры верных?

— Привет, — говорит Кара.

Все разом замолкают. Она натянуто улыбается.

— Нам опасно здесь находиться, поэтому я буду краткой. Некоторые из вас, например, Зик и Тори, помогали нам.

Что? Видимо, я подзабыла, что Зик был шпионом лихачей. Чем, вероятно, и доказал свою лояльность Каре. Он, в общем, являлся ее другом, до тех пор пока она не покинула штаб эрудитов. Зик таращится на меня и усмехается.

Джоанна продолжает:

— Остальные не доверяют Эвелин Джонсон. И не ей определять судьбу города.

Кара сжимает кулаки.

— Мы верим, что необходимо следовать двум главным идеям основателей: делению на фракции и исполнению миссии дивергента Эдит Прайор, заключающейся в отправке людей вовне — за ограду. Несмотря на то, что у нас нет нужной численности дивергентов, ситуация настолько обострилась, что мы должны отправить людей за пределы города немедленно. Таким образом, в полном соответствии с намерениями основателей у нас есть две задачи: восстановить фракции, свергнув Эвелин, и отправить наших представителей на разведку. Джоанна будет отвечать за первое, а я — за второе. И сегодня мы определимся, именно со второй задачей, — произносит она и поправляет прядь, выбившуюся из косы. — Пойти смогут немногие. Толпа привлечет внимание. Эвелин без боя не сдастся, поэтому я решила выбрать людей, которые имеют опыт выживания в различных передрыгах.

Я смотрю на Тобиаса.

— Кристина, Трис, Тобиас, Тори, Зик и Питер, — говорит Кара. — Вы доказали свое умение, поэтому я хо-

тела бы пригласить вас прогуляться со мной за пределы города. Естественно, соглашаться никто не обязан.

— Питер? — вырывается у меня.

— Он сумел удержать эрудитов от твоей казни, — мягко поясняет Кара. — А кто обеспечил условия для фальсификации твоей смерти?

Я хмурюсь. Как-то никогда не задумывалась об этом. Зачем возвращаться в прошлое? Кроме того, Кара была единственным хорошо известным перебежчиком из фракции эрудитов, к кому, как не к ней, мог обратиться Питер?

Я умолкаю. Да, я не хочу покидать город вместе с Питером, но я так стремлюсь вырваться отсюда, что не поднимаю шумиху.

— Лихачей многовато, — скептически говорит девушка, стоящая у стены.

У нее густые, почти сросшиеся брови и бледная кожа. Когда она поворачивает голову, я вижу татуировку за ухом. Очевидно, она сама из бывших лихачей, перебежавших к эрудитам.

— Верно, — кивает Кара. — Но нам требуются люди с определенными навыками. Я думаю, обучение, которое проходили лихачи, как нельзя лучше подготовило их для выполнения этой задачи.

— Мне очень жаль, но я не могу оставить Шону, — заявляет Зик. — Только не после того, как ее сестра... ну, вы понимаете.

— Возьмите меня, — поднимает руку Урия. — Я лихач. И меткий стрелок. Благодаря мне в нашей группе будет настоящий мачо.

Я смеюсь.

— Спасибо, — благодарит Кара.

— Кара, вам следует поторопиться, — говорит бледная девушка-лихачка, ставшая эрудитом. — И еще кому-то надо уметь управлять поездом.

— Неплохая идея, — соглашается Кара. — Есть желающие?

— Я справлюсь, — отвечает, конечно же, бывшая лихачка.

План постепенно обретает плоть. Джоанна предлагает, чтобы позже мы использовали пикапы Товарищества. Роберт вызывается ей помочь. За несколько часов до побега Стефани и Роуз начнут контролировать передвижения Эвелин и сообщать по радию о любом необычном ее поведении в резиденцию Товарищества. Тот лихач, который пришел с Тори, обещает раздобыть нам оружие. Девушка из эрудитов и Кара анализируют наши задумки на наличие слабых мест, и вскоре мы убеждаемся, что все выглядит достаточно безопасным и осуществимым. Остается последний вопрос, который и задает Кара:

— Когда мы отправляемся?

— Завтра вечером, — отвечаю я.



9

Тобиас

Ночной воздух холодит мои легкие. Наступила моя последняя ночь в городе.

Юрайя, Зик и Кристина направляются к штабквартире эрудитов. Я удерживаю Трис за руку и тяну ее обратно.

— Давай прогуляемся.

— Ты чего?

— Мы быстро, — и тащу ее за угол.

Сейчас кажется, будто пустой канал заполнен темной водой, в которой отражается лунный свет.

— Ты ведь со мной, Трис. Они не будут нас арестовывать.

Легкая улыбка сквозит в уголках ее губ.

За углом, она прислоняется к стене. Тени вокруг ее глаз подчеркивают яркость зрачков Трис.

— Я не знаю, что делать, — она прижимает руки к лицу и ерошит себе волосы. — Я имею в виду с Калемом.

— Не знаешь?

Она смотрит на меня.

— Трис, — начинаю я. — Ты же не хочешь, чтобы он умер?

— Дело в том... — она зажимуривается. — Я так... зла на него. Я стараюсь вообще не думать о нем, потому что хочу, чтобы...

— Я отлично тебя понимаю.

Я и сам мечтал убить Маркуса. Однажды я даже решил, как это сделаю, — ножом, так, чтобы почувствовать, как жизнь вытекает из него по каплям. Но эта мысль испугала меня еще сильнее, чем его жестокость.

— Наши родители попросили бы меня его спасти, — теперь ее светлые глаза широко открыты, она смотрит в небо. — Они бы сказали, что это эгоистично — обречь кого-то на смерть, только потому, что обидел тебя. Боже мой...

— Дело не в том, Трис.

— Нет, — она отталкивает меня. — Он был связан с ними куда больше, чем со мной. А я хочу, чтобы они мной гордились. Вот и все.

Я никогда не имел родителей, которые могли быть для меня хорошим примером и чьи ожидания стоило бы оправдывать. А мать и отец Трис воплотились в ней самой — в ее смелости и красоте. Прикасаюсь к щеке Трис, глажу ее волосы.

— Я вытащу его.

— Откуда?

— Из тюрьмы. Завтра, прежде чем мы покинем город, — обещаю я.

— Правда? Ты уверен?

— Абсолютно.

— Я... Спасибо. Ты... удивительный.

— Просто ты не знаешь моих скрытых мотивов, — улыбаюсь я. — Я позвал тебя сюда вовсе не для того, чтобы болтать о Калебе.

— Да?

Я кладу руки ей на бедра и притискиваю к стене. И в нас обоих пробуждается страсть.

Склоняюсь к ней и ощущаю ее дыхание. Она льнет ко мне, но я отодвигаюсь, дразня ее. Трис цепляет пальцами меня за ремень и дергает к себе, так что я локтями стучаюсь о кирпичи. Она пытается поцеловать меня, но я уворачиваясь и сам целую в макушку, затем в щеку, в шею... Ее кожа мягкая и соленая на вкус, после ночного бега.

— Сделай мне одолжение, — шепчет она, — никогда больше не рассказывай мне о своих благородных намерениях.

Она обнимает меня, проводит руками по спине и плечам. Кончики ее пальцев проскальзывают под пояс моих джинсов. Я боюсь пошевелиться. Наконец, мы целуемся, и это приносит нам облегчение. Она вздыхает, а я счастливо улыбаюсь. Приподнимаю ее, и ее ноги обвиваются вокруг моей талии. Она смеется, и я чувствую себя очень сильным и храбрым.

Это лучшая моя ночь в городе.



10

Тобиас

Разоренное здание в секторе лихачей выглядит так, словно здесь прячется дверь в иные миры. Впереди возвышается башня Спайр, пронзающая небо.

Кровь, пульсирующая в висках, отбивает секунды. Хотя лето подходит к концу, все еще тепло. Тренируя мышцы, я потратил бездну времени на занятия бегом и борьбой. И бег, и борьба стали для меня единственным способом избежать опасности, остаться в живых. Я мчусь к зданию и притормаживаю перед входом.

Зеркальные оконные стекла отражают свет. Где-то там — кресло, в котором я сидел, во время симуляции атаки, пятно крови отца Трис на стене... Тогда голос Трис прервал этот процесс, и я ощутил ее руку на своей груди. Трис вернула меня в реальность.

Распахиваю дверь в панорамную комнату страхов и со щелчком открываю крышку черной коробочки со шприцами, которая лежит в моем заднем кармане. Вот знак моей слабости и силы.

Прижимаю иглу к шее и нажимаю на поршень. Коробка падает на пол, а мое сознание переносится в другое место.

Я стою на крыше Хэнкок-билдинг, неподалеку от крепления троса зип-лайна, с помощью которого лихачи играют в прятки со смертью. В небе — черные тучи, у меня перехватывает дыхание от ветра. Трос справа от меня лопается и, отлетев назад, разбивает окно.

Мой взгляд скользит взглядом по крыше, фокусируется на ней. Несмотря на свист ветра, я заставляю себя подойти к краю. Дождь лупит по плечам и голове, пытается сбросить меня вниз, к земле. Я наклоняюсь и падаю. Мой рот раздирает полузадушенный ужасом крик.

Приземляюсь. Я жив, но стены молниеносно начинают сжиматься. Клаустрофобия. Прижимаю руки к груди и закрываю глаза, стараясь не паниковать.

Я думаю об Эрике и его тактике в комнате страха. Он хотел усмирить панику, прибегая к логическому мышлению. Вспоминаю, как Трис прямо из воздуха доставала оружие, чтобы сразиться со своими кошмарами. Но ведь я не Эрик и не Трис. Кто же я? Что нужно мне, чтобы преодолеть страхи? Я знаю ответ. Надо лишить их власти контролировать меня. Мне необходима уверенность, что я сильнее их. Я со всей силы бью кулаками о стену передо мной. Она трещит, панели разбиваются, падая на бетон. Я стою во мраке над обломками.

Амар, мой инструктор инициации, учил, что наши страхи постоянно меняются в зависимости от нашего настроения. О трансформациях нашептывают нам ночные кошмары. Мои всегда были одинаковыми, по крайней

мере до тех пор, пока я не доказал себе, что могу одержать верх над отцом. Зато теперь я не понимаю, что меня ждет.

В течение долгого времени ничего не происходит. Я стою на твердом холодном полу, лишь сердце бьется быстрее, чем обычно. Смотрю на часы и обнаруживаю, что они не на той руке. Обычно я ношу их на левой. Теперь они — на правой, и ремешок черный, а не серый. Вдруг я замечаю грубые волоски на своих пальцах. Зато мозоли на костяшках исчезли. Я оглядываю себя: на мне серые брюки и рубашка. Мой живот явно толще, чем прежде, а плечи — узковаты. Передо мной появляется зеркало. На меня смотрит лицо Маркуса.

Оно подмигивает мне, но я чувствую, что мои глаза повторяют его мимику. Я не могу себя контролировать. Вдруг наши руки разбивают стекло и каждый из нас хватается за горло свое отражение. Но когда зеркала нет, я понимаю, что душу самого себя. Красные пятна мелькают перед глазами. Мы, я и мое отражение, падаем на пол, вцепившись друг в друга железной хваткой. Я не могу сообразить, как мне из этого выбраться.

Я дико ору. Моя шея вибрирует. Я думаю о своих руках как крупных, с длинными пальцами и мозолистыми костяшками после тренировок с боксерской грушей. Я представляю свою внешность в деталях. Моя кожа, как вода, стекает по телу Маркуса. В итоге, я переделываю свое отражение в моем собственном воображении. Наконец, обнаруживаю себя стоящим на коленях на бетонном полу и хватающим ртом воздух. Дрожащими пальцами ощупываю себя и немного успокаиваюсь.

Когда мы месяц назад ехали с Трис на поезде на встречу с Эвелин, я признался ей, что Маркус по-прежнему появляется в моих кошмарах. Мысли о нем одолевали меня перед сном, а когда я просыпался, они снова начинали мучить меня. Я боялся его, хотя уже вырос. Я уже не ребенок, который избегает жестокого, злого отца. Теперь я страшился угрозы, которую он нес моему будущему, моему становлению в качестве взрослого человека. Но прошлые страхи ни в какое сравнение не идут с тем, что грядет.

Предчувствуя моего отца, я хочу вскрыть себе вены, лишь бы не видеть его снова.

Пятно света появляется на ледяном бетоне. В нем возникает рука. Пальцы согнуты как птичьи когти. Затем я вижу другую руку и голову со светлыми растрепанными волосами. Девушка, кашляя, медленно, дюйм за дюймом, вползает в круг света. Я не могу сдвинуться с места. Она поворачивает лицо, и я вижу, что это — Трис. Кровь течет по ее губам и подбородку. Она хрипит:

— Помоги...

Из ее рта падает алый стусок. Я бросаюсь к ней, знаю, что не успею. Кто-то впивается мне в спину, но я продолжаю пробиваться к Трис. Царапаюсь и ору.

Я кричу ее имя, а она выплевывает все больше крови. Теперь я ничего не слышу, я вообще ничего не чувствую, кроме биения своего пульса и ужаса. Обессиленная, она падает. Я опоздал.

Помещение заливают яркие лучи.

Граффити покрывают стены комнаты страха. Напротив меня — зеркальное окно из смотрового помещения. В углах установлены камеры слежения. Я обливаюсь

потом. Вытираю лицо подолом рубахи и иду к двери, оставив футляр со шприцем и иглами на полу. Он мне не нужен. Мне остается одно — только преодолеть свои страхи в реальности.

По собственному опыту я знаю, что лишь уверенность способна спасти человека. Конечно, это сработает и на третьем этаже штаб-квартиры эрудитов.

Я не должен здесь находиться: охранник-бесфракционный наставляет на меня оружие. Я нервничаю.

— Стой.

Я кладу руку на его пистолет и отвожу ствол в сторону.

— Нечего наставлять на меня пушку. Я тут по приказу Эвелин. Мне надо увидеться с заключенным.

— Время посещения закончилось.

Понижаю голос почти до шепота:

— Она не хочет, чтобы беседа была зафиксирована.

— Чак, — раздается голос Терезы с лестничного пролета над нами. — Пропусти его.

Я киваю Терезе. В коридоре чисто, мусор убран, но разбитые лампочки еще не заменены, так что пока я направляюсь к камере, то попеременно миную участки света и темно-лиловой тьмы.

Достигаю Северного коридора. Прежде чем зайти в нужную камеру, подхожу к женщине, сидящей в углу. Она — среднего возраста, с раскосыми глазами и жестким морщинистым ртом. Выглядит так, как будто абсолютно все ей надоело, особенно я.

— Привет, — обращаюсь я к ней. — Меня зовут Тобиас Итон. Я забираю заключенного по приказу Эвелин Джонсон.

Когда она слышит мое имя, выражение ее лица не меняется. Она никак на меня не реагирует. Как же мне достучаться до ее сознания? Но спустя полминуты она достает из кармана клочок смятой бумаги и расправляет его на ладони. Это список арестантов и номера их камер.

— Имя? — равнодушно произносит она.

— Кaleb Прайор. 308А.

— Ты сын Эвелин?

— Ну да, — говорю я.

Похоже, она не одобряет слово «ну», но подводит меня к металлической двери с номером 308А. Не думал, что нашему городу нужно столько тюремных клеток. Женщина набирает код, и замок со щелчком открывается.

— Я должна притвориться, что ничего не замечаю? — спрашивает она.

Наверное, она думает, что я собираюсь убить Калеба.

— Правильно, — отвечаю я.

— Тогда сделай одолжение, замолви за меня словечко перед Эвелин. Устала вкалывать в ночную смену. Я — Дреа.

— Конечно.

Она сминает бумажку в кулаке, запихивает ее обратно в карман и удаляется. Я дожидаюсь, пока Дреа не вернется на свой пост. По-моему, ей все опостылело. Интересно, сколько людей бесследно исчезли отсюда за время правления Эвелин?

Вхожу. Кaleb Прайор сидит за металлическим столом, согнувшись над книгой. Его волосы сваялись.

— Ты чего пожаловал?.. — бурчит он.

— Мне неприятно прерывать твоё уединение... — делаю паузу.

Надо преподать Калебу урок.

— Знаешь, не могу сказать, что мне это неприятно. Твою казнь решили не откладывать. Она состоится сегодня ночью.

Мне удалось привлечь его внимание. Он смотрит на меня дикими, широко распахнутыми глазами, как дичь, нос к носу столкнувшаяся с охотником.

— Ты шутишь?

— Я неважный шутник.

— Нет, — трясет он головой. — У меня есть ещё пара недель, только не сегодня, нет...

— Если ты сейчас заткнешься, я подарю тебе ровно час, чтобы ты привык к новой информации. А если нет, я нокаутую тебя и застрелю в каком-нибудь переулке. Выбор за тобой.

Наблюдать за эрудитом то же самое, что следить за механизмом часов: шестеренки цепляются друг за друга и поворачиваются, чтобы сформировать определенный результат. В данном случае — осознание неминуемой гибели.

Внезапно Калёб хватает стул и замахивается им. Он сильно бьёт меня ногой и выскакивает наружу. Бегу за ним по коридору, мою ладонь саднит. Я оказываюсь проворнее и врезаюсь ему в спину. Он растягивается на полу ничком, не успев сгруппироваться. Я прижимаю его коленом, стягиваю ему запястья пластиковым шнуром. Он стонет, когда я поднимаю его на ноги, из носа у него течёт кровь. Дреа таращится в одну точку.

Ташу его к аварийному выходу. Мы спускаемся по узкой лестнице, эхо наших шагов звучит глухим диссонансом. Когда мы достигаем самого низа, я стучу в дверь. Мне открывает Зик, на его лице глупая улыбка.

— Были проблемы с охранниками?

— Нет.

— Дреа такая... ей на все наплевать.

— Точно.

— Я не удивлен. Это Прайор?

— Собственной персоной.

— Почему у него кровь?

— Потому, что он придурок.

Зик дает мне черную куртку с эмблемой бесфракционников. Она нашита на воротник.

— Не знал, что идиотизм имеет подобные симптомы.

Набрасываю куртку на плечи Калебу и застегиваю на его груди одну из кнопок.

— Я думаю, что это — новый симптом, — заявляю я. — Снаружи чисто?

— Да, я проверил. — Зик протягивает мне пистолет. — Он заряжен. Кстати, не забудь мне врезать. Я же буду заливать бесфракционникам, что ты отнял у меня ствол.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ударил тебя?

— Слушай, просто вмажь мне, Четыре.

Мне драться нравится. Люблю ощущение взрывной силы, энергии и чувство некоей избранности. Но я ненавижу эту часть себя, именно она испорчена во мне больше всего.

Сжимаю ладонь в кулак, Зик собирается с духом.

— Только быстро, моя прелесть, — хмыкает он.

Я бью его прямо в челюсть. Останется хороший синяк, — алиби Зикю будет обеспечено. Он стонет. Боль пронзает и мою руку, я трясую ей.

— Отлично, — сплевывает на пол Зик. — Кажется, хватит.

— Мне тоже.

— Вероятно, я тебя не увижу? Другие, возможно, вернутся, но ты... — он замолкает, но потом продолжает: — Просто мне кажется, что ты будешь только рад бросить все здесь.

— Да, ты прав. — Я смотрю на свои ботинки. — Уверен, что не хочешь пойти с нами?

— Не могу. Шона ни за что не согласится отправиться туда, куда вы, ребята, собираетесь. А я не должен ее оставлять, — он ощупывает свою челюсть и добавляет: — Присмотри там, чтобы Юрайя не напивался, ладно?

— Заметано, — говорю я.

— Нет, ты пообещай мне, — говорит он, и его голос начинает звучать низко, как всегда, когда он хочет подчеркнуть серьезность своих слов. — Обещай, что присмотришь за ним.

С того момента, как я их встретил, я всегда понимал, что Зик и Юрайя ближе друг к другу, чем большинство братьев. Они потеряли отца, будучи маленькими. Подозреваю, что после его смерти Зик полностью сосредоточился на своем брате. Не могу даже представить, каково это для Зика, видеть, как Юрайя покидает город, тем более, что тот сейчас совершенно раздавлен гибелью Марлен.

— Ладно, обещаю, — соглашаюсь я.

Я знаю, что мне давно пора уходить, но задерживаюсь еще на некоторое время, чувствуя всю значимость момента. Зик был одним из первых, с кем я близко сошелся у лихачей, после того как пережил инициацию. Затем он работал со мной в контрольной комнате, наблюдая за камерами и составляя идиотские программы, выводящие на экран случайные слова и числа. Он никогда не спрашивал у меня моего настоящего имени или того, почему я, заняв первое место при инициации, стал охранником и инструктором, вместо того чтобы оказаться в руководстве. Он вообще ничего от меня не требовал.

— Давай обнимемся, что ли, — говорит он.

Продолжая держать одной рукой Калеба, обнимая свободной рукой Зика, а он — меня. Потом, когда я уже тяну Калеба по переулку, не могу удержаться от того, чтобы не обернуться и не сказать:

— Я буду скучать по тебе.

— И я по тебе, моя прелесть.

Он хохочет, и его зубы блестят в полутьме. Это последнее, что я вижу, прежде чем отворачиваюсь, и мы с Калемом несемся к поезду.

— Вы куда-то собираетесь, — пыхтит Калек на бегу. — Ты и еще кто-то с тобой.

— Да.

— Моя сестра тоже?

Вопрос вызывает во мне такую ярость, что никаких ругательств недостаточно. Приходится со всей силы врезать ему кулаком по уху. Он дергается и втягивает голову в плечи, ожидая второго удара. Интересно, похож ли я сейчас на своего отца, когда он бил меня?

— Она тебе не сестра, — говорю я. — Ты предал ее. Ты пытал ее. Забрал у нее то единственное, что у нее оставалось, — ее семью. И для чего? Для того, чтобы сохранить секреты Джанин и самому остаться целым и невредимым? Ты жалкий трус.

— Я не трус, — возражает Калеб. — Я знал, что если...

— Давай ты будешь держать свой рот на замке, ладно?

— Хорошо, — соглашается он. — И все же, куда ты меня тащишь? Ты прекрасно мог бы убить меня и здесь.

Я не отвечаю. Краем глаза замечаю движение позади нас на тротуаре. Кладу руку на пистолет, но тень исчезает в щели. Вновь тяну за собой Калеба, и мы продолжаем бег, но теперь я все время прислушиваюсь, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги. Под ногами хрустят осколки стекла. Вижу мелькающие по сторонам темные здания и уличные указатели, болтающиеся на петлях, как неопавшие осенние листья.

Наконец, мы добираемся до станции, где должны сесть в поезд. Веду Калеба к металлической лестнице, по которой мы поднимаемся на платформу. Издалека приближается поезд, совершающий свой последний рейс по городу. В детстве поезда казались мне частью природных сил, живых и могучих, продолжающих свой путь независимо от того, что происходит в городе. Теперь это перестало быть тайной для меня, но значит очень многое: мой первый поступок в качестве лихача состоял в том, чтобы на ходу прыгнуть на крышу вагона. Так что поезда являлись для меня источником свободы, они дали мне силу и свободу.

Думая об этом, я перочинным ножом разрезаю шнур на запястьях Калеба и крепко держу его за руку.

— Ты еще не забыл? — говорю я.

Он расстегивает куртку и бросает ее на землю:

— Знаю.

Бежим по изношенным доскам платформы, рядом с открытой дверью последнего вагона. Кaleb никак не может дотянуться до поручня, и мне приходится подсаживать его. Он спотыкается, но успевает подтянуться и заскакивает внутрь. Из-за него мне приходится бежать дальше, но я успеваю ухватиться за поручень. Мои мышцы едва выдерживают рывок.

Вижу Трис. Ее лицо слегка искажено кривой улыбкой. Черная куртка застегнута, капюшон надвинут на лицо. Она хватает меня за воротник, притягивает к себе и целует. Потом отстраняется и говорит:

— Всегда любила наблюдать за тобой.

Я усмехаюсь.

— Значит, вы все спланировали? — интересуется Кaleb из-за моей спины. — Она что, собирается присутствовать при моей казни?

— Казни? — переспрашивает Трис, не удостоивая брата взглядом.

— Я ему сказал, что веду его на казнь, — отвечаю достаточно громко, чтобы и он расслышал. — Знаешь, типа того, что он сделал с тобой в штаб-квартире эрудитов.

— Я... Так это неправда? — его лицо, освещенное луной, вытягивается от изумления.

Я замечаю, что кнопки его рубашки застегнуты вкривь и вкось.

— Не совсем, — отвечаю ему. — На самом деле, я только что спас тебе жизнь.

Он начинает что-то говорить, и мне приходится прерывать его.

— Подожди благодарить. Мы берем тебя с собой. За ограду.

Это именно то, чего он всеми силами пытался избежать, даже пожертвовал своей собственной сестрой. Так что это куда более подходящее наказание для него, чем смерть: Смерть слишком быстра, слишком надежна и неотвратима, а там, куда мы идем, ничего надежного нет.

Он выглядит испуганным, хотя и не настолько, насколько я надеялся. Мне кажется, я понимаю, о чем он сейчас думает. Он расставляет приоритеты: самое главное, это его жизнь; потом, его собственный комфорт и где-то на последнем месте люди, которых он, по идее, должен любить. А он такой подлый субъект, что не имеет даже понятия о том, насколько он подл. Его уже ничто не изменит. Вместо того, чтобы сердиться, я чувствую абсолютную безнадежность.

Я беру Трис за руку и веду ее в другой конец вагона, чтобы видеть, как город исчезает с глаз. Мы бок о бок стоим в открытых дверях, держась за поручни. Темные здания вырисовываются на фоне неба зубчатым силуэтом.

— Нас преследовали, — говорю я.

— Следует быть осторожнее, — откликается она.

— Где остальные?

— В первых вагонах, — отвечает Трис. — Я хотела побыть с тобой наедине.

Она улыбается, хотя мы должны быть серьезными.

— Я действительно буду скучать по городу, — произносит она.

— В самом деле? — удивляюсь я. — А по мне так пропади оно все пропадом.

— И там ничего не осталось, что тебе дорого? Ни одного хорошего воспоминания? — она пихает меня локтем в бок.

— Ладно, твоя взяла, — улыбаюсь я. — Ну, есть несколько.

— А есть какие-нибудь, не связанные со мной? — спрашивает Трис. — Как бы это ни звучало, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, понимаю, — говорю я, пожимая плечами. — Фракция лихачей дала мне новую жизнь и под новым именем. Благодаря моему инструктору по инициации я стал Четыре. Это он дал мне имя.

— В самом деле? — она наклоняет голову. — Почему ты не познакомил меня с ним?

— Он мертв. Он был дивергентом, — я снова пожимаю плечами.

Но я не чувствую себя виноватым. Амар был первым, кто заметил, что я сам из дивергентов. Именно он помог мне скрыть это, но сам не сумел утаить свое отличие от других, за что и поплатился. Не говоря ни слова, она лишь прикасается к моей руке. Но я отшатываюсь.

— Сама видишь, слишком много плохих воспоминаний. Я готов все их оставить здесь.

Я чувствую себя опустошенным, но нет грусти, только облегчение. Эвелин остается в этом городе, как и Маркус, и все кошмары, дикие воспоминания и фракции, которые держали меня словно зверя в клетке, не давая мне жить. Я сжимаю руку Трис.

— Смотри, — и показываю на группу зданий вдалеке. — Там сектор альтруистов.

Глаза у нее какие-то отсутствующие, словно в глупине души она растерянна. Поезд стучит по рельсам, слеза скатывается по щеке Трис. Город исчезает во тьме.



11

Трис

Поезд замедляет ход. Мы приближаемся к ограде, и машинист — девушка-лихачка — дает нам понять, что скоро выходить.

Мы с Тобиасом сидим в дверях тамбура, колеса лениво перестукивают по рельсам. Он обнимает меня и, затаив дыхание утыкается носом в мои волосы. Я смотрю на него, вижу ключицу, выглядывающую из-под воротника рубашки, его чувственные губы. На душе у меня теплеет.

— О чем думаешь? — шепчет он мне на ухо.

Вздрагиваю от неожиданности. Сейчас я смотрела на него не так, как прежде. Такое чувство, что он только что поймал меня на чем-то недозволенном.

— Ни о чем. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так.

Он еще теснее прижимается ко мне, я кладу голову ему на плечо. Глубоко вдыхаю холодный воздух. Солнце за день прогрело траву, и она по-прежнему пахнет летом.

— Мы около ограды, — ворчу я.

Действительно, здания исчезают, уступая место полям, на которых мерцают огоньки светлячков.

Позади нас, возле другой двери тамбура, скорчился, обняв колени, Кaleb. В какой-то момент наши глаза встречаются, и мне хочется заорать на него. Докричаться до самых темных глубин его души, чтобы, наконец, он услышал меня и понял, что натворил. Но вместо этого я просто смотрю ему в глаза. Он не выдерживает и отводит взгляд.

Я поднимаюсь на ноги, цепляясь за поручень. Тобиас и Кaleb делают то же самое. Кaleb норовит держаться позади нас, но Тобиас толкает его вперед, к самому дверному проему.

— Ты — первый. Прыгай по моей команде, — приказывает он. — Давай.

Он слегка понуждает Калеба, тот отрывается от порога вагона и исчезает во тьме. Тобиас прыгает следом. Я в вагоне одна.

Глупо жалеть о вещах, когда у тебя есть столько людей, по которым можешь соскучиться. Но я уже скучаю по этому поезду, как и по всем остальным поездкам, возившим меня по моему городу с тех самых пор, как я достаточно осмелела, чтобы ездить на них. В последний раз провожу пальцами по шершавой стенке вагона, а затем прыгаю. Поезд движется очень медленно, а я, не рассчитав, отталкиваюсь слишком сильно, в результате, падаю, и сухая трава царапает мне руки. Поднимаюсь на ноги, пытаюсь разглядеть в темноте Тобиаса и Калеба. Но прежде, чем нахожу их, слышу голос Кристины:

— Трис!

Они с Юрайей идут ко мне. У него в руках фонарик, и он выглядит куда более собранным и внимательным, чем

накануне вечером. Хороший знак. За ними появляются лучи других фонариков, слышатся голоса.

— Ну, как твой брат? Прыгнул? — спрашивает меня Юрайя.

— Ага!

Наконец, я вижу Тобиаса, который за руку тащит к нам Калеба.

— Не понимаю, как человек из эрудитов может быть таким тупым, — ворчит Тобиас, — как ты все не понимаешь, что тебе от меня не удрать?

— Он прав, Кaleb, — объясняет Юрайя. — Четыре — шустрый. Ну, может, и не такой шустрый, как я, но тебе, заяц, до него в любом случае далеко.

Кристина смеется.

— Почему заяц?

— Игра слов, — Юрайя приставляет ладони к голове, имитируя заячьи уши. — Зайка-знайка.

— У лихачей хватает странного жаргона. Прелесть, дуболом, заяка, вот... А правдолюбков вы называете как-нибудь?

— Конечно, — улыбается Юрайя, — сопляками.

Кристина сильно толкает Юрайю, и тот роняет фонарик. Тобиас, смеясь, подводит нас к остальным членам группы, стоящим поодаль. Тори сигналил фонариком в воздухе, чтобы привлечь наше внимание, и говорит:

— Хорошо, ребята. Джоанна с грузовиками ждет нас в десяти минутах ходьбы отсюда, так что пошли. Но если я услышу еще хоть один звук, вдарю так, что мало не покажется. Мы еще не выбрались наружу.

Мы строимся в компактную группу. Тори идет в нескольких футах впереди нас. Со спины, в темноте, она

напоминает мне Эвелин: такие же сухие и жилистые ноги, прямая спина, пугающая уверенность в собственной правоте. При свете фонарика я могу разобрать табуировку ястреба на ее затылке, — первое, о чем я ее спросила, когда Тори тестировала меня на пригодность. Она сказала тогда, что это символ страха, который она преодолела, — страха темноты. Интересно, не подкрадывается ли этот страх к ней сейчас, пусть она и уверена, что ей удалось избавиться от него? Уходят наши страхи насовсем или остаются, просто теряя над нами власть?

Она отрывается от нас с каждой минутой. Темп, который она взяла, больше смахивает на пробежку, чем на ходьбу. Наверное, она стремится убежать из этого места, где был убит ее брат, и сама она стала отверженной.

Она так далеко ушла вперед, что, когда раздаются выстрелы, я вижу только падение ее фонарика, но не ее тела.

— Разбегаемся, — громкий голос Тобиаса перекрывает наши вопли. — Быстро.

Ищу в темноте его руку и не нахожу. Тогда нащупываю пистолет, полученный от Юрайи перед отъездом, выхватываю его, чувствуя, что не могу дышать, как будто что-то сдавило мне горло. Мне нужен свет. Срочно. Бегу к телу Тори, где лежит выпавший из ее руки фонарик.

Я слышу, но не воспринимаю выстрелы, крики, топот, биение собственного сердца. Падаю рядом с пятнышком света и тянусь за фонариком. А потом вижу ее лицо. Оно блестит от пота, глаза бешено вытаращены. Одна из пуль вошла ей в живот, другая — в грудь. Никаких шансов, что она выживет. Я могла сердиться на нее за драку в лаборатории Джанин, но она все-таки Тори, которая со-

хранила мой секрет. Мне становится не по себе, когда я вспоминаю, как шла за ней в комнату для проверки моих склонностей, а ее «ястреб» маячил передо мной.

Она замечает меня и фокусирует на мне взгляд. Морщится, но не произносит ни слова. Я стискиваю ее пальцы. И слышу, как кто-то приближается к нам. Разом направляю фонарик и пистолет в ту сторону. В луче света появляется женщина, на ее рукаве — повязка бесфракционников, ствол направлен мне в голову. Стреляю, стиснув зубы. Пуля попадает ей в живот, она кричит, ее выстрел направлен куда-то в небо. Смотрю на Тори, она уже неподвижна. Молча бегу прочь.

Мои ноги жутко болят, легкие горят огнем. Я не знаю, спасусь я или встречу опасность, но я не остановлюсь. Наконец, я вижу свет вдалеке. Сначала думаю, что это еще один фонарик, но по мере того, как я приближаюсь, понимаю, что источник света более мощный. Это — фары. Я слышу звук двигателя и падаю на землю, прячась в высокой траве. Выключаю свой фонарик, а пистолет держу наготове. Пикап замедляет скорость, и я слышу голос Кристины:

— Тори?

Пикап красный и ржавый, он принадлежит Товариществу. Встаю на ноги и освещаю себя фонариком. Машина тормозит. Кристина выпрыгивает из кабины и обнимает меня. А я пытаюсь осознать произошедшее: тело Тори, руки неизвестной женщины, хватающейся за живот... Бесполезно. Я не могу поверить в реальность этих видений.

— Слава богу, — говорит Кристина. — Но надо найти Тори.

— Тори мертва, — произношу я.

Вытираю слезы со щек тыльной стороной ладони, борюсь с робой, чтобы не зарыдать в голос.

— Я застрелила женщину, которая убила ее.

— Что? — выкрикивает Джоанна.

— Тори больше нет, — повторяю я.

Джоанна выдавливает:

— Ладно, давайте отыщем остальных.

Я забираюсь в пикап. Двигатель ревет, когда Джоанна нажимает на педаль газа. Машина подпрыгивает на кочках, прячущихся в густой траве.

— Вы видели наших? — спрашиваю я.

— Только Кару и Юрайю, — качает головой Джоанна.

Я хватаюсь за дверную ручку. Почему я искала Тобиаса? Что меня делать, если Тобиас не выбрался?

— Уверена, они в порядке, — произносит Джоанна, — твой мальчик позаботится о себе.

Я не спорю. Тобиас может за себя постоять, но при таком нападении шансы на выживание определяются случайностью. Ловкость и умение не помогут тебе избежать шальной пули. Надейся лишь на удачу или Провидение. Не знаю, сама я никогда не думала о том, верю ли я во что-нибудь.

Он в порядке, он в порядке. С Тобиасом все в порядке...

Мои руки дрожат, и Кристина кладет ладонь мне на колено. Джоанна везет нас к месту встречи, там нас должны ждать Юрайя и Кара. Я смотрю на стрелку спидометра, которая медленно ползет вправо, и замирает на числе 75. Машину трясет на ухабах, нас швыряет друг на друга в кабине.

— Там, — восклицает Кристина.

Впереди нас целый пучок огней, некоторые из них — тонкие лучики фонариков, другие — круглые, это — фары. Мы подъезжаем ближе, и я вижу его.

Тобиас сидит на капоте другого пикапа, его рукав пропитан кровью. Кара стоит рядом с аптечкой. В нескольких футах от них на траве расположились Калев и Питер.

Не дожидаясь, пока Джоанна остановит машину, я открываю дверь, выпрыгиваю и бегу к ним. Тобиас встает, не обращая внимания на Кару, требующую, чтобы он сидел на месте, и бежит мне навстречу. Обнимает меня здоровой рукой, отрывает от земли, прижимает к себе. Его спина взмокла от пота, когда он целует меня, я чувствую соль на его губах. Напряжение разом спадает. Я чувствую, что стремительно возрождаюсь. Ура! Мы выбрались из города.



12

Тобиас

Моя рука подрагивает, словно благодаря пуле зажила самостоятельной жизнью. Трис касается моего плеча и указывает на что-то справа от нас. Вижу ряд длинных, низких строений, озаренных голубым светом, похожим на свет аварийных ламп.

— Что там? — спрашивает Трис.

— Теплицы, — пожимает плечами Джоанна. — Они не требуют серьезной заботы, а наш город растет, следовательно, растет и потребление. Нам требуются животные, сырье для производства тканей, пшеница и так далее.

Стекла блестят в свете звезд, скрывая от наших взглядов воображаемые мною сокровища: маленькие кустики со свисающими с веток ягодами или ряды картофельной ботвы, под которой в земле зреют клубни.

— Ух, ты! — восклицаю я.

— У Товарищества свои секреты, — в голосе Джоанны отчетливо слышатся нотки гордости.

Перед нами расстилается длинная прямая дорога с трещинами и колдобинами. По обочинам торчат корявые деревья, сломанные фонарные столбы и старые опоры линий электропередач. Бетон тротуара зарос сорняками, за ними темнеют кучи гнилых деревяшек: это заброшенные дома.

Здания здесь гораздо ниже тех, которые мы оставили позади, но не менее многочисленны. Древний город, уничтоженный для того, чтобы Товарищество могло заниматься сельским хозяйством. Он был razoren, сожжен дотла. Его дороги тоже исчезают, — земля медленно, но верно одерживает верх над асфальтом.

Я чувствую ветер, который перебирает пряди моих волос. Когда я был маленьким, моя мама изображала, что создает из воздуха разные вещи: молотки, гвозди, мечи или роликовые коньки, и «отдавала» их мне. Это была игра, в которую мы играли по вечерам, на лужайке, пока Маркус не возвращался домой. Так мы преодолевали страх.

В кузове сидят Калев, Кристина и Юрайя. Последние двое соприкасаются плечами, но смотрят они в противоположные стороны, как чужие. Следом едет еще один пикап, управляемый Робертом, в нем — Кара и Питер. А Тори уже нет. Она проводила мой тест на пригод-

ность той или иной фракции. Первой натолкнула меня на мысль, что я могу и должен оставить альтруистов. Я знаю, что не оплатил свой долг перед ней.

— Прибыли, — произносит Джоанна. — Вот внешняя граница, охраняемая патрулями лихачей.

Оказывается, тут нет никакой жуткой ограды, которая бы отмечала границу между городом и внешним миром. Но лихачи следят за тем, что происходит, из диспетчерской. Они контролируют, чтобы никто не пересекал линию, отмеченную на их дисплеях рядом значков «Х». А маршруты самих патрулей проложены таким образом, чтобы у них кончался бензин, если они заедут слишком далеко. Это — тонкая система сдержек и противовесов, которая много лет хранила безопасность города и, конечно, не выдавала посторонним тайны альтруистов.

— Кто-нибудь пересекал границу? — интересуется Трис.

— Бывало, — кивает Джоанна. — В обязанности нашей фракции входило разбирательство с подобными ситуациями.

Трис вопросительно смотрит на нее.

— У каждой фракции есть свои сыворотки, — поясняет Джоанна. — Сыворотка лихачей вызывает галлюцинации, правдолюб — заставляет говорить правду, Товарищества — позволяет примириться с судьбой, а сыворотка эрудитов несет смерть...

Трис вздрагивает, но Джоанна спокойно продолжает:

— Сыворотка альтруистов — стирает память.

— Что?

— Такое случилось с Амандой Риттер, — напоминаю я.

— Да, — подтверждает Джоанна. — Товарищество применяет сыворотку альтруистов к тем, кто пересекает границу. Я уверена, некоторые из них все же умудрились проскользнуть мимо нас.

Мы замолкаем. Я перевариваю услышанную информацию.

Существует что-то глубоко неправильное в самой идее стирания человеческой памяти. Я, конечно, знаю, это быда вынужденная мера, но мне очень неуютно. Такого не должно быть. Заберите у человека память, и вы присвоите его личность.

Я так возбужден, что мне хочется выпрыгнуть из собственной шкуры. Чем дальше мы удаляемся от патрулей и внешней границы, тем ближе к неизведанному миру. Я и в ужасе, и в восторге, смущен и воодушевлен, а также испытываю великое множество разнообразных иных чувств.

Вдруг в свете раннего утра я замечаю что-то впереди. Хватаю за руку Трис и кричу:

— Смотрите!



13 Трис

Внешний мир оказался полон дорог, темных зданий и заброшенных линий электропередач. Здесь нет ни одной живой души, не слышно ни звука, ничего не движется, кроме ветра и нас самих. Пейзаж похож на недосказанную фразу: его начало осталось незавершенным, как бы повисло в воздухе, и началась совершенно другая тема.

С одной стороны видны только пустоши, поросшие травой и заглохшие дороги. С другой — две бетонных стены с полудюжиной железнодорожных путей между ними. Над ними — бетонный мост, а внизу — дома из досок, кирпича и стекла. Деревья так разрослись, что их ветви соединились между собой. Справа — дорожный знак с числом «90».

— Что делать? — спрашивает Юрайя.

— Давайте пойдем по колее, — шепчу я.

На границе между «нашим» и «чужим» миром, мы вылезаем из пикапов. Роберт и Джоанна коротко прощаются с нами и уезжают обратно в город. Смотрю им вслед. Не могу понять, как это возможно. Я знаю, конечно, что у них куча дел. Например, Джоанна еще должна организовать восстание верных.

Тобиас, Питер, Кристина, Юрайя, Кара, я и Калек, подхватываем наши скудные пожитки и тащимся вдоль железнодорожных путей.

Рельсы — отполированные и гладкие, вместо деревянных шпал лежат балки из текстурированного металла. Впереди, недалеко от стены, я вижу пустой поезд. Тонированные окна поблескивают. Я различаю внутри ряды кресел с коричневой обивкой. Никто не смог бы запрыгнуть в такой вагон на ходу.

Тобиас идет по рельсу, балансируя разведенными в стороны руками. Остальные топают вразнобой. Мы почти не разговариваем, разве что иногда обращаем внимание друг друга на какую-нибудь диковинную деталь.

Но я сосредоточилась на бетонных стенах. Они покрыты странными изображениями гладкокожих людей. Еще тут множество огромных фотографий красочных

флаконов с шампунями, бальзамами. витаминами или странными веществами, на них написаны непонятные слова: «Водка», «Кока-Кола» и «Энергетический напиток». Цвета и формы завораживают.

— Трис, — Тобиас кладет руку на мое плечо. — Ты слышишь?

Я замираю и замечаю тихий гул, прерывистый, но интенсивный. Он напоминает рокот двигателя.

— Замрите! — кричу я.

К моему удивлению, все останавливаются, даже Питер. Мы сходимся группой в середине колеи. Питер достает пистолет. Делаю то же самое, сжимая свой, на всякий случай, обеими руками. Помню, с какой легкостью я когда-то использовала его. Теперь все по-другому.

Что-то появляется из-за поворота. Похоже на черный пикап, но побольше. Он достаточно вместителен, чтобы в его крытом кузове поместилась дюжина человек. Меня бросает в дрожь.

Грузовик переваливает через рельсы и тормозит в двадцати футах от нас. Я вижу человека за рулем: у него темная кожа и длинные волосы, собранные в хвост на затылке.

— О боже, — восклицает Тобиас.

На пассажирском месте сидит женщина. Она — веснушчатая и примерно того же возраста, что и Джоанна. Незнакомка прыгает на землю и поднимает обе руки, показывая, что она не вооружена.

— Привет, — здоровается она, нервно улыбаясь. — Меня зовут Зоя. Это — Амар.

Она кивает на водителя, который тоже выходит из грузовика.

— Амар мертв, — заявляет Тобиас.

— Нет, я живой, Четыре, — отвечает Амар.

На лице Тобиаса — страх. Я не виню его. Не каждый день видишь такое. Лица тех, кого я потеряла, вихрем мелькают в моем сознании: Линн, Марлен, Уилл, отец, мать.

Что, если они еще живы? А занавес, который разделяет нас, это не смерть, а просто сетчатая ограда? Я не могу удержаться от своей глупой детской надежды.

— Мы работаем на организацию, которая основала ваш город, — произносит Зоя. — Эдит Прайор была ее членом. И еще...

Зоя лезет в карман и достает помятую фотографию, сверяется с ней и смотрит на меня в упор.

— Я думаю, ты должна увидеть ее, Трис. Сейчас я шагну вперед и положу фото сюда, хорошо?

Она знает мое имя. Причем не только имя, но и прозвище, которое я сама себе выбрала, войдя во фракцию лихачей. У меня ком подкатывает к горлу.

— Хорошо, — хрипло повторяю я.

Зоя кладет фото на рельсы, а затем возвращается назад. Я выхожу из нашей группы, чувствуя себя беззащитной, наклоняюсь и хватаю снимок. Потом осторожно отступаю.

На фото заснят ряд людей, стоящих вдоль забора. Нахожу среди них маленькую Зою, — девчонку с веснушками. Я собираюсь спросить у нее, какое отношение ко мне имеют эти люди, но внезапно узнаю молодую женщину с тусклыми светлыми волосами. Моя мать. У меня перехватывает дыхание. Я чувствую горе, боль и тоску.

— Нам надо о многом с тобой побеседовать, Трис, — произносит Зоя, — но здесь не самое лучшее место. Мы хотели бы отвезти вас в нашу штаб-квартиру.

Держа пистолет, Тобиас касается моего запястья.

— Тут твоя мама? — уточняет он.

— Наца мама? — восклицает Калев, отпихивая Тобиаса и заглядывая мне через плечо.

— Да, — отвечаю я.

— Ты им доверяешь? — вполголоса спрашивает Тобиас.

Зоя не похожа на лгунью. Значит, слухи о том, кто такая Эдит Прайор — правда. И еще есть Амар, теперь бдительно наблюдающий за каждым движением Тобиаса.

— Мы сами хотели их найти, — признаюсь я. — Мы должны кому-то здесь доверять, не так ли? Иначе нам просто останется бродить по этой пустыне, пока не подохнем с голоду.

Тобиас опускает пистолет. Я тоже. Остальные следуют нашему примеру. Кристина — последняя.

— Но пообещайте, что мы можем свободно уйти отсюда в любое время, — отчеканивает она. — Ладно?

Зоя прижимает руку к груди.

— Даю вам слово.



14

Тобиас

Я стою у борта грузовика, вцепившись в стойку, на которой укреплен брезент. Как бы мне хотелось, чтобы новая реальность оказалась симуляцией. Тогда я бы мог манипулировать ею, разобраться в ней. Но я бессилён. Амар жив.

«Адаптируйся!» — такой была одна из любимых его команд во время моего посвящения. Его вопли будили меня лучше всякого будильника. Адаптируйся быстрее и лучше. Адаптируйся к любым ситуациям — и днем, и ночью.

Например, оставь знакомый тебе мир и отправляйся открывать другой. Или еще: прими, что твой мертвый друг на самом деле жив-здоров и сидит за рулем грузовика.

Трис скорчилась позади меня на скамейке. Она тербит в руках фотографию. Ее пальцы скользят по картинке, касаясь лица матери. Кристина устроилась справа, Калев — слева. Но Трис старается не касаться его, почти навалившись на Кристину.

— Значит, это ваша мама? — спрашивает та.

Трис и Калев кивают.

— Она молодая. И красивая, — тараторит Кристина.

— Да, она — красивая. То есть была.

Голос Трис не звучит печально, хотя ее губы дрожат. У меня складывается впечатление, что она ожидает чуда. Надеюсь, она не лелеет ложную надежду.

— Разрешите мне посмотреть поближе, — просит Калев.

Молча, не глядя на него, она передает ему фотографию.

Я отворачиваюсь от них и продолжаю разглядывать нашу новую реальность. Вокруг нас расстилаются широкие поля. А позади — едва видимый в тумане, еще виднеется Спайр, возвышающийся над невидимым городом. Он похож на призрак.

Питер встает и становится рядом со мной у борта грузовика, держась за брезент, чтобы не упасть. Дорога поворачивает в сторону, и я больше не вижу полей.

Теперь мы попадаем в лабиринт зданий. Некоторые — небольшие, как дома альтруистов, другие — широкие и приземистые.

Густые деревья растут внутри бетонных кругов, очевидно, служащих для того, чтобы их корни не расползались и не разрушали мостовую. На коньке ближайшей крыши сидят в ряд черные птицы, такие же, какие вытатуированы на ключице Трис. Когда грузовик проезжает мимо, они пронзительно кричат и взмывают в воздух.

Я отхожу от борта и сажусь на скамейку. Закрываю глаза, не в силах справиться с потоком новой информации. Я чувствую сильные руки Трис на своих плечах, заключающих меня в их надежный круг. Она — молодец, я же словно оцепенел.

— Попробайся сосредоточиться на том, что происходит прямо здесь и сейчас, — советует мне Кара.

Я пробую. Думаю о том, что скамейка подо мной твердая, грузовик подсакивает, иногда даже на ровной дороге, а его вибрации передаются моему телу. Прислушиваюсь к своим ощущениям, когда машина проезжает по рельсам. И я перестаю ощущать даже течение времени, паника отступает, остается только наше движение по земле.

— Теперь ты можешь оглядеться, — голос Трис доносится будто издалека.

Кристина и Юраяя стоят на моем прежнем месте. Я задираю голову. Но обнаруживаю только высоченный забор. Пейзаж выглядит совершенно пустым по сравнению с плотной городской застройкой. Ограда сделана из длинных черных пик, заостренные концы которых

загнуты наружу, чтобы проткнуть каждого, кто попытается перелезть.

В нескольких футах позади есть еще один забор, сделанный из металлической сетки, как тот, что окружает наш город. Но поверх этого протянута колючая проволока. Я слышу доносящееся оттуда гудение. Очевидно, все находится под электрическим напряжением. В пространстве между двумя заборами расхаживают люди с оружием, напоминающим наши пейнтбольные винтовки. Только они наверняка настоящие.

К первому забору прикреплена вывеска: БЮРО ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ.

Амар неразборчиво обращается к охранникам. Ворота медленно открываются, пропуская нас. Я понимаю, что за этими заборами — железный порядок.

Везде стоят невысокие здания, разделенные аккуратными газонами и подстриженными деревьями. Дорожки, проложенные между ними, ухожены и размечены стрелками, указывающими различные пункты назначения: ТЕПЛИЦЫ — прямо; КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ — налево; ОФИЦЕРСКИЕ КАЗАРМЫ — направо, ГЛАВНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ находится прямо перед нами.

Озираюсь по сторонам и почти свешиваюсь из кузова. Бюро Генетической Защиты просто бесконечное. Прямо мамонт из стекла, стали и бетона. За ним торчат несколько башен с белыми шарами наверху. Не представляю, зачем они нужны, но когда я их вижу, на ум сразу приходят наши контрольные комнаты. Забавно будет, если я угадал.

Здесь почти нет людей. Впрочем, несколько человек провожают нас взглядами, но мне не удается разглядеть их лиц — мы едем слишком быстро.

Грузовик тормозит перед двойными дверями, и Питер первым выпрыгивает на землю. За ним вылезает и мы, а потом сбиваемся в плотную кучку.

В городе мы были разделены на фракции. Учитывался и возраст, и происхождение. Здесь мы сами по себе.

— Вляпались, — бормочет Трис, когда к нам подходят Зоя и Амар.

«Вляпались», — повторяю я про себя.

— Добро пожаловать в Бюро, — изрекает Зоя. — Здание раньше принадлежало аэропорту О'Хара, — одному из крупнейших аэропортов в стране. Теперь, здесь штаб-квартира Бюро Генетической Защиты, или просто Бюро. Это — агентство правительства Соединенных Штатов.

Я невольно хмурюсь. В принципе, я знаю все слова, которые она произносит, кроме разве что «аэропорт» и «Соединенные Штаты». Похоже, я не единственный, кто выглядит удивленным. Питер вопросительно поднимает брови.

— Ох, извините меня, — спохватывается Зоя. — Я забывала, что вы почти ничего не знаете.

— Я считаю, это ваша вина, а не наша, — резко говорит Питер.

— Наверное, ты прав, — мягко улыбается ему Зоя. — Постараюсь объяснить. Аэропорт — специальное место, куда ты приезжаешь, если собираешься путешествовать по воздуху...

— Путешествовать по воздуху? — недоверчиво переспрашивает Кристина.

— Это такая техническая разработка. Подобные путешествия безопасны, быстры и удивительны, — произносит Амар.

— Ничего себе! — восклицает Трис.

Я размышляю о том, как должно быть здорово — пронзать воздух, взлететь высоко над Бюро. Полная свобода.

— Когда начался эксперимент, аэропорт преобразовали, чтобы мы могли следить за тем, что у вас происходит, дистанционно, — продолжает Зоя. — Сейчас мы с вами пройдем в диспетчерскую, где нас ждет Дэвид, руководитель Бюро. Вы увидите много непонятных вещей, но будет лучше, если вы сначала все сами рассмотрите, а затем будете задавать вопросы.

Мы следуем за ней, и двери перед нами распахивают два вооруженных охранника. Впрочем, когда мы минуем их, они приветливо улыбаются. Контраст между доброжелательным приветствием и громоздким оружием, выглядит какой-то шуткой.

Мы заходим в здание, и холодный воздух овеивает мое лицо. Стрельчатые окна пропускают внутрь тусклый свет, но от этого помещение не становится привлекательнее. Кафельная плитка на полу старая, потертая и грязная, стены — серые и пустые. Впереди маячат еще несколько человек. Они находятся возле какого-то механизма, табличка гласит: КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ. Зачем им столько контроля, если они защищены двумя заборами, один из которых под напряжением? Но я не собираюсь соваться со своим уставом в чужой монастырь.

Трис трогает меня за плечо:

— Гляди, Тобиас.

В дальнем конце зала висит огромный блок из камня и стекла. Очередная загадка. А еще мне не понятен голодный интерес в глазах Трис. Иногда мне кажется, что мы с ней очень похожи, а порой я чувствую, насколько мы разные, будто между нами пролегает пропасть.

Кристина что-то говорит Трис. Обе хихикают. Но все, что я теперь слышу, звучит приглушенно и искаженно.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Кара.

— Да, — механически отвечаю я.

— Паника — нормальное состояние, — продолжает она. — Поверь, нет необходимости постоянно доказывать нам свою крутость.

— Мою что?

Она весело смеется.

Люди на контрольно-пропускном пункте отходят в сторону, открывая длинный проход. Зоя объявляет:

— Оружие внутрь объекта вносить нельзя, вы должны оставить его на КПП. Потом сможете его забрать, если, конечно, вы решите уйти. Скоро мы пройдем через сканеры и продолжим наш путь.

— Она меня раздражает, — бурчит Кара.

— Что? — спрашиваю я. — Почему раздражает?

— Она не может отделить себя от собственной мудрости, — фыркает она, вытаскивая пистолет. — Чересчур умная.

— Ты права, — соглашаюсь я, впрочем, без особого возмущения.

Зоя кладет свой пистолет в серый контейнер, а затем направляется к сканеру. Это нечто вроде огромной коробки с проемом посередине. Достаю пистолет, тяжелый

от неиспользованных патронов, и тоже кладу его в лоток, который протягивает мне охранник.

Я наблюдаю за Амаром, Зоей, Питером, Калемом, Карой и Кристиной. Застываю у самого входа в эту штуковину: мои руки немеют и в груди становится тесно. Сканер напоминает деревянный ящик, привидившийся мне в комнате страхов, тот, который сжимал и плющил мои кости. *Хватит с меня!*

Заставляю себя шагнуть внутрь. Раздается пронзительный звуковой сигнал. Я вздрагиваю и вижу ладонь охранника, жестом приказывающего мне выходить. *Бежать отсюда, бежать!*

Спотыкаюсь, выхожу из кабины. Наконец-то я снаружи. Кара бросает на меня подозрительный взгляд. Трис, пройдя следом за мной, берет меня за руку, но я еще во власти того кошмара из комнаты страхов. Через минуту ужас отступает.

Юраяя проходит контроль последним, и Зоя ведет нас дальше. За КПП уже не так грязно. Полы выложены плиткой, но она натерта до блеска, повсюду — окна. По обе стороны коридора я замечаю ряды лабораторных и компьютерных столов, как в штаб-квартире эрудитов. Но эти ребята, кажется, ничего не скрывают.

Сворачиваем направо. Люди тут же прекращают работать и таращатся на нас. Я ощущаю на себе их взгляды, как теплые солнечные зайчики, и краснею от смущения. Мы пробираемся в глубину здания. Наконец, Зоя останавливается и поворачивается к нам. Позади нее — круг темных экранов. Внутри него за невысокими столами сидят сотрудники, быстро набирая что-то на клавиату-

рах. Их лица озарены светом других экранов. Настоящие ночные мотыльки, кружащиеся над пламенем.

Зрелище напоминает мне диспетчерскую, но я не могу понять, чем они занимаются: ведь мониторы погашены. Напротив них расставлены кресла, как будто помещение предназначено для отдыха.

Рядом с диспетчерской появляется пожилой улыбающийся человек, одетый, как и остальные, в темно-синюю форму. Надо полагать, это и есть тот самый Дэвид. Он говорит:

— Наконец свершилось то, чего мы все ждали.



15

Трис

Достаю из кармана фото и нахожу на нем Дэвида. Он стоит как раз рядом с мамой, только лицо не морщинистое да талия поуже. Закрываю пальцем лицо мамы. Надежда, которая зародилось, исчезла как дым. Если бы мать, отец или друзья были живы, они бы встретили нас у дверей. Мне следовало догадаться, что история с Амаром — просто случайность.

— Меня зовут Дэвид. Как, вероятно, вам уже сообщила Зоя, я — руководитель Бюро Генетической Защиты. Попробую ввести вас в курс дела, — произносит он. — Главное, вы должны знать, что информация, которую вы получили от Эдит Прайор, верна, но... лишь отчасти.

Произнося имя Эдит, он многозначительно смотрел на меня. Я дрожу от нетерпения. Неужели я получу ответы на все мои вопросы?

— Она дала вам ровно столько информации, сколько следовало для достижения целей наших экспериментов, — продолжает Дэвид. — Во многих случаях это означало упрощения, умалчивания, а иногда и откровенную ложь. Но теперь, когда вы здесь, уже нет смысла лгать вам или что-то упрощать.

— Вы все время толкуете о каких-то экспериментах, — молдает голос Тобиас. — Что это за эксперименты?

— Сейчас мы к этому подойдем. — Дэвид смотрит на Амара. — С чего они начинали, когда объясняли все вам?

— Не важно, с чего вы теперь начнете. Все равно вы не сможете подать информацию так, чтобы им легко было это осознать, — отвечает Амар, гляди вниз.

Дэвид откашливается и начинает:

— Давным-давно правительство Соединенных Штатов...

— Чего соединенных? — изумляется Юрайя.

— Это такая страна, — поясняет Амар. — Очень большая. Она имеет определенные границы и некий руководящий орган. Сейчас мы находимся в самом центре государства. Но продолжайте, сэр.

Дэвид потирает ладони, явно недовольный тем, что его прервали, и начинает снова:

— Несколько столетий назад правительство Штатов было заинтересовано в том, чтобы у граждан выработались оптимальные алгоритмы поведения. Были проведены исследования, которые показали, что тенденция к насилию отчасти заложена в генетический код человека. Тогда и нашли так называемый «ген убийства», а также довольно много других. Существует генетическая predisposition к трусости, нечестности, глупости, в

общем, к качествам, которые, в конечном итоге, мешают жизни и развитию общества.

Нас учили, что фракции были созданы, чтобы решить проблему нашей несовершенной природы. Видимо люди, о которых говорит Дэвид, верили в то же самое. А я знаю только то, что гены передаются от родителей к детям, поэтому не могу себе представить, как можно выделить нечто, отвечающее за убийство или нечестность. Подобные качества слишком неопределенные, туманные, чтобы иметь своих физических носителей в организме человека. Впрочем, я же не эрудит.

— Есть целый комплекс факторов, которые определяют развитие личности, в том числе воспитание и собственный опыт человека, — продолжает Дэвид, — но, несмотря на мир и процветание, которые царили в стране почти целое столетие, нашим предкам показалось, что будет лучше, если они уменьшат риск возникновения нежелательных качеств, исправляя их в самом зародыше. Иначе говоря, путем редактирования генетического кода. В результате начались эксперименты. Для проявления генетических мутаций необходимо, чтобы сменилось несколько поколений. Из огромного числа людей, в соответствии с их опытом или поведением, отобрали тех, кому дали возможность усовершенствовать будущие поколения: передать им свои коды, делающие людей чуть лучше.

Я смотрю на остальных. На лице Питера — гримаса недоверия. Кaleb хмурится, а Кара стоит с открытым ртом, будто намеревается разом проглотить все предложенные ей ответы. Кристина скептически приподняла одну бровь. изучает свои ботинки.

По-моему, я не услышала ничего нового. Это еще один вариант философских рассуждений о том, как появились фракции. Разделение людей, манипулируя их генами, мало чем отличается от деления их на группы, исходя из склонностей. До некоторой степени я даже согласна с Дэвидом. Другой вопрос: при чем здесь мы?

— Но когда манипуляции начали давать результаты, выяснилось, что изменения ведут к катастрофическим последствиям. Наша попытка привела не к исправлению генов, а к их повреждению, — вещает Дэвид. — Если забрать чей-то страх или низкий интеллект, то можно убить в человеке способность к состраданию, например. Заберите чью-то агрессию — и вы получите у индивида мотивацию к лидерству. Заберите эгоизм — и вы потеряете чувство самосохранения.

Я анализирую каждое качество, о котором он говорил: страх, низкий интеллект, эгоизм... Ясно, он имеет в виду фракции. И Дэвид прав, когда утверждает, что каждая фракция теряет что-то, получая свою добродетель: лихачи смелые, но жестокие; эрудиты — умные, но самовлюбленные; члены Товарищества — миролюбивые, но пассивные; правдолюбывы — честные, но эгоистичные; альтруисты — самоотверженные, но упрямые.

— Человечество никогда не было идеальным, но трансформации сделали людей хуже, чем когда-либо прежде. И тогда началась гражданская Война за Чистоту. Сражения вели те, чьи гены были повреждены, против правительства и всех, чей код остался неизменным. Война принесла невиданные прежде разрушения на американскую землю. Погибла половина населения Штатов.

— Обзор включен, — говорит один из людей, сидящих за столом в диспетчерской.

На мониторе, висящем над головой Дэвида, появляется карта. Она целиком покрыта светящимися пятнами розового, красного и темно-малинового оттенков.

— Так выглядело наше государство до войны, — проносит Дэвид, — а так — после...

Огоньки меркнут, разноцветные участки — сжимаются, как высыхающие на солнце лужицы. Я понимаю, что красные огоньки — это люди: они исчезали и их огни гасли. Мой ум отказывается осознать подобное количество жертв.

— Когда война закончилась, народ потребовал окончательного решения проблемы. Тогда и создали Бюро Генетической Защиты. Вооружившись научными знаниями, бывшими на тот момент в распоряжении правительства, наши предшественники осуществили эксперимент, призванный помочь восстановить код человека в его первоизданном виде. Они призвали генетически поврежденных сдаться на милость Бюро.

На длительное время людей разместили в специальных зонах, снабдив сыворотками, чтобы помочь контролировать свое общество. И начали ждать, чтобы произошли мутации, вследствие которых должны были появиться люди с восстановленной генетикой. Или, как вы их называете... дивергенты.

Теперь я получила простой ответ на долго мучивший меня вопрос: оказывается, мои гены просто-напросто исцелились. Чистые они. Узнав правду, я должна была почувствовать облегчение. Но я лишь замечаю, как будто что-то выключилось, перестало зудеть в глубине моего мозга. Получается, что я «исцеленная».

Я начинаю задыхаться по мере того, как знание проникает в мой ум и сердце, слой за слоем, снимая покров тайны. Прикасаюсь к груди, чтобы унять сердцебиение и попытаться успокоиться.

— Ваш город является одним из экспериментальных центров генетического исцеления. На сегодняшний день он наиболее успешен по сравнению с другими. Я имею в виду, конечно, разделение на фракции, — Дэвид горделиво улыбается.

Значит, нам указывали, как поступать. Дэвид и все остальные смоделировали наш мир, без нашего ведома.

— Наши предшественники обнаружили, что генетической коррекции было недостаточно. Фракции стали попыткой включить в эксперимент систему воспитания. Новый общественный строй, в сочетании с генной модификацией, был определен как лучшее решение поведенческих проблем.

Дэвид смотрит на нас, и его улыбка исчезает. Я не знаю, чего он ожидал. Что мы ласково похлопаем его по плечу в ответ? После паузы он продолжает:

— Позже фракции были введены в качестве основного элемента в большинстве наших центров. В данный момент в трех из них они до сих пор существуют. Мы немало сделали, чтобы наблюдать за вами, защитить вас и учиться у вас.

Кара проводит руками по волосам, как будто поправляя выбившиеся пряди, и осведомляется:

— Значит, когда Эдит Прайор утверждала, что мы должны найти причину возникновения дивергентов и сбежать из города, это было...

— Наименование «дивергенты» мы даем тем, кто достиг приемлемого уровня генетического выздоров-

ления, — объясняет Дэвид. — Мы хотели, чтобы руководители вашего города поняли данный расклад. Увы, лидер эрудитов начал охоту на них. Вопреки всему, что говорила Эдит, мы никогда не хотели сформировать из дивергентов армию. На самом деле мы не ждем от вас никакой помощи. Нам нужно, чтобы ваши здоровые гены были переданы будущим поколениям.

— То есть, если ты не дивергент, ты — больной? — бормочет Кaleb в ужасе.

Не думала, что когда-нибудь увижу Калеба на грани истерики, но сейчас он, похоже, расплатится. «Тише», — повторяю я себе снова и делаю глубокий медленный вдох.

— К сожалению, — уточняет Дэвид. — Все недивергенты имеют генетические повреждения. Но для нас это стало сюрпризом. Ведь в итоге мы обнаружили, что коррекция поведения в вашем городе оказалась эффективной. Прежде это рассматривалось нами как единственное средство спасения. Иногда вообще неясно, имеет ли человек из вашего города здоровые гены или изменения связаны с воспитанием.

— Я не дурак, — подает голос Кaleb. — Вы утверждаете, мои предки были искусственно изменены, чтобы стать умнее, поэтому я, их потомок, не умею сострадать. Таким образом, я и другие люди, чьи гены были изменены, ограничены в своих возможностях. Тогда как дивергенты — нет.

— Правильно, — кивает Дэвид.

Кaleb смотрит на меня, и я не отворачиваюсь. Значит, причиной предательства Калеба стали его поврежденные гены? Странно...

— Сами по себе гены — еще не все, — вмешивается Амар. — Люди всегда имеют выбор. Вот что важно.

Я вспоминаю нашего отца, прирожденного эрудита, человека, который не мог не быть умным. Выбрав свою фракцию, он начал пожизненную борьбу против своей природы и, в конечном счете, ее победил. Он воевал с самим собой так же, как и я. Внутренняя борьба не может быть продуктом мутаций, скорее это — универсальное человеческое свойство.

Смотрю на ссутулившегося Тобиаса. Он совершенно обессилен, кажется, вот-вот упадет в обморок. Он не одинок. Такая же реакция у Кристины, Питера, Юрайи и Калеба, нахмурившейся Кары. Они ошеломлены.

— Это долгий разговор, — говорит Дэвид.

Кристина, стоящая рядом со мной, фыркает.

— А вы провели бессонную ночь, — невозмутимо заканчивает фразу Дэвид. — Сейчас я проведу вас туда, где вы сможете поесть и отдохнуть.

— Минуточку, — восклицаю я.

Я думаю о фотографии, лежащей в моем кармане, и о том, что Зоя знала мое имя.

— Вы сказали, что наблюдаете за нами. Каким образом, позвольте спросить?

Зоя поджимает губы. Дэвид молча кивает одному из людей, сидящих позади него. Экраны разом включаются, на каждом из них появляется изображение, транслируемое из различных мест в городе. Я вижу штаб лихачей, Супермаркет Безжалостности, парк Миллениум, Хэнкок-билдинг и Втулку.

— Вы ведь знали, что лихачи следят за городом с помощью видеокамер, — поясняет Дэвид. — У нас есть доступ к их каналам информации.

Точно, нам надо отсюда сматываться.

Дэвид ведет нас к контрольно-пропускному пункту. Мы проходим через сканер, разбираем свое оружие. Всю свою жизнь за мной наблюдали. Когда я была маленькой, мои первые шаги и первые слова, мой первый день в школе и первый поцелуй. И когда на меня напал Питер, а мою фракцию превратили в армию, и когда умерли мои родители. Единственное, что удерживает меня от бегства, это фотография. Я не могу покинуть этих людей, не выяснив все, что они знают про мою маму.

Дэвид приводит нас в помещение с ковровым покрытием и расставленными везде растениями в горшках. Обои старые и пожелтевшие, по углам они отстают от стен. Следующая комната имеет высокие потолки и деревянный пол. Тепло светятся желто-оранжевые лампы, и в два ряда стоят складные кровати, в изголовьях которых находятся тумбочки. Здесь большие окна, занавешенные элегантными шторами. Но когда я подхожу к ним поближе, становится заметно, что они изношены и потрепаны по краям.

Дэвид говорит, что прежде эта часть здания Бюро являлась отелем, туннелем, связанным с аэропортом, а данное помещение было банкетным залом. В очередной раз он произносит слова, которые мы не понимаем:

— Вот ваше временное пристанище. Как только вы решите, что делать дальше, мы переселим вас в другие места, на территории самого Бюро или где-нибудь еще. Зоя проследит, чтобы вы хорошо устроились, — произносит он. — А я завтра вернусь.

Тобиас расхаживает взад-вперед и грызет ногти. Никогда прежде не замечала за ним подобной привычки.

Возможно потому, что не видела его раньше в таком нервном состоянии. Я понимаю, что должна остаться, но мне немедленно нужно вывести информацию о моей матери.

Мчусь по коридору за Дэвидом. Нагоняю его. Он стоит и потирает шею.

— Салют, — говорю я, — меня зовут Трис. Мне кажется, вы были знакомы с моей матерью.

Он вздрагивает от неожиданности, потом улыбается. Скрещиваю руки на груди. Сейчас я чувствую себя так же, как в тот момент, когда Питер сдернул мое полотенце во время посвящения в лихачи. Он выставил меня напоказ. Я жутко рассердилась и еще больше смутилась. Может, несправедливо, вываливать все на Дэвида, но я ничего не могу с собой поделать. В конце концов, он — лидер организации.

— Здравствуй, Трис, — отвечает он.

Я крепко обхватываю себя за плечи.

— Мне нужно узнать о моей матери. Зоя дала мне ее фото, и я подумала, что вы могли бы помочь.

— Можно мне посмотреть?

Достаю снимок из кармана и протягиваю ему. Он осторожно разглаживает карточку кончиками пальцев, и странная улыбка озаряет его лицо. Он будто ласкает изображение глазами. Я же топчусь рядом, чувствуя, что вторглась во что-то очень личное.

— Она приезжала к нам однажды, — говорит он. — Прежде, чем стать матерью.

— Что значит приезжала? — удивляюсь я. — Она — одна из вас?

— Да, — кивает Давид. — Она родилась здесь. Мы отправили ее в город, когда она была молодой девушкой, чтобы решить проблему, возникшую при проведении эксперимента.

— Значит, она была в курсе, — изумляюсь я.

Дэвид выглядит озадаченным.

— Ну, конечно.

Судорога пробегает по моему телу, словно я нахожусь под действием яда. Нет, не яда — а настоящей лжи.

— Она знала, что вы постоянно наблюдаете за нами... Вы видели, как умирала она и мой отец и как все начали убивать друг друга! Почему вы никого не отправили в город? Вы просто фиксировали ваши дурацкие наблюдения?

— Трис...

Он пытается обнять меня, но я отталкиваю Дэвида.

— Не произносите мое имя вслух.

По-прежнему дрожа, я возвращаюсь в комнату.

Там все вроде бы мирно. Каждый выбрал себе кровать и разложил свои вещи. Приваливаясь к стене рядом с дверью, я тру вспотевшие ладони о штаны. Похоже, никто из наших еще не оправился. Питер лежит на постели, отвернувшись от всех. Юрая и Кристина вполголоса разговаривают. Калёб массирует себе виски. Тобиас продолжает расхаживать и грызть ногти, а Кара молчит. Впервые с тех пор, как я встретила ее, она выглядит расстроенной. Даже ее броня оказалась пробитой. Сажусь на раскладушку против нее.

— Паршиво выглядишь.

Ее волосы, как правило, всегда гладкие и собранные в идеальный узел, растрепаны. Она негодуяюще смотрит на меня.

— Как мило с твоей стороны, Трис.

— Извини. Я не то имела в виду.

— Ага, — вздыхает она. — А я... Понимаешь, я же эрудит?

— Да.

— О вот и нет, — качает головой Кара. — Эрудиция — единственное, что было у меня в жизни. А теперь выясняется, что я — продукт какой-то ошибки в генах. И наши фракции являются своего рода моральной тюрьмой, чтобы держать нас под контролем. Все обстоит именно так, как утверждает Эвелин Джонсон и ее бесфракционники, — она делает паузу. — Тогда зачем формировать верных?

Кара, видимо, свыклась с мыслью о том, что верные — неотъемлемая часть системы фракций, стремящаяся выполнить заветы Основателей. А для меня это — лишь временное прибежище, предлог, чтобы выбраться из города.

— Но мы узнали правду. Разве оно того не стоило? — возражаю я.

— Да, — отвечает тихо Кара. — Но что-то я запуталась.

Сразу после смерти матери сознание того, что я являюсь дивергентом, спасло меня. Теперь я поняла, почему я настолько отличаюсь от остальных. Интересный вопрос, нужны ли мне теперь эти сведения? И были ли они когда-нибудь нам нужны? Все эти лихачи, эрудиты, дивергенты и верные? Не можем ли мы оставаться

друзьями, любовниками, братьями или сестрами, в зависимости от нашего собственного выбора, наших склонностей и привязанностей?

— Пойди лучше к нему, — кивает Кара на Тобиаса.

— Ты права, — отвечаю я.

Подхожу к окну и смотрю на то, что из него видно. Здание Резиденции возвышается над другими сооружениями. Я смотрю на траву на газонах и на заборы. Тобиас, наконец, замечает меня и останавливается.

— Ты в порядке?

— Да, — он садится на подоконник, лицом ко мне, так что наши глаза находятся на одном уровне. — То есть нет, если честно. Я думаю об этой бессмыслице. Система фракций и все такое прочее.

Он машинально дотрагивается до шеи, наверное, вспомнил о своих татуировках.

— Мы этим жили, Трис, — продолжает он. — А нас сделали подопытными животными.

— Тобиас, они постоянно наблюдали за нами. И они не вмешивались.

Он чешет в затылке.

— Я из-за другого беспокоюсь...

Он умолкает и пускается в объяснения:

— Трис, я работал в диспетчерской лихачей. Там камеры повсюду. Я предупреждал тебя, что во время твоего посвящения за тобой могут шпионить, помнишь?

Еще бы, он тогда вечно шипел сквозь зубы и косился куда-то в угол. А дело было в реальных видеокамерах.

— Но давным-давно я смирился с этим, — произносит он. — Мы всегда думали, что самостоятельны, и так и получилось. Они действительно бросили нас, Трис.

— А я никогда не смирюсь, — восклицаю я. — Если ты видишь, что у кого-то беда, ты должен помочь. Эксперимент там или нет. Боже мой.

Меня опять передергивает, а Тобиас ухмыляется.

— Ты чего? — накидываюсь я на него.

— Просто подумал кое о чем, что они видели. — И он обнимает меня за талию.

Но я не могу поддержать его веселье. Знаю, что он пытается таким образом поднять мне настроение. Поэтому я принужденно улыбаюсь в ответ и сажусь рядом с ним на подоконник.

— Мы ведь и сами догадывались, для чего были созданы фракции. Мы предполагали, что некая группа людей решила, что это — способ заставить людей жить лучше. И мы угадали.

Он не отвечает, только покусывает нижнюю губу и смотрит в пол. Мои ноги до пола не достают, и я болтаю ими в воздухе.

— Но они нам лгали, — размышляет он. — Вообще трудно понять, что было правдой, а что нет.

Я беру его за руку, наши пальцы переплетаются.

Ловлю себя на мысли, что бездумно повторяю про себя: «Слава богу», но быстро осознаю, что тревожит Тобиаса. Что делать, если вера наших родителей, вся их система убеждений окажется выдумкой кучки высоколобых маньяков? И это касается не только представлений о Боге, но и о том, что хорошо, что плохо, о самоотверженности, наконец? Что нам делать? Не знаю. Я целую Тобиаса, чтобы почувствовать мягкое прикосновение его губ и его дыхание. Потом мы отстраняемся.

— Почему всегда так? — спрашиваю я. — Почему, когда мы вместе, мы вечно находимся в толпе людей?

— Понятия не имею. Мы, наверное, идиоты.

Я смеюсь, и тьма исчезает из моего сердца. Смех напоминает мне, что я еще жива, пусть все, что я когда-либо знала, расплзается по швам. Кое-что у меня осталось: я не одинока, у меня есть друзья и любимый. И я не хочу умирать. Кстати, это важнее всего остального.

Ночью мы с Тобиасом сдвигаем наши раскладушки и смотрим друг другу в глаза, пока не засыпаем. Он начинает дремать первым, потом и я проваливаюсь в сон.



16

Тобиас

В полночь я просыпаюсь. Мой разум слишком возбужден, чтобы отдыхать, в голове крутится целый рой вопросов и сомнений. Трис отпустила мою руку, ее пальцы теперь касаются пола. Она вытянулась на матрасе, волосы нависают на глаза.

Сую ноги в ботинки и выхожу в коридор, шнурки волочатся по ковру. Я так привык к обстановке своего дома у лихачей, что поскрипывание деревянных половиц кажется мне чем-то неестественным. Странно, что здесь нет глухого стука каблуков по камню, эха шагов, шума струящейся воды в расщелине.

Через неделю после моего посвящения Амар, обеспокоенный моей возрастающей отчужденностью и подавленностью, предложил мне присоединиться к группе из опытных лихачей. Мы играли в хребрецов. Тогда, для

проверки моего мужества, мы с ним вновь спустились в яму. В результате я получил свою первую татуировку — языки пламени, охватывающие мою грудь. Это было мучительно, но я наслаждался каждой секундой той боли.

Дохожу до конца коридора и обнаруживаю, что попал в атриум. Тут явственно ощущается запах влажной земли. Повсюду цветы и деревья, растущие прямо из воды. Что-то похожее я видел в теплицах Товарищества. В центре помещения — гигантская прозрачная емкость для орошения. Она поднята высоко над полом, и снизу виден клубок переплетенных корней, напоминающих мне нервные волокна.

— Похоже, утрачиваешь бдительность, Четыре, — раздается за моей спиной голос Амара. — Я следил за тобой от самого вестибюля отеля.

— Чего тебе? — я постукиваю костяшками пальцев по емкости, и по воде пробегает легкая рябь.

— Мне казалось, тебе будет небезынтересно узнать, почему я жив, — говорит он.

— Ага, — киваю ему. — Но они не показали нам твой труп. Несложно разыграть фальшивую смерть, если мертвого тела никто никогда не видел.

— Ты молодец, — Амар шутливо аплодирует мне.

Я скрешиваю руки на груди. Амар приглаживает свою черную шевелюру и заново связывает ее в хвост.

— Я — дивергент, а Джанин начала на них охоту. Они просто пытались спасти столько людей, сколько было можно до того, пока она нас всех не перестреляла. Но, сам понимаешь, это же непросто: Джанин всегда оказывалась на шаг впереди остальных.

— То есть были и другие уцелевшие? — интересуюсь я.

— Немного.

— Кто-нибудь из них носил фамилию Прайор?

— Нет. К сожалению, Натали Прайор на самом деле мертва. Но именно она помогла мне выбраться оттуда. Мне и еще одному другому парню — Джорджу Ву. Ты не знал его? Сейчас он на дежурстве. Его сестра еще в городе.

Комок подкатывает у меня к горлу.

— Господи, — вырывается у меня, и я приваливаюсь к стенке резервуара.

— В чем дело?

Информация не уместается у меня в голове. Несколько часов отделяют смерть Тори от нашего прибытия сюда. Обычно это время ты проводишь в патруле или просто бездельничаешь. Но вчера между Тори и ее братом вырос непреодолимый барьер.

— Я знал его сестру, — признаюсь я. — Тори пыталась покинуть город вместе с нами.

— Пыталась, — повторяет Амар. — Ах. Значит...

Мы оба молчим. Джордж никогда больше не увидит свою сестру, а она умерла в полной уверенности, что его убила Джанин. Что еще сказать?

Теперь, когда мои глаза привыкли к свету, я замечаю, что растения в атриуме посажены не для пользы, а для красоты. Какие-то крупные цветы, плющ, фиолетовые или красные листья. За всю свою жизнь я видел немного цветов, и они были полевыми. И еще цветущие яблони в садах Товарищества. Здесь же растения — гораздо более пышные и богатые, что ли. Они состоят из множества прихотливо сложенных лепестков. В нашем городе такого непрагматичного места нет.

— Та самая женщина, которая якобы нашла твое тело, — выдавливаю я. — Она лгала?

— Никто никогда не смог бы последовательно врать так долго, — кривится он. — Хм... Никогда не думал, что способен произнести такую многозначительную фразу. Ее память была изменена, и ей мерещилось, что она сначала видела меня, прыгающего с небоскреба, а потом мой труп. На самом деле тело было не моим. Но поскольку оно разбилось в лепешку, проблем не имелось.

— Ее память стерли с помощью сыворотки альтруистов?

— Мы называем это сывороткой памяти.

Прежде я злился на него. Возможно, я испытывал ярость ко всему миру, оказавшемуся жутко сложным. А может, я сердился и на самого себя за то, что горевал о тех, кто в действительности жив. Так я долгие годы жалел о своей матери, думая, что она мертва. Обманом заставлял кого-то плакать о себе — одна из самых жестоких игр человечества. Но теперь, когда я смотрю на Амара, мой гнев отступает, словно вода, уходящая в песок. И он, мой инструктор по инициации и друг, улыбается мне.

— Значит, ты — цел и невредим.

— Ага. И ты больше не расстраиваешься по этому поводу.

Он трясет мне руку, обнимает, хлопает меня по спине ладонью. Я стараюсь соответствовать, но все равно чувствую себя скованно. Поэтому, когда мы, наконец, размыкаем объятия, я ощущаю, что покраснел. Судя по тому, как хохочет, глядя на меня, Амар, морда у меня красная, как свекла.

— Эх ты, дуболом, — фыркает он.

— Кстати, — перевожу я разговор. — Тебе здесь нравится, да?

Амар пожимает плечами.

— Особого выбора у меня не было, но, в общем, я неплохо устроился. вкалываю в службе безопасности, конечно. Мы бы хотели, чтобы ты присоединился к нам, но, может, такая работа недостаточно хороша для тебя?

— Я не уверен, что хочу у вас остаться, — осторожно отвечаю я. — Но спасибо за предложение.

— Здесь лучше всего, — продолжает он. — Большая часть населения живет в мегаполисах, там грязно и опасно, если ты не знаешь нужных людей. Короче, все как у нас в городе. Здесь, по крайней мере, есть чистая вода и нормальная еда.

В смущении переступаю с ноги на ногу. Не желаю сейчас думать об этом. Меня, похоже, поймали в ловушку. Я даже разочарован. Я ведь хотел сбежать от своих родителей и от плохих воспоминаний, связанных с ними. Но, с другой стороны, зачем разрушать хрупкое взаимопонимание, возникшее между нами? Поэтому я отвечаю:

— Хорошо, я приму все к сведению.

— Слушай, есть кое-что еще.

— Что? Кто-то воскрес?

— Нет, это связано с городом. На завтрашнее утро запланирован допрос Маркуса, — мне в диспетчерской сообщили.

Ясно. Эвелин приберегла Маркуса «на десерт», чтобы сполна насладиться тем, как он будет корчиться под действием сыворотки правды. До меня не сразу доходит,

что я смогу сам увидеть шоу, несмотря на то, что покинул город. А я-то думал, что навсегда освободился от них обоих.

— Понятно, — бормочу я.

Потом я возвращаюсь в бывший отель и вновь заползаю под одеяло на кровати. Ума не приложу, что теперь делать.



17

Трис

Я просыпаюсь перед самым рассветом. Остальные еще спят: Тобиас посапывает, но он в ботинках, значит, ночью вставал и куда-то ходил. Кристина накрыла голову подушкой. Несколько минут я лежу, рассматривая пятна на потолке, затем вскакиваю, обуваюсь и приглаживаю волосы пятерней.

Коридоры Резиденции почти пусты — я встречаю только несколько «заблудших душ». Вероятно, заканчивается ночная смена. Некоторые сгорбились у мониторов, другие дремлют, сидя или стоя. Кое-кто умудрился отдышать, опершись на щетку, забыв, похоже, что пора подметать. Засовываю руки в карманы и, сообразуясь с указателями, направляюсь к выходу. Хочу рассмотреть получше одно изваяние.

Тот, кто построил здание, наверное, обожал свет. Повсюду блестит стекло. Сейчас солнце едва забрезжило, а помещения Резиденции уже ярко освещены. Нащупываю в заднем кармане пропуск, который Зоя вручила

мне за ужином, и, продемонстрировав его охранникам на КПП, выхожу в холл.

В нескольких сотнях футов от двери я вновь вижу скульптуру. Мрачную, массивную и таинственную. Она кажется мне живым существом. Это огромная, квадратная плита, грубо вытесанная из темного камня — такого же, как скалы на дне Ямы. В центре плиту пересекает трещина, а по ее краям — более светлые прожилки. Наверху подвешен гигантский резервуар, наполненный водой. Солнечные лучи преломляются и дрожат. Я слышу слабые звуки. Понятно: из отверстия в центре емкости сочится вода. Первой моей мыслью было то, что резервуар просто протек, но капли падают с равным интервалом. За первой следует вторая, третья, четвертая... На плите они собираются в узкий ручеек, стекающий в трещину. Похоже, это сделали нарочно.

— Доброе утро, Трис, — из-за скульптуры появляется Зоя. — Извини, что помешала, но я забеспокоилась, не заблудилась ли ты.

— Вовсе нет, — мотаю я головой.

Она подходит ко мне и становится рядом. Зоя приблизительно одного роста со мной, но стоит прямее и поэтому кажется выше.

— Довольно странная штука, правда?

Она говорит, я рассматриваю веснушки на ее лице, они выглядят так, как будто солнечные зайчики освещают ее кожу через листву.

— А что она означает?

— Это символ Бюро Генетической Защиты. Каменная плита изображает проблему, с которой мы столкнулись.

Вода — наше стремление ее решить, а капли — наша работа.

На меня нападает истерический смех.

— Не очень-то обнадеживает, да? — улыбается она. — Но я упомянула лишь одну из возможных интерпретаций. Я предпочитаю несколько иную точку зрения: капли, маленькие и слабые, могут долбить камень, пусть даже на это потребуются сотни лет.

И она показывает на небольшую лунку в центре плиты.

— Ямки не было, когда монумент установили в Резиденции.

Киваю. Пусть я и не доверяю людям из Бюро, но я вижу проблеск надежды, воплощенный в скульптуре. Знак безграничного терпения, которое проявляют люди, трудившиеся здесь уже столько лет.

— А не было бы эффективней, вылить всю воду разом? — вдруг говорю я.

Я представляю, как поток выплескивается на кафельный пол, образуя лужу у меня под ногами. В один миг сделал то, на что сейчас уходят десятилетия. Разве не следует бросить все имеющиеся в твоём распоряжении ресурсы на решение того, что представляется серьёзной проблемой? Ведь иначе есть риск, что она не будет решена никогда.

— Всю разом? — переспрашивает она. — Во-первых, генетические повреждения нельзя решить с наскока, а во-вторых, если мы одним махом потратим все ресурсы, у нас ничего не останется.

— Ага. Но мне интересно, не бывает ли правильнее сделать один большой прыжок вместо того, чтобы продвигаться шагком за шагом?

— Например?

— Ну, не знаю, — пожимаю плечами, — я чисто теоретически. Вообще... забавно.

— Понятно.

— А вы, наверное, шли за мной? — вырывается у меня. — Зачем?

— Совсем из головы вылетело. — Зоя хлопает себя по лбу. — Дэвид попросил меня найти тебя и привести в его лабораторию. У него есть что-то, принадлежавшее твоей матери.

— Правда? — произношу я писклявым голосом.

Мы возвращаемся к контрольно-пропускному пункту.

— Хочу тебя предупредить: не обращай внимания, если на тебя будут оглядываться, — шепчет Зоя.

В коридорах, где снуют люди, начался новый рабочий день.

— В течение последних месяцев здесь только и делали, что наблюдали за тобой, ведь ты принимала участие в таких масштабных событиях. Многие парни считают тебя настоящей героиней.

— Потрясающе, — довольно кисло отвечаю я. — Но я из-за всех сил пыталась не сдохнуть.

Зоя останавливается.

— Извини меня. Тебе нелегко пришлось.

Я чувствую себя ужасно неловко. Мне бы спрятаться, как-то прикрыться, чтобы никто из них больше не смог на меня пялиться. Но Зоя ничем мне не поможет, поэтому я молчу.

Большинство людей одеты почти одинаково: в темно-синие или зеленые куртки, комбинезоны и свитера. Впрочем, под униформой виднеются футболки самых разнообразных расцветок, некоторые даже с рисунками.

— Цвет униформы что-нибудь означает? — осведомляюсь я.

— Конечно. В синем — ученые и исследователи, а в зеленом — вспомогательный и обслуживающий персонал.

— Вроде бесфракционников?

— Нет, — мнется она. — Есть существенная разница: у нас каждый делает все, чтобы поддержать миссию. И усилия сотрудников ценны и важны для нас.

Она говорила правду: люди смотрят на меня. Большинство задерживают на мне взгляды чуть дольше обыкновенного, другие таращатся, не отрываясь, а кое-кто пытается окликать. Я чувствую себя совсем неудобно, как будто не могу идти так, как мне хочется.

— Многие раньше участвовали в эксперименте в Индианаполисе, — это такой город недалеко отсюда, — продолжает Зоя. — Но для них переход сюда был немного легче, чем для вас. В Индианаполисе не было поведенческих стереотипов.

Она ненадолго замолкает.

— Я имею в виду фракции. Несколько поколений после начала эксперимента, Бюро реализовало идею с фракциями и в других городах: Сент-Луисе, Детройте, а также Миннеаполисе, используя население Индианаполиса в качестве контрольной группы. Бюро проводит эксперименты на Среднем Западе, потому что здесь довольно большие расстояния между городами. На Восточном побережье они гораздо ближе друг к другу.

— Таким образом, в Индианаполисе вы просто исправляли гены и рассовывали дивергентов по разным местам? Без всяких фракций?

— У них тоже была сложная система правил, но по сути, так оно и было.

— И это не сработало?

— Нет, — поджигает она губы. — Генетически поврежденные люди, страдающие от этого и не обученные жить так, как вас учили во фракциях, обычно очень деструктивны. Эта методика провалилась в течение трех поколений. Чикаго — ваш город — и другие города, в которых существуют фракции, продвинулись куда дальше.

Чикаго... Очень странно, что у места, которое всегда было для меня просто домом, есть какое-то там специальное название. От этого город начинает казаться мне каким-то маленьким и незначительным.

— Значит, вся эта канитель тянется уже очень долго, — подвожу я итог.

— Да, продолжительное время. Бюро выделяется из ряда других государственных учреждений четко определенной направленностью работы и тем, что она проводится в относительно удаленных местах. Мы передаем свои знания и цели нашим детям, не полагаясь на людей со стороны. В том, что я сейчас делаю, я совершенствовалась всю свою жизнь.

Через широкие окна я вижу странное транспортное средство. Оно сделано в форме птицы, — два крыла и острый нос, — но имеет колеса, как автомобиль.

— Это то, что вы используете для путешествий по воздуху? — указываю я на него.

— Да, — улыбается она, — это называется самолет. Мы с тобой можем отправиться в такое путешествие, если эта идея не покажется тебе слишком приземленной.

Я не реагирую на каламбур. Все никак не могу забыть, что она узнала меня с первого взгляда.

Дэвид стоит у одной из дверей и машет нам рукой.

— Привет, Трис, — говорит он. — Спасибо, что проводила ее, Зоя.

— Не за что, сэр, — отвечает та. — Оставляю вас, у меня еще много дел.

Она улыбается мне и уходит. Я остаюсь с Дэвидом, на которого вчера накричала. Он, кажется, забыл об этом. Дэвид открывает дверь, просканировав датчиком свой значок.

Мы входим в комнату без окон. В одном углу стоит пустой стол, за другим столом сидит молодой парень, примерно одного возраста с Тобиасом. Он смотрит на нас поверх монитора компьютера, дотрагивается до его экрана и встает.

— Доброе утро, сэр, — говорит парень. — Чем могу быть полезен?

— А где ваш старший, Мэтью? — спрашивает Дэвид.

— В столовую пошел, — отвечает Мэтью.

— В таком случае, может быть, вы можете мне помочь? Мне нужен файл Натали Райт. Не могли ли вы разыскать его и загрузить на планшет?

Он сказал «Райт»? Если не ошибаюсь, это девичья фамилия моей матери.

— Разумеется, — отвечает Мэтью, садится за стол и набирает что-то на клавиатуре.

Там появляются документы, но я стою далеко и не могу их рассмотреть.

— Готово, файлы передаются. А ты, должно быть, дочь Натали Беатрис? Не очень-то ты на нее похожа.

Подперев рукой подбородок, он критически разглядывает меня. Его глаза немного раскосые и кажутся почти черными. Он не выглядит удивленным, встретив меня.

— Меня зовут Трис, — автоматически поправляю я, но думаю про себя, что это очень хорошо, что он не знает моего прозвища: значит не все здесь пялятся день и ночь в мониторы, развлекаясь подсматриванием за нашей жизнью. — Да, я знаю, что не похожа на нее.

Дэвид подтягивает стул, пронзительно заскрежетавший по плитке пола, и похлопывает по сиденью:

— Садись. Я дам тебе планшет со всеми файлами, касающимися Натали, и вы с братом сможете их прочитать. Но пока я хотел бы рассказать тебе одну историю.

Я сажусь на краешек стула, а он — за стол отсутствующего начальника Мэтью и начинает машинально переставлять по столешнице полупустую чашку с кофе.

— Позволь начать с того, что твоя мать была поистине фантастическим явлением. Мы случайно нашли ее в одном из городов с очень поврежденным населением. Ее гены оказались почти идеальными. — Дэвид улыбается. — Мы вытащили ее отсюда и привезли сюда. Она провела здесь несколько лет, но потом, когда в вашем городе возник кризис, она добровольно вызвалась отправиться туда, чтобы помочь разрешить проблему. Впрочем, ты и сама прекрасно знаешь о дальнейших событиях.

Несколько секунд я растерянно смотрю на него. Выходит, моя мама была здесь: ходила по этим коридорам, наблюдала за жизнью города на экранах. Может быть, она даже сидела на этом стуле и ее ноги проходили по этим плиткам? Мне начинают мерещиться какие-то

невидимые прежде приметы ее присутствия на стенах, столах, дверной ручке... Я сжимаю край сиденья под собой и пытаюсь привести в порядок свои мысли, потом спрашиваю:

— Все же, о каком таком кризисе вы говорите? Чего-то я не понимаю.

— Я имел в виду события, связанные с убийствами дивергентов. Помнишь, это когда один из эрудитов начал их убивать? — уточняет он — Как его звали? Нор... Норман?

— Нортон, — подсказывает Мэтью. — Предшественник Джанин. Вроде бы он рассказал ей о своей идее уничтожения дивергентов как раз перед тем, как у него приключился сердечный приступ.

— Точно. Спасибо, Мэтью. Мы послали Натали разобраться на месте в ситуации и прекратить убийства. Мы не предполагали, что она останется там надолго, но она принесла огромную пользу. До этого случая мы никогда не посылали в города своих агентов. А Натали, помимо прочего, устроила свою личную жизнь, родила тебя.

— Но когда я проходила инициацию, дивергентов уничтожали, — морщусь я.

— Ты знаешь только о тех, кто погиб, — возражает Дэвид, — но не о тех, кто был спасен. Некоторые здесь, в Бюро. Ты ведь встречалась с Амаром? Он один из таких. Впрочем, кое-кого пришлось отстранить от участия в эксперименте: им было слишком тяжело наблюдать за друзьями и любимыми. Такие обрели свою судьбу за пределами Бюро. В общем, твоя мать выполняла очень важную работу.

Ага, а еще она много врала. Интересно, знал ли правду мой отец? В конце концов, он был лидером альтруистов, а значит, одним из хранителей Истины. Что, если она и замуж за него вышла исключительно по долгу службы? Значит, вся их любовь была сплошной ложью...

— Выходит, она не родилась лихачом? — спрашиваю я, стремясь разложить по полочкам нагромождение правды и вранья.

— У нее уже имелись татуировки, когда она впервые попала в город. Мы сочинили легенду о ее происхождении из семьи лихачей. Ей тогда исполнилось шестнадцать лет, но мы решили, что ей должно быть пятнадцать, чтобы у нее оставалось время для адаптации. Наше намерение заключалось в том... — он умолкает. — Нет, ты должна сначала прочитать документы. Мне сложно разбирать дело такой давности.

Как по команде, Мэтью открывает ящик стола и достает плоский кусок стекла.

— Это планшет, — поясняет он.

Мэтью дотрагивается до него пальцем, и на нем появляется изображение. Он протягивает планшет мне. Он тяжелее и прочнее, чем казался на первый взгляд.

— Не беспокойся, его очень сложно разбить, — улыбается Дэвид. — Наверное, сейчас ты бы хотела вернуться к своим. Мэтью, не могли бы вы проводить мисс Прайор обратно в отель? Мне еще нужно кое-что сделать.

— А мне, значит, нет? — притворно возмущается Мэтью и подмигивает мне. — Шучу, сэр.

— Спасибо, — говорю я Дэвиду, прежде чем он уходит.

— Не за что. Если у тебя возникнут какие-то вопросы, можешь смело обращаться ко мне.

— Ну что? — произносит Мэтью.

Он высок, примерно одного роста с Калемом, и его черные волосы взъерошены как-то по особому. Похоже, он потратил бездну времени на то, чтобы добиться впечатления, будто только что встал с кровати. Под темно-синей формой он носит обычную черную футболку. На шее болтается черный шнурок, когда Мэтью глотает, шнурок двигается вместе с кадыком.

Мы спускаемся вниз. Народу в коридорах поменьше. Кто-то отправился на завтрак, а кто-то вернулся к работе. Похоже, они здесь спят, едят, трудятся, заводят семьи и детей, живут и умирают. И это место моя мать когда-то звала своим домом.

— Мне было интересно, рассвирепеешь ли ты, когда обо всем узнаешь, — усмехается он.

— Жди не дожدهшься, — огрызаюсь я.

Мэтью пожимает плечами.

— Я бы психанул. Ладно, хватит.

Вижу табличку: «ВХОД В ОТЕЛЬ». Прижимаю планшет к груди. Побыстрее бы рассказать Тобиасу о своей матери.

— Слушай, одной из вещей, которыми мы занимаемся, является генетическая экспертиза, — произносит Мэтью. — Ты бы не стала возражать, если бы мы с моим боссом проанализировали твои гены? Твои и того парня, сына Маркуса Итона.

— Зачем?

— Так, любопытно, — отвечает он. — Мы еще ни разу не проводили анализ на поздней стадии эксперимента. В тебе и в Тобиасе есть что-то странное.

Я вопросительно поднимаю брови.

— Ты проявила феноменальную сопротивляемость сыворотке, а у большинства дивергентов такой способности нет, — поясняет Мэтью. — А Тобиас способен противостоять симуляциям, несмотря на то, что по некоторым своим характеристикам он не является дивергентом.

Я замираю в нерешительности. Но на лице Мэтью — выражение почти детского любопытства, столь близкого мне, и я говорю:

— Спрошу у Тобиаса, согласится ли он. Сама я готова. Когда?

— Что, если сегодня? — предлагает он. — Я зайду за тобой через час или через полтора. Ты не сможешь без меня попасть в лабораторию.

Согласно киваю и чувствую возбуждение. Все это напоминает чтение дневника моей матери. Скоро я, наконец-то, раскрою ее секреты.



18

Тобиас

Немного странно видеть малознакомых тебе людей с утра пораньше. Когда глаза еще сонные, а на щеках виднеются отпечатки складок подушки. Кристина по утрам — веселая и довольная, Питер — хмурый, а Кара на любой вопрос отвечает исключительно бурчанием и мычанием, пока не доберется до вожделенного кофе.

Я принимаю душ и переодеваюсь в одежду, которую для нас приготовили. Она не сильно отличается от той, к которой я привык, но цвета хаотично перемешаны.

Напяливаю черную рубашку и синие джинсы, пытаюсь убедить себя, что все в порядке. Дескать, я адаптируюсь.

Кстати, сегодня допрашивают моего отца.

Возвращаюсь и вижу Трис. Она сидит на самом краешке своей раскладушки, как будто в любой момент готова вскочить на ноги. Прямо как Эвелин. Беру кекс с подноса с завтраком, который нам принесли.

— Доброе утро.

— Привет, — здоровается она, потягиваясь. — Зоя обнаружила меня у той большой скульптуры и передала, что Дэвид хочет со мной пообщаться.

Она показывает мне стеклянный экран, лежащий на койке рядом с ней. Едва она прикасается к его поверхности, он загорается, и я вижу какой-то текст.

— Он называется планшет. Тут файлы моей матери. Она писала дневник, коротенький, к сожалению, но хоть что-то, — Трис пересаживается поудобнее. — Я сама еще не читала его.

— А почему? — удивляюсь я.

— Не знаю, — она откладывает плоский экран в сторону, и он автоматически выключается. — Наверное, боюсь.

Дети в семьях альтруистов редко когда могут сказать, что хорошо знают своих родителей. Они вечно закованы в серую броню самоотверженности и верят, что раскрывать свое «я» значит потворствовать своим слабостям. Этот возникший из небытия кусочек жизни матери Трис, первая и последняя возможность для дочери узнать правду.

И я прекрасно понимаю, почему Трис держит экран как магический артефакт, способный исчезнуть в один

миг. И почему она медлит. То же самое я чувствую, думая о суде над моим отцом.

Калейб устроился в противоположном конце комнаты и с видом обиженного ребенка мрачно хрустит хлопьями.

— Ты собираешься показать ему? — киваю я на планшет.

Трис глухо молчит.

— Я не большой его поклонник, — продолжаю я, — но в данном случае... ты действительно не имеешь права скрывать от него информацию.

— Ну да, — довольно сухо отвечает она. — Но сперва я сама все прочту.

С ней не поспоришь. Мне тоже приходилось многое скрывать. Желание делиться чем-то с другими — что-то абсолютно новое и непривычное для меня.

Она сопит и отламывает кусочек от моего кекса. Я щелкаю пальцами, и она отдергивает руку.

— Эй! Такое впечатление, что в тебе куда больше, чем пять футов.

— И ты теперь беспокоишься, как бы самому не укоротиться? — смеется она. — Баста.

Она притягивает меня к себе за рубашку и чмокает в щеку. А я удерживаю ее подбородок и целую в ответ. Но замечаю, что она украдкой отщипывает еще один кусочек.

— Слушай, — предлагаю я, — давай я принесу тебе перекусить? Я мигом.

Она улыбается.

— Вообще-то, я хотела бы попросить тебя кое о чем. Как ты отнесешься к тому, чтобы сегодня утром тебе сделали маленькую генетическую экспертизу?

Что за абсурд?

— Зачем? — удивляюсь я.

На мой взгляд, это сравнимо с просьбой устроить стриптиз на улице.

— Один парень, Мэтью, работает здесь в лаборатории, сказал, что они хотели бы взять мой генетический материал для исследований, — объясняет она. — Он спросил и о тебе, говорит, что ты у нас... аномальный.

— Что?

— Похоже, что тебе присущи некоторые качества дивергентов, тогда как другие отсутствуют, — тянет она. — В общем, сама не вполне разобралась. А Мэтью просто любопытно. Ты не обязан соглашаться.

Воздух вокруг меня становится вдруг теплым и тяжелым. Чтобы прекратить головокружение, я массирую себе шею, пониже основания черепа.

Через час Маркус и Эвелин появятся на здешних мониторах. И я понимаю, что не могу на них смотреть. И хотя мне вовсе не хочется, чтобы чужие руки копались во мне, собирая мои составляющие как пазл, я говорю:

— Я согласен.

— Отлично, — произносит она и отламывает очередной кусочек кекса.

Прядь волос падает ей на глаза, и я поправляю ее, прежде чем она успевает отстраниться. Она хватает меня за руку, ее ладонка теплая, сильная и надежная.

Дверь открывается, и в комнату вваливается парень с узкими раскосыми глазами и черными волосами. Я сразу догадался, кто он такой, — это Джордж Ву, младший брат Тори. «Джорджи», — как она называла. На его лице — ослепительная улыбка, и я чувствую острое желание немедленно смыться отсюда.

— Я только что сменился с дежурства, — он немного запыхался. — Моя сестра должна была уйти из города вместе с вами, и...

Мы с Трис обмениваемся обеспокоенными взглядами. В комнате становится тихо, как на похоронах альтруиста. Даже Питер, которому доставляют удовольствие страдания других людей, абсолютно растерян.

— И... — начинает снова Джордж и осекается. — Почему вы на меня так смотрите?

Кара выходит вперед, очевидно намереваясь выложить ему дурную весть, но я опережаю ее:

— По дороге на нас напали бесфракционники, и она... не пережила этого.

Короткая фраза совершенно не передает того, что случилось: ни внезапности того события, ни падения тела Тори на землю, ни нашего беспорядочного бегства в темноте. Я тогда не вернулся к ней. А из всей нашей группы я один ее по-настоящему знал. Я помню, как крепко ее пальцы сжимали иглу для татуировки, как звучал ее смех — резковато, будто жесткая наждачная бумага.

— Ты?.. — Джордж прислоняется к стене, чтобы не упасть.

— Она отдала свою жизнь, защищая нас, — произносит Трис с удивительной для нее мягкостью. — Если бы не Тори, мы бы не спаслись.

— Она... умерла? — слабым голосом спрашивает Джордж.

Замечаю в коридоре улыбающегося Амара с тостом в руке. Он застывает на пороге и мрачнеет.

— Я пытался разыскать тебя, — говорит он Джорджу.

Вчера вечером Амар упомянул о Джордже так небрежно, и я не понял, что они с ним друзья. Джордж стоит с остекленевшими глазами. Амар обнимает его одной рукой. Пальцы Джорджа судорожно цепляются за рубашку Амара, костяшки побелели от напряжения. Я не слышу его плача и не вижу слез. Туманно вспоминаю ощущение пустоты. В общем, не знаю, как это бывает. В конце концов, Амар уводит Джорджа в коридор. Они разговаривают вполголоса.

А в комнату заходит какой-то парень. Я вспоминаю, что вроде бы согласился принять участие в генетической экспертизе. Этот тип машет Трис.

— Мэтью, — говорит она как ни в чем не бывало. — Нам пора.

Она тащит меня к двери. Надо же, Мэтью — вовсе не убежденный сединой ученый. «Не будь идиотом», — думаю я.

— Приятно познакомиться. Я — Мэтью.

— Тобиас, — представляюсь я, потому что «Четыре» прозвучало бы странно в этом месте.

— Ну что? Махнем в лабораторию?

Резиденция полна народу, все одеты в зеленую или темно-синюю форму. Брюки закрывают лодыжки или на пару сантиметров не доходят до щиколотки в зависимости от роста. В здании множество просторных холлов, от которых расходятся коридоры, как артерии от сердца. Каждый помечен буквой и цифрой. Персонал носится по ним туда-сюда, некоторые сжимают планшеты.

— Что это за номера? — спрашивает Трис. — Способ маркировки?

— Раньше здесь были терминалы аэропорта, — поясняет Мэтью. — Коридоры имели турникеты и проходы, ведущие к конкретному самолету. Когда аэропорт преобразовали в Бюро, то кресла заменили на оборудование, взятое, в основном, из школ города. Короче, мы в гигантской лаборатории.

— А над чем у вас работают? Я считал, вы наблюдаете за экспериментами в городах, — интересуюсь я, наблюдая за женщиной с планшетом, который она держит так, будто собирается совершить жертвоприношение.

Солнечные лучи, косо падающие сквозь стекла на потолке, отражаются в блестящей плитке. За окнами — мирный пейзаж, вдалеке покачиваются густые деревья. Трудно представить, что где-то люди убивают друг друга из-за «неправильных» генов или существуют по жестоким правилам, введенным Эвелин.

— Да, некоторые из нас занимаются именно этим. Все подробно записывается и анализируется. Другие сотрудники трудятся над поиском эффективных способов лечения генетических повреждений или разрабатывают различные сыворотки. Если тебе в голову пришла некая идея, все, что требуется, — собрать команду для ее воплощения и подать проект на рассмотрение Совета, которым руководит Дэвид. А они, как правило, одобряют то, что не слишком рискованно.

— Конечно, — закатывает глаза Трис.

— У нас есть свои причины, — парирует Мэтью. — Раньше экспериментальные города находились в состоянии гражданской войны. Наши препараты помогли удержать ситуацию под контролем. Впрочем, этим занимаются в Оружейной Лаборатории.

Слово «оружейная» он произносит с таким пиететом, как говорят о чем-то священном.

— В общем, изначально сыворотки к нам попали из Бюро? — спрашивает Трис.

— Да, — кивает он. — А ваши эрудиты усовершенствовали их формулы. В том числе твой брат. Если честно, мы получили от них немало информации, полезной для наших разработок. Впрочем, сывороткой правды, или, как вы ее называете, сывороткой альтруистов, они не занимались. Это — самое главное наше оружие.

— Оружие, — зачарованно повторяет Трис.

— Оно используется против жителей городов в случае восстаний. Ведь если стереть воспоминания людей, нет никакой необходимости убивать их. Мы сами используем ее против мятежников с Окраины, это область в часе езды отсюда. Иногда они совершают на нас набеги, а сыворотка позволяет останавливать их, не уничтожая.

— Ну-ну... — бурчу я.

— Ужасно? — произносит Мэтью. — Наверное, ты прав. Но руководство рассматривает метод как способ нашего жизнеобеспечения, своеобразный аппарат искусственного дыхания. А мы уже пришли.

Я удивлен. Он запросто раскритиковал свое начальство. Неужели здесь инакомыслие можно демонстрировать совершенно свободно — без всяких тайных закутов?

Мэтью сканирует свой значок датчиком тяжелой двери слева от нас. Мы входим в узкий коридор, освещенный лишь тусклыми лампами. Мэтью тормозит перед дверью с надписью «Генная терапия №1». Внутри девушка с оливковой кожей и в зеленом комбинезоне застилает кушетку одноразовой бумажной простыней.

— Знакомьтесь: Хуанита, наш лаборант. И...

— Я знаю, кто они, — улыбается она.

Трис напрягается, но молчит. Девушка обращается ко мне:

— Босс нашего Мэтью — единственный человек, который называет меня Хуанитой. Ну и Мэтью повторяет вслед за ним. А на самом деле, я — Нита. Вам нужно будет подготовить два теста?

Мэтью кивает.

— Хорошо — она распахивает шкафы и вытаскивает оттуда пузырьки и коробочки. Они запаяны в пластик или бумагу и имеют белые этикетки. Комната наполняется шуршанием и хрустом.

— Вам у нас нравится, ребята? — спрашивает она.

— Привыкаем помаленьку, — отвечаю я.

— Понимаю. Я попала сюда из одного такого города. Из Индианаполиса, там, где эксперимент провалился. Совсем недалеко отсюда, меньше часа на самолете. Но это уже не важно...

Она достает из герметичной упаковки шприц с иглой.

— Зачем он? — взвизгивает Трис.

— Чтобы мы прочитали ваши гены, — говорит Мэтью. — Ты в порядке?

— Да, — произносит Трис с беспокойством. — Я... не люблю, когда мне вкалывают разные подозрительные вещества.

— Клянусь, мы просто исследуем ваши гены. Скажи, Хуанита.

— Мэтью не лжет.

— Ладно, — бормочет Трис. — Только вот что... Могу я сделать себе инъекцию сама?

— Конечно, — улыбается Нита.

Она наполняет чем-то шприц и подает его Трис.

— Постараюсь объяснить вам ситуацию, — начинает Мэтью, пока Нита протирает руку Трис антисептиком, едкий запах которого щекочет ноздри.

— Жидкость содержит нанокomпьютеры. Они находят особые генетические маркеры и передают данные на компьютер. Так что не бойтесь.

Трис втыкает иглу в свою руку и нажимает на поршень. Нита берет меня за локоть и проводит по моей коже марлей, смоченной в оранжевой жидкости. Раствор в шприце — серебристо-серый, цвета рыбьей чешуи. Он вливается в мое тело, а я воображаю, как нанотехнология вгрызается в частицы моей крови, препарируя мою сокровенную сущность. Рядом Трис прижимает к месту укола ватный тампон и усмехается.

— Нанокomпьютеры, значит? — вырывается у меня. — И чего они ищут?

— Ну, когда наши предшественники по Бюро генномодифицировали ваших предков, они составили некий «трекер», который и показывает нам, встал ли человек на путь исцеления, — говорит Мэтью. — Именно трекер позволяет нам во время симуляций проверить, пришли ли ваши гены в порядок или нет. Поэтому каждый в вашем городе должен в шестнадцать лет пройти тест на принадлежность к фракциям: если он все осознает, значит, он в норме.

Для меня тест на пригодность всегда был на важном месте в моем личном списке. Мой самоконтроль во время симуляций позволял мне чувствовать себя сильным и уникальным, таким, которых Джанин и ее эрудиты

трусливо убивали. И мне теперь кажется странным, что на самом деле это — признак генетического исцеления, некий штрих-код, отметка о выздоровлении.

Тем временем Мэтью продолжает:

— Единственной проблемой является то, что осознанное поведение и умение сопротивляться сыворотке не обязательно означают, что человек — дивергент, хотя вероятность весьма велика. Иногда противостоять сывороткам способны и люди, с поврежденными генами. Вот почему нам интересно исследовать твой код, Тобиас. Надо проверить, действительно ли ты дивергент или просто похож на него.

Нита, убирающаяся на столе, поджимает губы, как будто сдерживается, как бы не ляпнуть лишнее. Мне становится не по себе.

— А теперь будем ждать, — сообщает Мэтью. — Я собираюсь позавтракать. Кто-нибудь из вас составит мне компанию?

Мы с Трис отрицательно качаем головой.

— Хуанита, побудь с ними.

Мэтью уходит, не дожидаясь ответа Ниты. Трис сидит на кушетке, бумага под ней съехала и порвалась. Нита сует руки в карманы комбинезона. Ее глаза темные и блестящие, как капли масла под протекающим двигателем. Она протягивает мне ватный тампон, и я прижимаю его к пятнышку крови на локтевом сгибе.

— Так ты тоже попала сюда из экспериментального города? — интересуется Трис. — Как давно ты здесь?

— Эксперимент в Индианаполисе свернули около восьми лет назад. Я могла бы интегрироваться в общество и вне Бюро, но чувствовала себя очень подавлен-

ной. — Нита опирается на стол. — Так что я решила приехать сюда. Я работала уборщицей. Зато сейчас я кое-чего достигла.

В ее словах чувствуется горечь. Я подозреваю, что здесь, как и во фракции лихачей, есть предел для подъема человека по служебной лестнице. Так было и со мной, когда я выбрал работу в диспетчерской.

— В вашем городе отсутствовали фракции? — уточняет Трис.

— Только в контрольной группе. У нас существовала целая куча разных правил: комендантский час, подъем по расписанию, техника безопасности. Никакое оружие не допускалось.

— А дальше что случилось? — говорю я и тут же жалею о вопросе.

Лицо Ниты на миг перекашивается.

— Некоторые знали, как сделать оружие. Они изготовили бомбу — это такая штука для взрыва — и установили ее в здании нашего правительства. Многие погибли. Бюро пришло к выводу, что эксперимент не удался. Они стерли воспоминания у террористов и разбросали уцелевших по стране. Я сама захотела приехать сюда.

— Мне очень жаль, — тихо произносит Трис.

Иногда я забываю о ее мягкости и нежности. Но до сих пор нам чаще приходилось бывать в передрягах, когда от нее требовалась твердость, и я мог видеть лишь ее мускулы и черные татуировки над ее ключицами.

— Ничего. Вы тоже пережили нечто похожее, ребята, — говорит Нита. — Я имею в виду Джанин Мэтьюз.

— Почему они не прекратили эксперимент и у нас? — восклицает Трис.

— Возможно, этим все и кончится, — отвечает Нита. — Но Чикаго принес реальные результаты. Это — первый город с фракциями.

Я убираю ватный комочек со своей руки. На месте, где игла проткнула кожу — крошечная красная точка.

— Я бы выбрала лихачей. Но наверняка бы струсила, — улыбается Нита.

— Ты была бы удивлена тем, сколько смелости появляется, когда тебе по-настоящему это нужно, — серьезно сообщает Трис.

Я чувствую сердечную боль. Трис права: отчаяние заставляет человека ходить по краю пропасти.

Мэтью возвращается примерно через час. Он надолго садится за компьютер. Несколько раз он произносит что-то вроде «хм!» или «о!». Чем больше времени проходит, тем сильнее я напрягаюсь, пока мне не начинает казаться, что мои мышцы совершенно окаменели. Хочется услышать что-нибудь определенное, конкретное. Наконец, Мэтью разворачивает монитор прямо к нам.

— Программа представляет данные в понятной форме. Это — упрощенное изображение молекулы ДНК, принадлежащей Трис, — объясняет он.

На экране — мешанина из линий и цифр. Что-то помечено желтым и красным. Я не могу уловить в картинке смысл. Похоже, это выше моего понимания.

— Желтым и красным выделены здоровые участки макромолекулы. Мы не увидели бы их, если бы гены были повреждены, — увлеченно вещает Мэтью.

— Что-что?

— Изображение также свидетельствует, что найден генетический трекер. Мы можем заключить об осознан-

ном поведении Трис во время симуляций. Сочетание генов, ответственных за осознанное моделирование своего поведения, — именно то, что я ожидал от дивергента. Теперь перейдем к странному.

Он снова прикасается к экрану, и паутина из линий и цифр меняется.

— А вот карта генов Тобиаса. Трекер показывает, что он может осознанно моделировать свое поведение, но у Тобиаса нет здоровых генов, которые есть у Трис.

Мое горло мигом пересыхает, и я чувствую, что услышал плохую новость.

— И что это значит? — хриплю я.

— Ты не дивергент, — заявляет Мэтью. — Твои гены по-прежнему повреждены, но в тебе есть аномалия, которая позволяет тебе быть в сознании во время симуляций. Другими словами, ты действуешь как дивергент, хотя на самом деле им не являешься.

Значит, я не такой, как Трис.

Слово «поврежден» давит на меня, как свинец. Думаю, я всегда подозревал, что со мной что-то неладно, но был уверен, что это из-за отношений с отцом и матерью. Они подарили мне боль в качестве семейной реликвии, передававшейся из поколения в поколение. А то единственное хорошее, что имелось у моего отца — его дивергенция, — мне не досталось.

Я почему-то смотрю на Ниту. Выражение ее лица мрачное, почти сердитое.

— Мэтью, — замечает она, — почему бы вам не забрать данные для анализа в вашей лаборатории?

— Я планировал обсудить их с самими заинтересованными лицами, — разводит руками Мэтью.

— Плохая идея, — голос Трис звонкий и острый, как лезвие.

Мэтью отвечает что-то, но я слышу только стук своего сердца. Он снова тычет пальцем в экран, изображение моей молекулы ДНК исчезает, а монитор становится пустым и темным. Он уходит, предложив нам заглянуть в его кабинет.

— Ничего ужасного не произошло, — твердо говорит Трис. — Ты меня понял?

— Ты не можешь указывать мне, что имеет для меня значение, а что — нет! — громко отвечаю я.

Нита возится на столе, хотя там все в идеальном порядке.

— Нет! — кричит Трис. — Ты такой же, каким был пять минут назад. Или четыре месяца назад. Или восемнадцать лет назад. В тебе ничего не изменилось. Абсолютно ничего.

— Короче, это вообще ни на что не влияет? — ору я. — И правда не имеет никакого значения?

— А что такое правда? — фыркает она. — Какие-то люди утверждают, что с твоими генами что-то не так, и ты им сразу веришь?

— Ты сама видела, — киваю я на экран.

— Я знаю, кто ты, — возражает она.

Качаю головой и отвожу глаза.

— Извини. Мне нужно пройтись. Увидимся позже.

— Тобиас.

Я чувствую, как груз внутри меня уменьшается, как только я покидаю комнату. Бреду по тесному коридору, который давит на мою грудную клетку, и выбираюсь в

залитый солнцем зал. Небо ярко-синее. Слышу шаги позади меня, но для Трис они тяжеловаты.

— Постой. — Подошвы ботинок Ниты неприятно скрипят по плиткам пола. — Я ни на чем не настаиваю, Тобиас. Давай поговорим о повреждении твоего генетического кода? Мы можем встретиться сегодня вечером в девять. И еще... Только не обижайся, но тебе не надо приводить свою девушку.

— Почему?

— Она — «ГЧ», то есть генетически чистая. Значит, она не поймет того... Ох, мне трудно объяснить. Лучше некоторое время держать ее на расстоянии от... проблем.

— Ладно.

— Отлично, — кивает Нита. — Пока.

Смотрю ей вслед. Она бежит обратно в лабораторию генной терапии, а я разворачиваюсь и продолжаю свой путь. Сам не знаю, куда именно направляюсь, просто когда я двигаюсь, безумная информация, свалившаяся на меня за прошедшие сутки, чуть затихает в моей голове.



19

Трис

Я не иду за Тобиасом, потому что понятия не имею, что ему сказать. Когда я узнала, что я — дивергент, то восприняла это как некую тайную власть, которой нет у других. Вот что отличает меня от них, делает лучше и сильнее. Теперь, после сравнения наших с Тобиасом ДНК и картинок на экране компьютера, я понимаю, что

«дивергент» — просто термин для обозначения определенной последовательности в моих генах, такой же как слова «кареглазый» или «блондин».

Подпираю руками подбородок и думаю. Люди вроде Мэтью уверены: их тесты — нечто важное. Они считают, что обнаружили признаки моего выздоровления, отсутствующие у Тобиаса. И хотят, чтобы я им поверила. Но я пока не могу. Не понимаю, почему сам Тобиас так испугался.

Наконец, выхожу из кабинета и сталкиваюсь с Нитой.

— Как он? — спрашиваю я.

— Я хотела убедиться, что он не заблудится, — отвечает она. — Резиденция — ужасно запутанная.

— Точно.

Нита довольно миловидна: высокая, но не слишком, в меру стройная, а ее кожа будто пропитана солнцем.

Не знаю, куда я сейчас пойду, главное — подальше от этой красивой девушки. Ведь она мигом помчалась поговорить с моим парнем без свидетелей.

Я замечаю в конце коридора Зою, жестом манящую меня к себе. Она выглядит спокойной, ее лоб разгладился, волосы распущены по плечам.

— Я беседовала с остальными, — заявляет она. — Мы планируем через два часа полет на самолете. Нечто, вроде экскурсии.

От страха и волнения у меня перехватывает в груди так же, как бывало, когда меня привязывали к тросу зип-лайна на верхушке Хэнкок-билдинг. Представляю, как поднимусь в воздух на крылатой машине, мощь ее двигателей, порывы ветра... А потом прикидываю веро-

ятность того, пусть даже незначительную, что я нена-
роком упаду в объятия смерти.

— Отлично.

— Встречаемся у ворот В14. Найдешь по указателям?

Я смотрю вверх сквозь стеклянную крышу. Небо
чистое и бледное, того же цвета, как мои глаза. В нем
ощущается неизбежность, словно оно всегда ждало меня.
Возможно, это потому, что я люблю высоту. А другие
ее боятся. Странно, но небо — это единственное незна-
комое мне место...

Металлическая лестница, ведущая вниз, скрежещет
под моими шагами. Чтобы рассмотреть самолет, я за-
прокидываю голову, он громадный и серебристо-белый.
Чуть ниже крыла — огромный цилиндр, внутри которого
вращаются лезвия. Я представляю, как лопасти засасы-
вают меня, выплевывают мои останки с другой стороны,
и содрогаюсь от этой картины.

— Как может такая здоровенная штука подниматься
вверх? — вдруг раздается голос Юрайи за моей спиной.

Я молчу. Не знаю и знать не хочу. Следую за Зоей
по новой лестнице, ведущей к отверстию сбоку само-
лета. Мои руки немного дрожат, когда я хватаюсь за
перила. Я в последний раз оглядываюсь через плечо,
посмотреть, не догоняет ли нас Тобиас. Но Тобиаса нет.
Залезаю внутрь и невольно наклоняюсь, хотя отверстие
явно выше моего роста.

Вижу ряды кресел, покрытых изношенной, кое-где
порванной синей тканью. Выбираю место в первом ряду
у окна. В позвоночник мне упирается металлическое
ребро. Сиденье похоже на скелет, с жалкими остатками
плоти.

Кара устраивается позади меня, а Питер с Калемом занимают места в задней части отсека. Вот уж не знала, что они такие друзья. Впрочем, ничего удивительного, если учесть, какие оба подлецы.

— Сколько же лет этой штуке? — интересуюсь я у Зои.

— Немало, — уклончиво отвечает она, — но мы полностью переделали основные узлы. Самолет по своим размерам совершенно подходит для наших целей.

— А для чего вы его используете?

— В основном для наблюдения. Мы приглядываем за тем, что творится в округе, на случай возникновения той или иной угрозы, — Зоя делает паузу. — Территория — большая и довольно дикая. Между нашим Чикаго и Милуоки — другим ближайшим регионом, который контролируется правительством, — около трех часов полета.

Мне хочется узнать обо всем поподробнее, но Юрайя и Кристина садятся рядом со мной, и момент упущен. Юрайя убирает подлокотник между нами и склоняется ко мне, чтобы выглянуть в окно.

— Если бы лихачи узнали о таком, они бы выстроились в очередь, чтобы научиться им управлять, — усмеחается он. — И в первую очередь я сам.

— Нет, они бы сперва привязали себя к его крыльям, — Кристина толкает его в бок. — Ты что, не знаешь собственную фракцию?

Юрайя делает вид, что хочет ударить ее в челюсть, и снова поворачивается к окну.

— Кто-нибудь из вас видел Тобиаса? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит Кристина. — Как он?

Прежде чем я успеваю ответить, в проходе между рядами сидений появляется пожилая женщина с морщинками вокруг рта и хлопает в ладоши.

— Меня зовут Карен, сегодня я буду вести наш самолет, — объявляет она. — Ребята, вы должны запомнить одно: шанс авиакатастрофы на самом деле много ниже, чем автокатастрофы.

— Значит, если мы оттуда свалимся, у нас есть шанс на выживание, — бормочет Юрайя.

Он выглядит беспечным, как ребенок, вот только его темные глаза смотрят настороженно. Он не был таким со смерти Марлен. Сейчас он очень хорош собой.

Карен исчезает в передней части самолета. Зоя садится через проход от Кристины, не забывая, раздавать нам инструкции: «Пристегните ремни безопасности!» или «Не вставайте, пока мы не достигнем крейсерской высоты!» Конечно, Зоя, как всегда, ничего нам не объясняет. Это почти чудо, что она просветила по поводу Чикаго и Милуоки.

Самолет начинает сдавать назад. Я удивляюсь тому, насколько плавно он движется, как будто мы уже парим над землей. Он разворачивается и скользит по полосе, на которой нарисованы десятки линий и символов. Чем дальше мы удаляемся от Резиденции, тем быстрее колотится мое сердце. Через динамики раздается голос Карен: «Подготовиться к взлету».

Когда самолет начинает крениться, я вцепляюсь в подлокотники. Меня сильно вжимает в кресло, вид из окна превращается в разноцветный мазок. Я вижу землю расстилающуюся под нами, становящуюся все меньше с каждой секундой. Мой рот открывается.

Вот забор, окружающий Резиденцию, и само здание, похожее на изображение нейрона из учебника. Вокруг — сеть бетонных дорог и какие-то строения. Потом я перестаю различать и шоссе, и сооружения, все внизу превращается в зеленовато-серое одеяло.

Не знаю, чего еще я могла ожидать? Увидеть границу мира, как будто он — гигантский утес, висящий в небе? Осознать, что я ходила по тесным улицам. Но оказывается, что я живу в доме, который и разглядеть-то целиком не могу. Какое все маленькое.

— Сейчас мы снизимся, но мы не можем лететь слишком близко к городу. Не стоит привлекать чье-то внимание. Поэтому мы наблюдаем за местностью с некоторого расстояния. Далее, по левому борту, вы увидите разрушения, которые принесла с собой Война за Чистоту. Это случилось до того, как мятежники начали использовать биологическое оружие вместо взрывчатки и бомб, — рассказывает Зоя.

Вытираю слезившиеся глаза и замечаю группу темных зданий. Хотя нет — они обуглены до черноты. От некоторых вообще остался только фундамент. Троотуар между ними напоминает потрескавшуюся яичную скорлупу. Все немного смахивает на древние кварталы нашего города.

— А теперь мы облетим вокруг Чикаго, — продолжает Зоя. — Некоторые из озер пришлось осушить, чтобы построить забор, но мы старались действовать аккуратно и не причинить особого вреда ландшафту.

Я замечаю двойной шпиль Втулки. Она — как детская игрушка, а сами шпили выпирают из зубчатой линии

города, прорываясь сквозь море бетона. А дальше — коричневая болотная жижа и... яркая синева.

Однажды я скатывалась по тросу зип-лайна с Хэнкок-билдинг и воображала, что вокруг вместо болотной топи — сплошная голубая вода, искрящаяся на солнце. И получается, что за пределами нашего города существует именно то, о чем я мечтала: сверкающее озеро с белыми барашками волн.

В самолете тихо, слышен только ровный рев двигателя.

— Приехали, — констатирует Юрайя.

— Хватит, — шипит на него Кристина.

— А насколько он большой, если сравнивать с остальным миром? — доносится голос Питера. — Наш город, я имею в виду? По площади. Сколько процентов?

— Чикаго занимает около двухсот двадцати семи квадратных миль, — отвечает Зоя. — Площадь планеты Земля — чуть менее двухсот миллионов квадратных миль. Если в процентах... настолько мало, что городом можно пренебречь.

Она выкладывает сведения как ни в чем не бывало. У меня же внутри все сжимается от волнения. Интересно, а на что похожа жизнь в других местах? Там тоже есть люди?

Тарашусь в окно, стараясь дышать медленно, чтобы расслабить напряженные мышцы. Когда я вижу нашу землю сверху, я думаю, что подобная картина явилась бы для моих родителей убедительным доказательством наличия Бога. Наш мир громаден, а мы — жалкие и ничтожные и вообще не в состоянии его контролировать.

Странно, но почему-то при этой мысли я чувствую себя почти... свободной.

Вечером, когда все ужинают, я сажусь на подоконник в нашей комнате и включаю планшет. Мои пальцы трепещут, когда я открываю файл «Дневник». Первая запись гласит:

«Дэвид настаивает на том, чтобы я записывала все события. Итак, здесь творится много плохого, не только для меня, но и для остальных.»

Я выросла в доме в Милуоки, штат Висконсин. Я почти ничего не знала о том, что находилось на сопредельных территориях (они называют это «округа»), понимая лишь, что не должна туда ходить. Моя мама трудилась в правоохранительных органах, характер у нее был вспыльчивый. Угодить ей было сложно. Мой папа работал учителем. Помню его мягким, всепонимающим и... бесполезным. Как-то раз они поссорились в гостиной, ситуация обострилась, он схватил ее, а она его застрелила. В ту ночь, пока она похоронила его тело во дворе, я собрала свои вещи и потихоньку ушла из дома. Больше я маму не видела.

В нашем городе вечно что-то случалось. Большинство родителей моих друзей пили, или были глупы, или постоянно орали как бешеные, или просто давно не любили друг друга. Но никто не обращал на это внимания. Уверена, что мое исчезновение стало очередным эпизодом в длинном списке происшествий за тот год.

Я знала, что если отправлюсь к каким-нибудь чиновникам, пусть даже и в другом районе, то меня вернут к маме. А я никогда больше не смогла бы посмотреть ей в глаза, без того чтобы не вспомнить лужу крови моего

отца, растекающуюся по ковру. Поэтому я побрела в маленький поселок на окраине, где люди обитают в халупах, выстроенных из брезента и алюминия. Они живут тем, что собирают отбросы, а обогреваются, сжигая старые бумаги, потому что наше правительство не в состоянии о них позаботиться. Все его силы уходят на попытки удержать город от распада: ведь сто с лишним лет война разрушала наше общество. А может, правительство уже ничего и не хочет. Я не знаю.

Там я увидела, как взрослый мужчина избивал ребенка. Я ударила его по голове доской, чтобы заставить прекратить, и он сразу умер. Тогда мне исполнилось тринадцать. Я побежала. Какой-то парень, похожий на полицейского, догнал меня и затащил в фургон. Он не застрелил меня на ближайшей обочине и даже не отправил в тюрьму, как я того опасалась. Он вывез меня в безопасную зону и провел мою генетическую экспертизу. Он сообщил мне об экспериментах в городах, и о том, что мои гены чище, чем у других людей. Даже показал мне на экране компьютера мою генетическую карту в качестве доказательства.

Но ведь я убила человека! Как и моя мать. А Дэвид заявил, что это — не то же самое, поскольку я не собиралась его убивать, а пыталась защитить маленького ребенка от гибели. Но я-то знала, что моя мама тоже не хотела убивать папу. Какая, в сущности, разница? Произошел ли несчастный случай или все было преднамеренно, результат-то один...

Я была абсолютно в этом уверена. Тогда Дэвид рассказал мне о том, что произошло давным-давно, когда люди попытались улучшить свою природу, но кончилось

все тем, что сделали только хуже. Наверное, здесь есть доля правды. А может, я просто хотела поверить ему».

Закусываю губу. Сейчас в Бюро люди сидят в столовой, едят, пьют и смеются. В нашем городе происходит то же самое. Вокруг меня — обыкновенная жизнь, а я торчу здесь, одна. Прижимаю планшет к груди. Моя мать была здесь. Значит, в коридорах Бюро — не только мое настоящее, но и мое прошлое. И мама будто вселяется в мою душу. Смерть не стерла ее образ, он там — навсегда. Холодный воздух просачивается под рубашку, я содрогаюсь.

Юрайя с Кристиной заходят в спальню, о чем-то болтая. Уверенность Юрайи успокаивает меня, а на мои глаза внезапно наворачиваются слезы. Они с Кристиной подбегают ко мне.

— Ты в порядке? — с тревогой спрашивает Кристина. Я киваю.

— Где вы, ребята, гуляли?

— После самолета мы заглянули в диспетчерскую и понаблюдали немного за городом, — отвечает Юрайя. — Там ничего не изменилось. Дура Эвелин, ее прихлебатели и все такое прочее, но иногда кажется, что смотришь фильм.

— Жуткое и угнетающее кино, — бормочу я.

— Не знаю, если кому-то интересно увидеть, чешу ли я себе зад или что я съел на обед, то проблемы скорее у него, а не у меня, — пожимает плечами Юрайя.

— Как часто происходит подобное, сэр? Постарайтесь вспомнить как можно точнее! — хихикаю я, а он пихает меня локтем.

— Извините, что вмешиваюсь в ваш чрезвычайно ученый диспут, — говорит Кристина, — но я с тобой, Трис. Я чувствовала себя отвратительно, словно делала что-то позорное. Думаю, мне следует держаться подальше от диспетчерской.

Она показывает на планшет у меня на коленях, на экране которого светятся слова моей матери.

— Что там у тебя?

— Моя мать прежде жила здесь. Ну то есть она — не отсюда, но пришла сюда, а когда ей исполнилось пятнадцать, ее отправили в Чикаго под видом лихача.

— Твоя мать... — удивляется Кристина.

— Ага, — киваю я. — Выглядит безумно. А еще она написала дневник и передала его Бюро.

— Ничего себе, — восхищается она.

Потом продолжает мягким тоном:

— Но ведь здорово, что тебе его дали? Теперь ты сможешь узнать о ней больше.

— Еще бы. И вообще, я больше не реву, и перестаньте пилиться на меня как на больную.

Беспокойство мигом слетает с лица Юрайи.

— И я подумала, — вздыхаю я, — что в каком-то смысле тоже принадлежу этому месту. Может, оно станет моим домом.

Кристина хмурится.

— Наверное, — неуверенно произносит она.

Но я благодарна ей за поддержку.

— Ну... — тянет Юрайя, — я не способен где-нибудь почувствовать себя как дома. У меня этот фокус уже не получится.

Он прав. Мы всегда и везде останемся чужими: и в экспериментальном городе, и в Бюро. Для нас все круто изменилось, и назад ничего не вернуть. Вероятно, каждый должен построить убежище внутри себя — в глубине своей души.

В комнату заходит Кaleb. На его рубашке темнеет пятно от соуса, но он вроде бы ничего не замечает. В его взгляде есть некое «интеллектуальное обаяние». На минуту мне становится любопытно, что такого он успел разведать.

— Привет, — говорит Кaleb и направляется ко мне, но тормозит на полпути.

Прикрываю экран планшета ладонью и молча смотрю на брата.

— Ты что, вообще не собираешься со мной общаться? — ворчит он.

— Если она начнет это делать, я умру от шока, — ледяным тоном отчеканивает Кристина.

Я отворачиваюсь. Как же мне иногда хочется обо всем забыть, вернуться к тому времени, когда мы не выбрали еще себе фракции.



20

Тобиас

— Не надеялась, что увижу тебя, — произносит Нита.

Она ведет меня за собой, и я замечаю татуировку, выглядывающую из-под ворота ее рубашки, но не могу разобрать изображения.

— Здесь тоже делают тату? — спрашиваю я.

— Кое-кто, — отвечает она. — У меня на спине — разбитое стекло, — и она умолкает, словно решает, стоит ли делиться со мной чем-то личным. — Я сделала ее потому, что это имеет отношение к повреждениям. Шутка своего рода.

Опять слово «повреждение», которое постоянно вспыхивает и затухает в моей голове после того генетического теста. А шутка — совсем не смешная даже для самой Ниты. Она выплюнула объяснение так, будто у нее стало горько во рту.

Мы шагаем по одному из кафельных коридоров, почти пустому в самом конце рабочего дня, затем спускаемся по лестнице. Синие, зеленые, фиолетовые и красные огни пляшут на стенах, их цвета меняются ежесекундно. Туннель на выходе широк и темен, и только странные огоньки освещают нам путь. Плитка совсем старая, даже через подошвы я чувствую, насколько она выщерблена и грязна.

— Эта часть аэропорта была полностью переделана и расширена, когда они перебрались сюда, — поясняет Нита. — После Войны за Чистоту лаборатории находились глубоко в подвалах, чтобы сохранить их в случае нападения на Бюро. Теперь здесь появляется только обслуживающий персонал.

— Значит, мы должны встретиться с кем-то из них? Она кивает.

— Работа в обслуживании — это нечто. Почти все мы «ГП» — генетически поврежденные, результаты неудачных экспериментов в городах или их потомки. Есть и здоровые, вытащенные оттуда, как мать Трис. Правда, у нас нет ее генетического преимущества. А ученые и

руководство являются «ГЧ» — генетически чистыми, они — потомки тех, кто никогда не подвергался модификации. Имеются, конечно, исключения, но их мало, я всех могу пересчитать по пальцам.

Я собираюсь спросить, зачем нужно подобное строгое разделение, но, чуть подумав, догадываюсь сам. «ГЧ» выросли в замкнутом сообществе, занятом наблюдениями и изучениями. А «ГП» сами родились в экспериментальных городах и явились результатом смены многих поколений тамошних жителей, чья единственная цель заключалась лишь в том, чтобы дать потомство. Разумеется, тут учитывались и знания и квалификация, но, по-моему, любая система, которая не дает возможности развиваться необразованным людям, вряд ли может быть справедливой.

— Твоя девушка права, — продолжает Нита. — Ты остался прежним, но теперь имеешь более ясное представление о своих возможностях. На самом деле, рамки есть даже у ГЧ.

— Получается, для всего установлены заборы? Для сострадания? Для совести? Откуда у вас обеих такая уверенность во мне?

Глаза Ниты ощупывают меня, но она ничего не отвечает.

— Смешно, — заявляю я. — Как вы или они можете определить границы моих возможностей?

— Так устроен мир, Тобиас, — говорит Нита. — Это просто генетика.

— Ложь, — возражаю я. — Существует нечто большее. Я чувствую, что мне надо бежать обратно к своим. Гнев бурлит внутри меня, и мне становится жарко, хотя

я не уверен, на кого именно я злюсь. На Ниту, которая полагает, что она ограничена, или на тех, кто убедил ее в этом. А может, вообще на всех.

Мы достигаем конца туннеля, и Нита толкает плечом тяжелую дверь. За ней — шум и какое-то мельтешение. В комнате, куда мы попали, развешаны гирлянды маленьких, но ярких лампочек. Кажется, будто под потолком* сплетена светящаяся паутина. Угол занимает деревянная стойка с бутылками и стаканами. Слева от нее — столы и стулья, а справа стоят люди с музыкальными инструментами. Я буквально оглушен, но единственные инструменты, которые я могу узнать, исходя из опыта своего недолгого пребывания во фракции Товарищества, — это гитары и барабаны.

Все разом оглядываются, и я чувствую себя так, будто на меня направили прожектор. Сперва мне ничего не удается разобрать в какофонии музыки и криков, но потом я привыкаю к гаме и различаю голос Ниты:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

Только я собираюсь ей ответить, как в комнату врывается кто-то еще. Он невысок, а футболка на нем на пару размеров больше, чем требуется. Вбежавший машет музыкантам. Те замолкают, и в наступившей тишине он кричит:

— Сейчас будет вынесен приговор.

Половина присутствующих вскакивает и бросается к двери. Нита хмуро морщит лоб.

— Кому приговор-то? — спрашиваю я.

— Маркусу.

И я кидаюсь за остальными.

Несусь по туннелю, лавируя между людьми, иногда отпихивая их с моего пути. Нита бежит по пятам за мной и зовет меня по имени. Я не могу остановиться. Я — сам по себе, и мне плевать на Резиденцию. Кроме того, я всегда был хорошим бегуном.

Я перепрыгиваю через три ступеньки, хватаясь за перила, чтобы не упасть. Сам не знаю, что именно я стремлюсь узнать: что они признают Маркуса виновным? Или что они оправдают его? Чего я, собственно, хочу — его смерти или милосердия Эвелин? Не понимаю. Похоже, оба исхода для меня равнозначны. Не все ли равно, что я увижу — настоящего злобного Маркуса либо его благородную маску? Или неподдельную ярость Эвелин?

Я не помню, где находится диспетчерская. Но я отчаянно проталкиваюсь вперед, и вот они, мои родители, на доброй половине мониторов. Толпа, перешептываясь, расступается передо мной, рядом остается лишь Нита, я слышу ее тяжелое дыхание.

Кто-то прибавляет звук, и мы сквозь треск слышим их голоса. Они искажены микрофонами, но я узнаю интонации и тембр отца. Я почти могу предсказать его слова еще до того, как он произнесет их.

— Куда нам торопиться? — усмехается он. — Разве ты не жаждешь насладиться своим триумфом?

Я напрягаюсь. Это — не тот человек, которого все знают как моего отца, терпеливого, спокойного лидера альтруистов. Здесь — не Маркус, никогда никому не желающий зла, в особенности своим собственным жене или сыну. На мониторах — тот, кто с наслаждением вытаскивал свой ремень из брючных петель, оборачивал его вокруг костяшек пальцев, и один вид Маркуса воз-

вращает меня в комнату страха, превращая в забитого ребенка.

— Нет, Маркус, — отвечает мама. — Ты хорошо служил городу на протяжении многих лет. Ни мне, ни моим советникам решение не далось легко.

Значит, Маркус уже не играет, а Эвелин продолжает носить маску. Ее голос звучит с подкупающей искренностью.*

— Я и представители бывших фракций, мы постарались принять во внимание твою лояльность городу, и мои чувства к тебе, как к своему бывшему мужу...

Я фыркаю, не сдержавшись.

— Между прочим, я до сих пор являюсь твоим мужем, — изрекает Маркус. — У альтруистов запрещены разводы.

— Но они могли разводиться в случае насилия в семье, — возражает Эвелин.

Неужели она только что призналась в этом на публике? Сейчас ей нужно, чтобы люди в городе увидели ее по-новому. Перед ними — не бессердечная мегера, взявшая над ними власть, но смелая женщина, которая справилась с Маркусом и с его демонами, прятавшимися за чистеньким фасадом дома и скромной одеждой.

— Она собирается его убить, — констатирую я.

— Факт остается фактом, — продолжает Эвелин нежно. — Ты совершил вопиющие преступления против народа. Ты обманул невинных детей, заставив их рисковать жизнями ради твоих корыстных целей. Твой отказ подчиниться моим приказам и приказам Тори Ву, бывшего лидера лихачей, привел к бесчисленным смертям во время атаки эрудитов. Ты предал своих коллег, не

выполнив договор, и потерпел неудачу в борьбе против Джанин Мэтьюз. Ты предал свою собственную фракцию, раскрыв то, что должно было оставаться тайной.

— Я не...

— Я еще не закончила, — повелительно возвышает голос Эвелин. — Учитывая твой стаж работы, мы приняли необычное решение. В отличие от других представителей бывших фракций, ты не будешь помилован и не получишь возможности консультировать нас по вопросам, находившимся в твоей компетенции. Но ты не будешь и казнен как предатель. Мы вышлем тебя во вне, за земли Товарищества, и у тебя никогда не будет возможности вернуться назад.

Маркус выглядит удивленным, и я понимаю его.

— Поздравляю, — произносит Эвелин. — У тебя появился шанс начать жизнь сначала.

Должен ли я чувствовать облегчение? Или расстроиться, поскольку дамоклов меч останется висеть у меня над головой? Не знаю. Я вообще ничего не чувствую.

Как всегда, когда меня охватывает паника. Пальцы немеют. Мне надо побыть одному. Я разворачиваюсь и оставляю за спиной все и вся: своих родителей, Ниту и город, где я родился.



21

Трис

Мы завтракаем, и внезапно металлический женский голос объявляет по интеркому, что в первой половине дня будет проводиться учебная тревога. Нам необхо-

димо запереть двери, закрыть окна и затаиться в своей комнате, пока не поступит сигнал об отмене.

Тобиас выглядит бледным и усталым, под глазами у него — темные круги. Он машинально отщипывает кусочки от кекса, иногда кидая их в рот, а иногда забывая об этом.

Большинство из нас проснулись поздно, около десяти. Пожинув город, мы потеряли не только наши фракции, но и наши стимулы. Здесь же нам делать абсолютно нечего, только ждать, когда что-нибудь случится. Такой расклад приводит меня в беспокойное и напряженное состояние. Я привыкла всегда что-то делать, за что-то бороться. И здесь мне приходится постоянно напоминать себе, что я могу расслабиться.

— Они вчера катали нас на самолете, — говорю я Тобиасу. — Где ты был?

— Думал, — его короткий ответ звучит раздраженно. — И как полетали?

— Просто восхитительно, — я сажусь напротив него, и наши коленки соприкасаются. — Мир — намного больше, чем я предполагала.

— Понятно, — кивает он, — мне, наверное, не понравилось бы. Высота, и все такое.

Почему-то его реакция меня разочаровывает. Я надеялась услышать совсем другое: дескать, ему жаль, что он не провел время со мной. А он даже ничем не интересуется.

— Ты в порядке? Ты какой-то сонный, — замечаю я.

— Если учесть, что вчера мне объяснили, — говорит он, потирая лоб, — ты не можешь винить меня в том, что я расстроен.

— Глупости, — отвечаю я сердито. — Но с моей точки зрения, у тебя абсолютно нет повода для обиды. Я, конечно, понимаю, что ты испытал шок, но ты — все тот же человек, которым был всегда, независимо от того, что тебе наплели.

Он мотает головой.

— Я говорю не о генах, а о Маркусе. Ты что, действительно ничего не знаешь? — хотя вопрос сформулирован грубовато, голос Тобиаса не звучит обвиняюще.

Он встает, чтобы бросить остатки кекса в мусорное ведро.

Я чувствую себя слабой. Разумеется, я слышала о Маркусе. С самого утра у нас в комнате только о нем и трещали. Но я не думала, что Тобиас расстроится из-за отмены казни своего отца. Значит, я ошиблась. Но как только я открываю рот, чтобы поговорить с Тобиасом о чем-нибудь еще, раздается вой сирены. Он настолько оглушительный и пронзительный, что больно ушам. Я едва могу соображать и двигаться. Засовываю голову под подушку и скрючиваюсь на койке.

Тобиас запирает дверь и задвигает занавески. Остальные рассаживаются по своим кроватям. Кара тоже зажимает уши подушкой, Питер прислоняется к стене и закрывает глаза. Калекб отсутствует. Не знаю, где он бродит. Может, он с Кристиной и Юрайей, а может, в одиночестве рыщет по помещениям Бюро. Вчера после десерта все трое были полны решимости облазить тут каждый уголок.

Я хочу прочитать дневник моей матери относительно Резиденции. Она описала некоторые свои впечатления: о том, как здесь невероятно чисто, а люди всегда улыба-

ются. Вдобавок она упомянула, что заочно влюбилась в наш город, наблюдая за его жизнью на экранах в диспетчерской. Я вчитываюсь в строчки, надеясь отвлечься от воя сирены.

«Сегодня я вызвалась пойти в город. Дэвид сказал, что дивергентов уничтожат, и кто-то должен остановить убийцу, потому что это — напрасная трата нашего генетического материала. Я думаю, что Дэвид имеет в виду другое. Он просто считает, что, если бы дивергентов не трогали, у нас не было бы причин вмешаться.

— На твою миссию потребуется несколько лет, — заявил он. Здесь у меня нет родственников, лишь пара-тройка приятелей, но я молода и меня легко будет внедрить — можно быстро заменить воспоминания некоторых людей, и я — там.

Они решили, что я буду из семьи лихачей. Главным образом, потому что у меня уже есть татуировки. Единственная проблема состоит в том, что на Церемонии Выбора в следующем году мне придется присоединиться к фракции эрудитов. Именно там находится убийца. А я не уверена, что достаточно умна. Дэвид утверждает, что мои страхи не имеют никакого значения, он всегда сможет подменить результаты моих тестов, но, на мой взгляд, это неправильно. Пусть даже Бюро полагает, что такие коррективы — уместны. Они якобы помогают справиться с ущербностью. Но люди в городе верят в то, что делают, и нечестно мошенничать, играя с их системой.

Я наблюдала за ними в течение нескольких лет, и моя подготовка не займет много времени. Могу поспорить, что я знаю город лучше, чем его жители, вместе взятые.

А вот продолжать вести дневник мне будет трудно. Вдруг заметят, что я подключаюсь к удаленному серверу? Поэтому писать я, вероятно, буду реже. Мне придется отделить себя от привычного мира. Кто знает, может, это и к лучшему...

А вдруг город станет для меня новым стартом?

Я просто обязана использовать этот шанс!»

Я принялась перечитывать про убийцу из фракции эрудитов. Может, это был предшественник Джанин Мэтьюз? Удивительно, но в итоге мать не вошла во фракцию эрудитов. Что заставило ее присоединиться к альтруистам?

Сирена, наконец, замолкает, и неожиданная тишина рушится на меня. Наши потянулись на выход. Тобиас на секунду задерживается и похлопывает меня по ноге. Я не реагирую. Я не уверена, что хочу услышать его слова. Сейчас оба мы на краю. Однако он спрашивает у меня:

— Можно я тебя поцелую?

— Да, — выдыхаю я с облегчением.

Он наклоняется, дотрагивается до моей щеки, затем нежно целует меня. Надо отдать ему должное, он знает, как улучшить мое настроение.

— Извини, я не подумала о Маркусе, — шепчу я.

— В любом случае все кончилось, — пожимает он плечами.

Неправда. До финала еще далеко. Обида на Маркуса слишком сильна. Но я не собираюсь на него давить.

— Дневник читаешь? — спрашивает он.

— Угу, — отвечаю я. — Тут кое-какие ее воспоминания о Резиденции. Очень интересно.

— Ладно, — говорит Тобиас.

Он улыбается мне, но он устал и расстроен. Я не делаю попытки задержать его. Боюсь, похоже на то, что мы отдаляемся друг от друга, замыкаемся — каждый в своем горе. Он — из-за крушения веры в свою дивергенцию, я — из-за гибели моих родителей.

Я вновь прикасаюсь к экрану.

«Дорогой Дэвид!»

Удивленно поднимаю брови. Что?

«Дорогой Дэвид! Мне очень жаль, но все случилось не так, как мы планировали. Я не могу этого сделать. Знаю, ты подумаешь, что я — глупый подросток, но раз уж я буду здесь находиться, то и мне решать. Свою работу я смогу выполнить и за пределами сектора эрудитов. Завтра, на Церемонии Выбора, мы с Эндрю собираемся стать альтруистами. Надеюсь, ты не сердишься на меня. Натали».

Я прислоняюсь головой к оконному стеклу. Глаза застилают слезы. Мои родители любили друг друга. Они бросили вызов и планам Бюро, и фракциям. Они отвергли принцип «Фракции главнее крови».

Выключаю планшет. Не хочу читать ничего, что бы могло испортить впечатление, и плыву по течению спокойной реки. Вроде бы я должна горевать о смерти матери. А на самом деле я чувствую, что все наоборот: я получаю частички ее жизни, слово за словом, строка за строкой.



В файле всего лишь около дюжины записей, и, к сожалению, они, рассказывают мне слишком мало. И у меня возникает еще больше вопросов. К тому же это не дневниковые записи, мысли и впечатления, а письма, адресованные кому-то.

«Дорогой Дэвид! Я полагала, что ты в большей степени мой друг, чем руководитель, но теперь мне кажется, я ошибалась.

Неужели ты думал, что я отправилась в город для того, чтобы жить в гордом одиночестве? Что я никогда ни к кому здесь не привяжусь и не начну сама выбирать пути, которые считаю правильными?

Я все бросила, чтобы сюда прийти, в то время как никто другой этого не хотел. Ты должен быть мне благодарен, а не обвинять меня в том, что я пренебрегаю своей миссией. Вот что я тебе скажу: я не собираюсь забывать, зачем я здесь, только по той причине, что я выбрала альтруистов и собираюсь выйти замуж. Я вполне заслуживаю того, чтобы жить своей жизнью, не той, которую ты и Бюро выбрали для меня. Ты же знаешь, что я видела и пережила, и должен поэтому понять, почему новая жизнь так привлекает меня.

На самом деле тебя не волнует, что я не выбрала фракцию эрудитов, как мы условились. Мне кажется, ты просто ревнуешь. И если ты хочешь, чтобы я продолжала тебе писать, тебе придется извиниться за то, что сомневался во мне. Иначе я не буду больше посылать

тебе новых сообщений, и, разумеется, я не собираюсь покидать город, чтобы встретиться с тобой. Все зависит от тебя. Натали».

Интересно, была ли она права насчет Дэвида? Эта мысль не дает мне покоя. Действительно ли он ревновал к моему отцу и исчезла ли со временем эта ревность? С другой стороны, я вижу их отношения только ее глазами, но я не уверена, что мама — наиболее верный источник информации об этом. По записям заметно, как она взрослеет, ее язык становится все богаче, а эмоции — все умереннее. Короче, она растет.

Смотрю следующую запись. Она датирована несколькими месяцами спустя. Письмо адресовано не Дэвиду, а кому-то другому: тон письма холоден и официален. Я провожу пальцем по экрану, перелистывая записи. Через десять страниц нахожу запись, адресованную Дэвиду. Это письмо было написано через два года после предыдущего.

«Дорогой Дэвид, я получила твое письмо. Понимаю, почему ты не можешь больше переписываться со мной, и уважаю твое решение, но я все равно буду скучать по тебе. Желаю тебе счастья. Натали».

Я хочу пролистать дальше, но журнал закончился. Последний документ в файле — свидетельство о ее смерти. Причиной смерти названо несколько огнестрельных ранений. Я хочу рассеять воспоминания о том, как она тогда упала на улице. Хочу знать больше о ней, своем отце и о Дэвиде. Обо всем, что отвлечет меня от мыслей, как закончилась ее жизнь.

Стремлюсь немедленно что-то предпринять, и около полудня я отправляюсь с Зоей в диспетчерскую. Она

разговаривает с сотрудником о встрече с Дэвидом, а я смотрю в пол, чтобы ни в коем случае не увидеть происходящего на экранах. Чувствую, что, если взгляну на них хотя бы на мгновение, уже не смогу отвернуться. Без остатка растворюсь в моем старом мире, потому что не знаю, как жить в новом.

Но Зоя все продолжает разговаривать, и я, не удержавшись, смотрю на большой экран, висящий напротив: Эвелин сидит на своей кровати и перебирает какие-то предметы на тумбочке. Я подхожу ближе, чтобы рассмотреть, что там такое. Женщина, сидящая за одним из столов, обращается ко мне:

— Это персональный канал Эвелин. Мы наблюдаем за ней круглосуточно и без выходных.

— Вы можете слышать ее?

— Конечно, нужно только сделать громче, — отвечает женщина. — Но обычно мы выключаем звук. Трудно выносить болтовню целую смену.

— Что это? — киваю я на экран.

— Какая-то статуэтка, — женщина пожимает плечами. — Она часто ее разглядывает.

Я узнаю эту вещь: я видела ее в комнате Тобиаса, где спала после своей несостоявшейся казни в штаб-квартире эрудитов. Она сделана из синего стекла, имеет абстрактную форму и более всего напоминает падающую воду, застывшую во времени.

Я привычно прикасаюсь к ямочке на своем подбородке, как всегда, когда пытаюсь что-то вспомнить. Он тогда рассказал мне, что эту фигурку ему дала Эвелин, когда он был еще ребенком, и попросила спрятать ее от отца, который, будучи альтруистом, не одобрял красивых, но

бесполезных вещей. Тогда я не задумывалась об этом, но сейчас вижу, что статуэтка много значит для Эвелин, раз она сопровождала ее от сектора альтруистов до тумбочки в штаб-квартире эрудитов. Может быть, это был ее способ восстать против системы фракций? Эвелин на экране подпирает рукой подбородок и смотрит на статуэтку еще какое-то время. Потом быстро встает и выходит из комнаты.

Эта синяя штука является символом бунта. Скорее всего, она просто напоминает ей о Тобиасе. До сих пор мне не приходило в голову, что, уйдя со мной из города, Тобиас не просто взбунтовался против своего вождя, он еще и отказался от матери. И она тоскует о нем. При всех трудностях, которыми сопровождались их отношения, кровные узы не могли порваться. Такого не бывает.

Зоя дотрагивается до моего плеча.

— Ты хотела спросить меня о чем-то?

Я киваю и отворачиваюсь от экрана. На той фотографии, где она стояла рядом с моей матерью, Зоя была совсем юной, но все равно она должна что-то знать. Лучше бы, конечно, спросить Дэвида, но он — руководитель Бюро, и до него так легко не добраться.

— Я хотела бы узнать о своих родителях, — говорю ей. — Я читаю мамин дневник, но не нашла там ничего определенного о том, как она встретила с моим отцом и почему они присоединились к альтруистам.

Зоя неохотно кивает.

— Хорошо, я расскажу тебе то, что знаю. Пойдем в лабораторию. Мне нужно перекинуться парой слов с Мэтью.

На ходу она держит руки за спиной, а у меня в руках планшет, полученный от Дэвида. Экран весь в отпечатках пальцев и нагрелся от моих ладоней. Я понимаю, почему Эвелин постоянно рассматривает статуэтку: она — последнее, что у нее осталось от сына. Так же, как этот планшет — последнее, что осталось у меня от матери. Так я чувствую себя ближе к ней.

Наверное, именно поэтому я не в состоянии дать его Калебу, хотя он имеет право прочитать то, что в нем содержится. Просто я не могу сейчас расстаться с планшетом.

— Они встретились в школе, — начинает свой рассказ Зоя.

— Твой отец был очень умным, но психология никак не давалась ему, и его учитель, — эрудит, естественно, — обходился с ним из-за этого очень сурово. Твоя мать предложила позаниматься с ним после школы, и он сказал своим родителям, что работает над каким-то школьным проектом. Они занимались в течение нескольких недель, а затем продолжали втайне встречаться. Насколько я помню, одним из их любимых мест был фонтан в южной части Миллениум-парка.

— Букингемский фонтан? Тот, который на болоте?

Я представляю отца и мать, сидящих на краю фонтана перед бьющей в небо струей и болтающих ногами в воде. Я знаю, что этот фонтан давным-давно заброшен и никакой воды там быть не могло, но хочется представлять все покрасивее.

— Приближалась Церемония Выбора, а твой отец стремился оставить фракцию эрудитов, потому что увидел кое-что ужасное...

— Что?

— Твой отец дружил с Джанин Мэтьюз, — произносит Зоя. — Он увидел, как она проводит опыты на бесфракционнике в обмен на продукты питания, одежду, или еще что-то в таком же роде. Она тестировала сыворотку, вызывающую страх, ту, которая впоследствии использовалась при инициации лихачей. Сначала сыворотка не моделировала персональные страхи конкретного человека, а вызывала лишь самые общие, вроде боязни высоты или пауков. Нортон, сделавшийся затем эрудитом, был тогда там и позволил ей зайти слишком далеко. Бесфракционник после тех опытов так и не оправился. Для твоего отца это стало последней каплей.

Она останавливается перед дверью в лабораторию, чтобы открыть ее с помощью своего значка. Проходим в темный кабинет, где Дэвид дал мне записи моей матери. Мэтью уткнулся носом в экран компьютера, его глаза прищурены. Он нас едва замечает.

А мне одновременно хочется плакать и смеяться. Молча сажусь в кресло около пустого стола. Папа был тяжелым человеком. Но хорошим.

— Твой отец хотел уйти от эрудитов, а твоя мать не хотела присоединяться к ним, невзирая на то, что именно в этом заключалась ее миссия. Гораздо важнее для нее было быть рядом с Эндрю, и они вместе выбрали альтруистов, — Зоя вновь делает паузу. — Это вызвало раскол между Натали и Дэвидом. В конце концов, он извинился, но сообщил, что больше не может с ней переписываться. Не знаю почему. После ее отчеты стали очень короткими. Потому-то их нет в твоём журнале.

— Но ведь она могла выполнять свою миссию, будучи во фракции альтруистов.

— Да. И еще — она была гораздо счастливее там, если бы стала эрудитом, — говорит Зоя. — Конечно, в каком-то смысле, альтруисты оказались не лучшим вариантом. Нет никакой возможности избежать всех последствий. Даже руководство альтруистов было испорчено ими.

— Вы говорите о Маркусе? — хмурюсь я. — Но Маркус — дивергент. У него нет генетических повреждений.

— Человек, живущий среди людей с генетическими повреждениями, волей-неволей начинает вести себя так же, как они, — отвечает Зоя. — Мэтью, Дэвид хочет встретиться с твоим руководителем, чтобы обсудить одну из разработок по сывороткам. Последний раз Алан не смог сообщить нужную информацию. Мэтью, пожалуйста, зайди к Дэвиду.

— Конечно, — бормочет Мэтью, не отрываясь от компьютера.

— Прекрасно. Мне пора. Надеюсь, что ответила на твой вопрос, Трис, — она улыбается мне и покидает комнату.

Я не шевелюсь. Маркус — дивергент, то есть «ГЧ», как и я. Не думаю, что он мог стать плохим человеком только потому, что находился среди генетически поврежденных. Ведь и я была среди таких. И Юрайя. И моя мать. Но никто из нас не кидался с кулаками на своих близких.

— В ее объяснениях имеется несколько слабых мест, не так ли? — спрашивает Мэтью.

— Ага.

— Некоторые люди готовы все валить на генетические нарушения, — говорит он. — Это легче принять, чем правду. Но знаний пока недостаточно.

— Каждый человек находит для себя виноватого. Для моего отца это были эрудиты.

— Кстати, они мои любимчики, — слегка улыбается Мэтью.

— В самом деле? — напрягаюсь я. — Почему?

— Я не знаю. Наверное, потому, что я с ними во многом согласен. Если каждый постарается как можно больше заботиться об окружающем нас мире, проблем будет гораздо меньше.

— А я всю жизнь их боялась, — признаюсь я. — Мой отец ненавидел эрудитов, и я от него это переняла. Только теперь я начинаю понимать, что он был неправ. Или просто предвзят.

— Неправ в отношении эрудитов или в том, что научил тебя их ненавидеть?

— И в том, и в этом, — пожимаю я плечами. — Кое-кто из эрудитов помогал мне, даже когда я не просила их о помощи.

Уилл, Фернандо, Кара... Они все — из эрудитов и, вместе с тем, одни из лучших людей, которых я только знала. Пусть даже недолго.

— Они слишком заиклены на том, чтобы сделать мир лучше, — возражаю я. — То, что сотворила Джанин, не имеет ничего общего с жаждой знаний. Она жаждала власти, по словам моего отца. И она получила по заслугам. А лихачи, наверное, хоть что-то соображали.

— Есть такое выражение, — парирует Мэтью, — «Знание — сила». Когда у тебя есть сила и власть, ты можешь

либо творить зло, как Джанин, а можешь — добро, как мы. Сама по себе власть злом не является.

— А я с детства привыкла относиться с подозрением как к первому, так и ко второму, — сообщаю я. — Альтруисты считают, власть может быть доверена только тем людям, которым она не нужна.

— Да, — соглашается Мэтью, — но не пора ли отбросить старые подозрения?

Он встает из-за стола и достает книгу, — толстую, потертую с загнутыми уголками. На обложке напечатано: «Биология человека».

— Здесь, конечно, самые основы, но они помогли мне кое в чем разобраться, — продолжает он. — Удивительно быть непознанной частью сложнейшего биологического механизма и иметь потенциал для исследования себя самого. Наша способность познавать себя и мир — самое беспрецедентное, что произошло за всю историю эволюции, именно она и делает нас людьми.

Он протягивает мне книгу и возвращается к компьютеру.

Смотрю на изношенную обложку, перелистываю страницы. Значит, тут кроется прекрасная тайна? Наверное, если я прочту книгу, смогу что-нибудь понять. И таким образом, почувствую себя частью чего-то неизмеримо большего и древнего, чем я сама.

— Спасибо тебе, — благодарю я Мэтью.

Он вернул мне то, что я потеряла.

В холле отеля пахнет хлоркой и лимоном. Сочетание запахов безумно раздражает мои ноздри. Прохожу мимо комнатного растения с ярким цветком среди глянцеви-

той листвы и направляюсь к нашей комнате. Протираю экран планшета подолом рубашки.

Кaleb сидит один, его волосы взъерошены, а глаза опухли со сна. Я швыряю книгу по биологии на кровать, он растерянно моргает. Внутри меня все сжимается от боли, и я сильнее прижимаю к груди планшет с маминым дневником. Он — тоже ее сын. У него есть право прочитать это.

— Если тебе есть что сказать, — ворчит он, — не молчи.

— Мама жила здесь, — я произношу слова слишком громко и быстро, как будто избавляюсь от груза. — Она родилась на Украине, но они привезли ее сюда, и она прожила в Бюро пару лет, а затем отправилась в наш город, чтобы остановить убийства дивергентов эрудитами.

Кaleb продолжает моргать. Боясь, что потеряю решимость, быстро протягиваю ему планшет.

— Здесь находятся ее файлы.

Он хватается за планшет. Он очень вырос и гораздо выше, чем я. А раньше все было наоборот. В детстве я не чувствовала, что хуже, глупее или трусливее, чем он.

— И как давно ты об этом узнала? — спрашивает он, прищурившись.

— Какая тебе разница? — бросаю я и отступаю на шаг.

Он вытирает экран рукавом и быстро точными движениями открывает первую запись. Я жду, что он сядет, начнет читать, но он глубоко вздыхает.

— Мне тоже надо кое-что тебе показать, Трис. Это касается Эдит Прайор.

Ее имя, а вовсе не вновь возникшая привязанность к Калебу, тянет меня за ним. Он ведет меня по коридору,

мы пару раз сворачиваем и, наконец, заходим в узкую комнату.

На стенах — полки с книгами в одинаковых серо-голубых обложках. Они толстые и тяжелые, как словари. Посередине — деревянный стол с задвинутыми стульями. Кaleb щелкает выключателем, и бледный свет озаряет помещение, напоминающее мне штаб-квартиру эрудитов.

— Я провел тут много времени, — объясняет он. — Это — хранилище записей. Есть данные по эксперименту в Чикаго.

Кaleb идет вдоль полок, ведя рукой по книжным корешкам, достает один из томов, кладет его на стол и раскрывает. Внутри — сплошной убогий текст с картинками.

— Почему они не перенесут информацию в компьютер?

— Полагаю, для большей безопасности, — произносит он. — Данные имеют свойство уходить из-под контроля, а вот бумагу всегда можно уничтожить и избавиться от опасных документов. Поэтому иногда надежнее хранить их в печатной форме.

Его пальцы проворно листают страницы, а зеленые глаза пробегают по строчкам, пока он ищет нужное место. Я вспоминаю, как брат скрывал наклонности эрудита, пряча книги между спинкой кровати и стеной в нашем доме. Пока не уронил свою кровь в воды эрудитов в день Церемонии Выбора. Да... он прирожденный лжец, верный лишь самому себе.

Меня снова начинает тошнить от Калеба. Я с трудом могу находиться с ним наедине в комнате, заваленной книгами.

— Ага, — восклицает он.

Я читаю что-то вроде копии договора, написанного от руки:

«Я, Аманда Мэри Риттер, из Пеории, штат Иллинойс, даю свое согласие на следующие процедуры:

1. Процедуру «генетического исцеления», определенную Бюро Генетической Защиты как «техническая процедура, предназначенная для коррекции генов, отмеченных как «повреждения» на третьей странице договора».

2. Процедуру «перезагрузки», определенную Бюро Генетической Защиты как: «процедура стирания памяти, предназначенная для того, чтобы сделать участника эксперимента наиболее пригодным для него».

Я заявляю, что была всесторонне проинструктирована о рисках, связанных с проведением процедур сотрудником Бюро Генетической Защиты. Я сознаю, что получу новую личность и новую биографию от Бюро для внедрения в эксперимент, проводящийся в Чикаго, штат Иллинойс, где я должна буду прожить остаток своих дней.

Я согласна на проведение необходимого числа генетических корректировок, что даст моим исправленным генам наилучшие шансы на выживание. Я понимаю, что меня будут принудительно побуждать к этому, поскольку я изменюсь в процессе процедуры «перезагрузки».

Я согласна, чтобы мои дети и дети моих детей и т.д. продолжали участвовать в эксперименте до тех пор, пока Бюро Генетической Защиты не посчитает его завершенным. Все они получают ложную информацию, которая будет внедрена в мое сознание после процедуры «перезагрузки».

Подпись: Аманда Мэри Риттер».

Значит, эта женщина — та самая, что была на видео. Она — так называемая Эдит Прайор, мой предок. Глаза Калеба светятся, будто по ним проходит электрический разряд.

— Итак, она наш родственник по папиной линии.

Он кивает и садится напротив меня.

— Семь поколений назад она была теткой того, кто сохранил и передал нам фамилию Прайор.

— Значит, ты обнаружил..

— Договор о согласии, — заканчивает он. — Сноски показывают, что это — лишь проект договора. Она являлась членом Бюро и была одним из первых организаторов эксперимента. Тогда в нем участвовало только несколько членов Бюро, большинство же сотрудников не работали на правительство.

Я перечитываю текст заново, пытаюсь лучше понять его смысл. Значит, то видео с Эдит — очередная ложь.

Ее послание было умелой манипуляцией, предназначенной, в соответствии с целями Бюро, для того, чтобы держать нас в узде. Дескать, мир за пределами города — болен и разрушен, а дивергенты должны выйти и исцелить его. Но люди в Бюро действительно верят, что те, чьи гены выздоровели, помогут кое-что исправить. Что мы интегрируемся в общую популяцию, передадим наши гены потомкам, и мир, в итоге, станет лучше. Однако армия дивергентов, гордо марширующая для борьбы со злом, уже никому не нужна. Интересно, верила ли сама Эдит собственным словам в результате так называемой «перезагрузки», или она лгала сознательно?

На следующей странице — ее фотография. Рот — прямая жесткая линия, каштановые волосы — торчат дыбом,

как проволока. Наверное, добровольно согласившись на стирание своей памяти, она предчувствовала что-то ужасное.

— Почему она согласилась? — вырывается у меня.

Калёб качает головой.

— Записи свидетельствуют, хотя и довольно туманно, что многие люди присоединились к эксперименту, чтобы их семьи могли выбраться из нищеты. Родственникам волонтеров платили ежемесячное пособие на протяжении более чем десяти лет. Но очевидно, что это не могло быть мотивом для Эдит, ведь она сама из верхушки. Может, у нее произошла какая-нибудь трагедия...

Я мрачно рассматриваю фото. Не могу себе представить, до чего надо дойти, чтобы согласиться забыть себя и всех, кого любишь, только для того, чтобы твои близкие получали ежемесячную плату. Будучи из семьи альтруистов, я большую часть своей жизни прожила на хлебе и овощах, в умеренности и строгости, но никогда не видела нищеты. Похоже, добровольцам не повезло.

И отчего Эдит впала в такое отчаяние? Может, от одиночества?

— Меня заинтересовал правовой прецедент дачи согласия от имени своих потомков, — говорит Калёб. — Я думаю, что подразумевается экстраполяция согласия на детей в возрасте до восемнадцати лет, но все равно... как-то странно.

— А по-моему, мы всегда решаем судьбы наших детей, — отвечаю я. — Выбрали бы мы с тобой наши фракции, если бы мама и папа не стали альтруистами? Кто знает... Но, может, мы бы тогда не чувствовали себя

такими... придушенными. И стали бы совсем другими людьми.

Мысль, закравшаяся в мою голову, кажется мне довольно скользкой:

— И брат не предал бы свою сестру, — добавляю я, уставившись на стол.

Последние несколько минут мы с Калемом отлично притворялись. Как бы долго человек ни пытался игнорировать правду, она опять выплывет наружу. Я поднимаю голову и смотрю на Калеба. Он такой же, каким был в плену — в штаб-квартире эрудитов. Но сейчас я слишком устала, чтобы продолжать с ним бороться или слушать его жалкие оправдания. Я только спрашиваю:

— Эдит присоединилась к эрудитам, не так ли? Хотя она и назвалась именем альтруистов?

— Точно. — Похоже, он даже не заметил изменения моего тона. — На самом деле, большинство наших предков — эрудиты. Нет, было несколько альтруистов и пара правдолюбков, но линия просматривается достаточно последовательно.

Мне становится холодно, и я начинаю дрожать. Наверное, я расколуюсь на кусочки прямо на его глазах.

— Ты использовал все как предлог, — догадываюсь я. — И присоединился к эрудитам. Я имею в виду, если ты был одним из них, то лозунг «фракция выше крови» вполне отвечает твоей вере, да?

— Трис... — начинает он.

Но я и понимать не желаю. Я встаю.

— Что ж, ты рассказал мне об Эдит, я тебе — о нашей матери. А теперь — прощай.

Иногда, он вызывает во мне сочувствие, а иногда — я буквально вижу, как мои руки сжимаются на его горле. Но на этот раз мне просто хочется убежать. Выхожу из комнаты, и мои ботинки скрежещут на кафельном полу, пока я лечу обратно в отель. Я останавливаюсь, когда чувствую цитрусовый запах.

Тобиас стоит в коридоре. Я запыхалась, кровь сильно шумит у меня в ушах, меня переполняют удивление, гнев и тоска.

— Трис, — окликает Тобиас. — Ты в порядке?

Я качаю головой, и вдруг со всей силы прижимаю его к стене и нахожу его губы. Какое-то мгновение он пытается оттолкнуть меня, но потом отвечает на мой поцелуй. Все уже неважно. Мы не были вместе много дней, недель, месяцев и столетий.

Его пальцы гладят мои волосы, и я держусь за него руками, чтобы не упасть, мы упираемся друг в друга, как два клинка, застрявшие в патовой ситуации. Он сильнее всех, кого я знаю, и горячее, чем любой другой. Он — моя великая тайна, которую я сохраняю до конца жизни. Тобиас страстно целует меня в шею, проводит руками по моему телу и обхватывает меня за талию. Я цепляюсь пальцами за его ремень, мои глаза закрываются. В этот момент я точно знаю, чего хочу: сбросить с себя всю одежду, уничтожить все, что разделяет нас, наше прошлое, настоящее и будущее.

Но в коридоре раздаются шаги, смех, и мы испуганно отшатываемся друг от друга. Кто-то, похоже, Юрайя, свистит, но я едва его слышу. Тобиас пристально смотрит на меня. Мы оба молчим.

— Заткнись, — наконец кидаю я Юрайе, не отрываясь от милого взгляда.

Юрайя и Кристина проходят мимо нас в комнату. Мы с Тобиасом идем вслед за ними, будто ничего не случилось.



23

Тобиас

Едва моя распухшая от мыслей голова касается подушки, я слышу хруст под моей щекой. Под наволочкой — записка. *«Встретимся у входа в отель в одиннадцать. Нита»*

Смотрю на Трис. Она растянулась на раскладушке, прядь волос, накрывшая ей лицо, слабо колышется. Не хочется ее будить, но я чувствую себя странно: ведь я отправляюсь ночью на встречу с чужой девушкой. А только что мы поклялись быть честными друг с другом. Гляжу на часы: 10:50. Нита — просто друг, к тому же у нее наверняка срочное дело. Завтра я сообщу обо всем Трис.

Откидываю одеяло и сую ноги в ботинки, последнее время я сплю, не раздеваясь. Прохожу мимо кроватей Питера и Юрайи. У последнего из-под подушки выглядывает фляжка. Аккуратно вытягиваю ее и прячу под одеяло на одной из пустых коек. Мне стыдно, что я присматриваю за ним далеко не так хорошо, как обещал Зику.

Выхожу в коридор, завязываю шнурки, приглаживаю волосы. После того, как я покинул альтруистов, я не

стригусь. Мне хотелось, чтобы лихачи видели во мне потенциального лидера, но я скучаю по-старому ритуалу, по стрекотанию машинки для стрижки. Мои руки еще помнят заученные осторожные движения. Когда я был маленький, отец стриг меня в коридоре на верхнем этаже нашего дома. Он был неаккуратен и царапал мне то затылок, то ухо. Но он никогда не ворчал. Мне кажется, это кое о чем говорит.

Появляется Нита, постукивая каблукками. Сегодня на ней белая футболка с короткими рукавами, волосы откинута за спину. Она улыбается одними губами.

— Ты какая-то встревоженная, — говорю я.

— Так и есть, — отвечает она. — Пойдем.

Она ведет меня полутемными коридорами, почти пустыми, если не считать редких уборщиков. Похоже, они знают Ниту: каждый приветственно ей машет. Она зябко засовывает руки в карманы. Когда мы случайно встречаемся взглядами, она быстро отводит глаза.

На двери, через которую мы проходим, нет сканера, очевидно, ее не нужно запирать. За ней — круглая комната, с люстрой из стеклянных подвесок на потолке. Полы — из темного полированного дерева, а стены покрыты бронзовыми листами. На них начертаны имена. Их — тысячи, если не больше.

Нита останавливается и широким жестом обводит помещение:

— Здесь — родословные жителей города Чикаго, — говорит она, — ваши генеалогические древа.

Приближаюсь к одной из стен и читаю имена, пытаюсь найти знакомые. В конце концов, обнаруживаю: Юрая Педрад и Иезекииль Педрад. Возле них — буков-

ки «ЛЛ» и точка рядом со словом «Юрайя». Ее вырезали совсем недавно. Думаю, его так пометили потому, что он — дивергент.

— А где здесь мое? — спрашиваю я.

Она пересекает комнату и дотрагивается до одной из панелей.

— Поколения считаются по женской линии. Вот почему в записях Джанин сказано, что Трис — это второе поколение, ведь ее мать родилась за пределами города. Но мы никогда не узнаем, как Джанин это выяснила.

С трепетом приближаюсь к панели, на которой написано мое имя. Вижу вертикальную линию, соединяющую Кристин Джонсон с Эвелин Джонсон, и горизонтальную — от Эвелин Джонсон к Маркусу Итону. А под ними находится и Тобиас Итон. Буквы рядом — «АЛ», и тоже есть точка, хотя на самом деле не дивергент.

— Первая буква — твоя фракция по рождению, — объясняет Нита, — а вторая — фракция, выбранная тобой. Они думали, что так они проследят путь генов.

Буквы, возле имени моей матери: «ЭАБ», где «Б», очевидно — обозначение для бесфракционников. Напротив моего отца: «АА» и — точка.

Я смотрю свое генеалогическое древо. Это некая карта, которая показывает мне то, что я связан с ним. Навсегда.

— Спасибо, — грустно говорю я. — Но не пойму, зачем нужно было делать это посреди ночи?

— Чем раньше, тем лучше. И еще мне нужно поговорить.

— Что-нибудь бодрящее, вроде того, что генетические проблемы далеко не определяют мою личность?

— Нет, о другом, — усмехается она.

Нита прислоняется к бронзовой панели, прикрывая плечами имя Эвелин. Я отступаю назад, не хочу находиться к ней настолько близко. Я даже вижу желтоватое колечко вокруг ее зрачков.

— Наша вчерашняя беседа... короче, я тебя тестировала. Следовало проверить, как ты отреагируешь на новую информацию и можно ли тебе доверять, — признается она. — Если бы ты принял то, что я сказала о твоей ограниченности, ты бы не прошел испытание. — Теперь ее плечо уже закрывает имя Маркуса.

— Никому не нравится носить ярлык «поврежденно-го», правда? — добавляет она.

Вспоминаю, с какой горечью она говорила мне о своей татуировке, как будто это что-то постыдное. Мое сердце начинает биться сильнее, я чувствую, как пульсирует жилка на шее. Сейчас в ее голосе вновь проявилась та же тоска. Я боюсь того, что она скажет, и одновременно меня охватывает надежда.

— Здесь полно неприятных секретов, — продолжает она. — Например, к «ГП» относятся как к расходному материалу. Но некоторые из нас не собираются просто сидеть и ждать своей участи, сложа руки.

— Что ты имеешь в виду под «расходным материалом»? — уточняю я.

— Преступления, которые были совершены против таких людей, как мы, — ужасны, — поясняет Нита. — И засекречены. Я могу предоставить тебе доказательства, но позже. У нас есть причины действовать против Бюро, и мы хотим, чтобы ты к нам присоединился.

Я прищуриваюсь.

— Что конкретно вам от меня надо?

— Пока что я хочу только дать тебе возможность увидеть реальный мир за пределами Резиденции.

— А что ты хочешь взамен?

— Надежную защиту. Я собираюсь в опасное место, но никому из Бюро не могу об этом сказать. Ты — чужой, к тому же я уверена, что ты сумеешь нас защитить. Если ты пойдешь со мной, ты узнаешь все как есть.

Она кладет ладонь на грудь, будто дает клятву. Я настроен скептически, но любопытство сильнее меня. Со всем не трудно представить, что Бюро занимается гадостями. Каждый руководитель, которого я встречал, творил что-то эдакое. Взять хотя бы моего отца, возглавлявшего альтруистов. Но за рамками всех этих подозрений, обоснованные они или нет, внутри меня зреет надежда, что на самом деле я окажусь неповрежденным, что я — нечто большее, чем исправленные гены, и что именно это я смогу передать своим детям. Поэтому я решаюсь пойти с ней. Никогда не поздно будет передумать.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

— Во-первых, — произносит она, — ты не должен никому проболтаться, даже Трис.

— Она заслуживает доверия, — упираюсь я.

— Но у нее нет необходимых нам навыков и умений, а мы не хотим никого подвергать напрасному риску. Хотя Бюро плевать на нас. Кстати, если мы сами уверены, что не «повреждены», значит, их эксперименты и прочее — пустая трата времени. Но никто не захочет услышать, что работа, которой они себя посвятили — бесполезна и бессмысленна, верно?

Она права. И наши фракции — просто искусственная система, придуманная учеными, чтобы держать нас под контролем.

— Если ты расскажешь ей, то лишишь ее права выбора, — заявляет Нита. — Ты заставишь ее стать соучастницей преступного заговора. Ты должен защищать Трис.

Провожу пальцами по своему имени, вырезанному на металлической панели: Тобиас Итон. Вот мои гены и мой беспорядок, не хочу втравливать Трис в переделку.

— Ладно, — говорю я.

Луч фонарика скачет вверх-вниз, пока мы идем по коридору. В его конце берем сумку из подсобки, Нита ко всему подготовилась заранее. Она ведет меня в глубь подземных коридоров Резиденции, мимо того места, где собираются «ГП», здесь совершенно темно. Наконец она приседает и шарит рукой по полу, пока ее пальцы не находят защелку. Она протягивает мне фонарик и поднимает дверцу.

— Эвакуационный туннель, — поясняет она. — Его отрыли, когда здесь обосновалось Бюро, чтобы всегда был способ выбраться наружу во время какой-нибудь чрезвычайной ситуации.

Она достает из сумки черную трубку, что-то в ней поворачивает. Трубка загорается искрящимся огнем, отсвечивающим красным на ее коже. Она осторожно бросает эту штуку вниз, и та падает на глубину нескольких футов. Нита садится на край и вместе с рюкзаком пропадает в отверстии.

Наверное, это — короткий путь вниз, но мне мерещится нечто большее, чем просто дыра в полу. Я са-

жусь, вижу силуэт моих ботинок на фоне красных искр и прыгаю вниз.

— Ну как? — спрашивает Нита.

Я поднимаю фонарик, а она — факел, и мы идем по туннелю, достаточно широкому и высокому для того, чтобы идти бок о бок и выпрямившись в полный рост. Воздух здесь сырой, затхлый, пахнет гнилью и плесенью.

— Я и забыла, что ты боишься высоты.

— Зато я не боюсь многого другого, — резко отвечаю я.

— Не надо от меня защищаться, — ее голос серьезен. — Кстати, я хотела тебя кое о чем спросить.

Я перешагиваю через лужи, подошвы моих ботинок вязнут в песке.

— О твоём третьем страхе, — произносит она. — Ты боялся стрелять в ту женщину. Кто она?

Луч света от фонарика в моей руке — единственная наша путеводная нить в этом туннеле. Я отодвигаюсь, чтобы между нами оставалось больше пространства, — хочу, чтобы наши руки случайно соприкасались в темноте.

— Никто, — говорю я. — Страх относился не к ней, а к самому факту выстрела.

— Ты боялся стрелять в людей?

— Нет, — поясняю ей, — я боялся своей силы, которая способна убивать.

Она умолкает, я тоже. Насколько же странно звучали мои слова. Сколько молодых парней боятся, что внутри них сидит монстр? Но ведь сыновья должны стремиться стать похожими на своих отцов, а не содрогаться при одной мысли об этом.

— Мне всегда было интересно, что бы я увидела в комнате страха, — говорит она глухим голосом, будто читает заупокойную молитву. — Иногда я чувствую, что мир — просто ужасен, а порой я ощущаю себя храброй.

Я киваю. Мы продолжаем идти за мечущимся лучом фонарика, наша обувь шаркает по земле, нас овеивает затхлый воздух.

Наконец, туннель поворачивает, и я чувствую запах свежего ветра, настолько холодного, что вздрагиваю. Выключаю фонарик, и лунный свет ведет нас к выходу.

Мы выбираемся наружу, где-то на пустыре. Вокруг нас — руины здания и разросшиеся деревья, своими корнями разворотившие тротуар. На стоянке, в нескольких футах от нас — старый пикап, его кузов покрыт выцветшим брезентом. Нита пинает одну из шин, проверяя ее, а затем забирается на сиденье водителя. Ключ уже вставлен в замок зажигания.

— Чья машина? — осведомляюсь я.

— Она принадлежит людям, с которыми мы собираемся встретиться.

— И кто же они?

— Друзья.

Я не знаю, как она находит путь по лабиринту улиц, уверенно ведя пикап между выпирающими корнями деревьев и упавшими уличными фонарями. Она даже мигает фарами животным, которых я едва успеваю замечать. Вдруг я вижу, как прямо перед нами на дорогу выскакивает длинноногое поджарое существо. Нита резко тормозит, чтобы не налететь на него. Уши зверя дергаются, а темные круглые глаза смотрят на нас с любопытством ребенка.

— Красивый, правда? — говорит она. — До того, как приехала сюда, я ни разу не видела оленей.

Зверюга в нерешительности останавливается. Нита давит на клаксон, и олень убегает. Она трогается с места, увеличивает скорость. Вскоре мы выезжаем на широкую, открытую дорогу, проходящую над теми самыми железнодорожными путями, по которым мы с друзьями шли в Резиденцию. Мы направляемся на северо-восток.

Проходит довольно много времени, прежде чем я снова вижу электрический свет. Он горит в узкой кривой улочке. Лампочки болтаются на проводах, натянутых между уличными фонарями.

— Мы на месте, — Нита резко выворачивает руль, направляя пикап в проем между двумя кирпичными зданиями. — Загляни в бардачок. Я попросила их дать нам оружие.

Открываю отделение перед собой. Там, на ворохе старых оберток от шоколадок лежат два ножа.

— А ты можешь управляться с ножом? — спрашивает она.

Лихачи учили своих адептов метать ножи до того, как Макс ввел изменения в процедуру инициации. Но это происходило прежде, чем я вступил во фракцию. Мне ножи никогда не нравились, просто пускание пыли в глаза, а не полезный навык.

— Нормально, — отвечаю с усмешкой. — Хотя я никогда не думал, что это мне когда-нибудь пригодится.

— Я догадывалась, что лихач окажется хорош... Четыре, — отвечает она, улыбаясь.

Она берет больший из двух ножей, а я — тот, который поменьше. Нажимаю на тугую ручку двери, и мы

выбираемся в переулок. Окна надо мной моргают: там горят свечи или фонарики. Один момент я гляжу вверх, замечаю чьи-то космы и пару любопытных глаз.

— Здесь кто-то живет, — шепчу я.

— Мы на границе, — произносит Нита, — в двух часах езды от Милуоки, крупного центра к северу отсюда. В наши дни люди обычно не рискуют слишком далеко уходить от городов, даже если хотят оказаться вне зоны влияния правительства, как местные.

— Почему они хотят жить вне зоны влияния? — интересуюсь я.

Прямо-таки бесфракционники. Они всегда были голодны, зимой у них царил холод, а летом они мучились от жары. Сплошная борьба за выживание.

— Они — генетически поврежденные, — говорит Нита, быстро взглянув на меня. — Они равны в правах с генетически чистыми, но только на бумаге, юридически. На самом деле они беднее, и практически невероятно, что их наймут на хорошую работу. Проблема возникла, начиная с Войны за Чистоту более века назад. Для людей на Окраине оказалось более приемлемым отречься от связей с обществом, а не пытаться решить задачу изнутри, как намерена сделать я.

Думаю о татуировке на ее коже — разбитом стекле. Интересно, когда она получила ее? Почему в ее взгляде столько тревоги? Что толкнуло ее стать революционеркой?

— А как вы все планируете?

Она крепко сжимает губы, потом отчеканивает:

— Отняв у Бюро немного полномочий и власти.

Переулок выходит на широкую улицу. Я вижу людей. Некоторые бредут по обочинам, другие — прямо

посередине дороги, многие покачиваются, в руках у них бутылки. Все очень молоды — не так уж много взрослых здесь, на Окраине.

Слышу какие-то крики впереди и вижу на тротуаре осколки стекла. Там дерутся двое, размахивая руками и ногами, вокруг них — толпа зрителей. Я хочу туда пойти, но Нита хватает меня за руку и тащит меня в сторону.

— Нашел время для геройства, — шипит она.

Подходим к входу в строение на углу. Здоровенный бугай стоит рядом с дверью и подбрасывает в руке нож. Когда мы начинаем подниматься по ступенькам, он на миг прекращает свое занятие, перекладывает нож в другую руку и снова начинает его подбрасывать. Рука вся покрыта кривыми шрамами. Глаза у него как у того оленя на дороге.

— Мы здесь, чтобы просто увидеться с Рафи, — говорит Нита ему. — Мы из Резиденции.

— Заходите, но ваши ножи останутся здесь, — говорит этот человек.

Его голос выше и мягче, чем я ожидал. Может даже он вообще — джентльмен, если таковые в этом месте встречаются. Впрочем, вряд ли, скорее всего, он даже не знает, что означает это слово.

— Ни за что, — заявляет Нита.

— Эй, Нита, ты, что ли? — раздается откуда-то изнутри очень выразительный, даже музыкальный голос.

Он принадлежит невысокому человеку, выглядывающему из-за двери.

— Разве я не говорил тебе, чтобы ты просто впустил их? Входите.

— Привет, Рафи, — говорит она с заметным облегчением. — Четыре, это Рафи. Он — большой босс на Украине.

— Приятно познакомиться, — улыбается Рафи и жестом предлагает нам следовать за ним.

Мы оказываемся в просторной комнате, освещенной свечами. Повсюду расставлена деревянная мебель и столы. В углу сидит женщина. Рафи усаживается в кресло рядом с ней. Хотя они непохожи друг на друга, она — рыжая и пышнотелая, он — темноволосый, тонкий и гибкий, как хлыст. Но в них обоих чувствуется что-то общее.

— Оружие на стол, — произносит Рафи.

Нита подчиняется. Я делаю то же самое. Женщина напротив нас кладет на стол пистолет.

— Кто это? — спрашивает она, кивая головой в мою сторону.

— Мой помощник, — говорит Нита, — Четыре.

— Что еще за Четыре?

Она спрашивает без насмешки, как часто бывает, когда люди интересуются моим именем.

— Имя, которое он получил внутри экспериментального города, — объясняет Нита. — За то, что у него только четыре страха.

Она, возможно, специально представила меня именно таким образом. Может, это дает нам какое-то преимущество и они посчитают меня достойным своего доверия?

— Интересно, — постукивает женщина по столу указательным пальцем. — Ну что же, Четыре, меня зовут Мэри.

— Мэри и Рафи возглавляют повстанческую организацию Среднего Запада, — говорит Нита.

— Когда ты называешь нас «организацией», то кажется, что мы — общество полоумных старушек, собравшихся перекинуться в картишки, — замечает Рафи. — Мы — нечто более серьезное. Наша сеть простирается по всей стране: ячейки существуют в каждом округе, мы имеем региональных надзирателей от Среднего Запада до Юга и Востока.

— А для Запада? — спрашиваю я.

— Пока нет, — ровным голосом отвечает Нита. — Там запущенная территория, города расположены далеко друг от друга, поэтому после войны там никто не захотел жить. Сейчас это дикая земля.

— Значит, то, что они болтают, правда, — произносит Мэри. — Люди в экспериментальных городах действительно ничего не ведают о том, что находится за их границами.

— Конечно, правда, зачем им об этом знать? — иронизирует Нита.

На меня вдруг наваливается усталость, да такая, что веки тяжелеют. За свою короткую жизнь я умудрился стать участником слишком многих восстаний. Сначала — бесфракционники, теперь вот эти «ГП».

— Ладно, хватит обмена любезностями, — говорит Мэри, — перейдем к делу, мы не можем слишком долго не позволять людям заходить сюда, это может вызвать подозрения.

— Ты права, — говорит Нита и смотрит на меня. — Четыре, выйди-ка, проверь, все ли там в порядке. Мне нужно перекинуться парой слов с Мэри и Рафи.

Я не спросил, почему я не могу послушать, о чем она будет с ними говорить. Иначе зачем вообще нужно было приводить меня сюда? С таким же успехом я мог подождать ее на улице. На самом деле я еще не дал ей своего согласия помогать. Так что я просто встаю, забираю свой нож и выхожу за дверь, туда, где человек Рафи охраняет вход.

Драка уже закончилась. Я вижу фигуру, лежащую на асфальте. На мгновение мне кажется, что человек еще шевелится, но потом я понимаю, что кто-то обчищает его карманы. Это уже не человек, это — тело.

— Мертвый, — выдыхаю я.

— Да. У нас так: если ты не можешь защитить себя, то не проживешь и одну ночь.

— Зачем тогда люди приезжают сюда? — хмурюсь я. — Почему они не вернутся в города?

Охранник долго молчит, и я начинаю думать, что он просто не расслышал мой вопрос. Наблюдаю, как вор, вывернув все карманы умершего, украдкой скрывается в одном из близлежащих зданий. Наконец, охранник говорит:

— Если даже ты умрешь, есть шанс, что кому-то до этого будет дело. Рафи, например, или кому-то из других лидеров. В городах, если тебя убьют, всем наплевать, особенно, если ты — «ГП». Самое суровое обвинение, которое когда-либо предъявляли «ГЧ» за убийство «ГП», — непредумышленное убийство. Дерьмо.

— Непредумышленное убийство?

— То есть несчастный случай, — раздается спокойный голос Рафи у меня за спиной. — Намного менее серьезно,

чем убийство первой степени. Официально, конечно, мы все равны. Но на практике это далеко не так.

Он становится рядом со мной, скрестив руки на груди. Я смотрю на него и вижу короля, обзирающего своё королевство, которое он считает прекрасным. Потом смотрю на улицу, на разбитый тротуар, на неподвижное тело с вывернутыми наизнанку карманами, на окна, в которых мерцает неверный свет. Но я понимаю, какую именно красоту он во всем этом видит, — свободу. Свободу быть человеком, а не просто «ГП». Когда Эвелин приблизила меня к себе, избавила от власти моей фракции и дала власть мне самому, я подумал, что я свободен. Я ошибался.

— Ты из Чикаго? — спрашивает Рафи.

Киваю, глядя на темную улицу.

— Ну и как тебе здесь? — интересуется он.

— В основном у вас — то же самое, — отвечаю я. — Люди делятся на группы, по тому или иному принципу, и воюют между собой.

Половицы скрипят под ногами Ниты, когда я обращаюсь, оказывается, что она стоит позади меня, ее руки засунуты в карманы.

— Спасибо за то, что все устроил, Рафи, — кивает она. — Нам пора.

Мы идем вдоль по улице. Я, напоследок, оглядываюсь на Рафи и вижу, как он вскидывает руку и машет мне на прощание.

Когда мы подходим к пикапу, я снова слышу крик, но на этот раз обиженно поскуливает ребенок. Вспоминаю о том, как сам я, маленький, забивался в свою спальню, вытирая нос рукавом. Матери приходилось сначала чи-

стить манжеты щеткой, прежде чем бросать мои рубашки в стирку. Но она никогда ничего не говорила об этом.

Мы забираемся в пикап. Я настолько устал от мертвящей атмосферы этого места, что с удовольствием думаю о скором возвращении в Резиденцию, где тепло, светло и безопасно.

— Если честно, до меня как-то не доходит, в чем преимущество жизни здесь, по сравнению с жизнью в городах, — говорю я.

— Я только один раз была в городе, в котором не проводится эксперимент, — отвечает Нита. — Там есть электричество, но оно — по расписанию, и каждая семья получает его только на несколько часов в день. То же самое с водой. И очень много преступлений, в которых обычно обвиняют генетически поврежденных. Полиция существует, но она ни с чем не способна справиться.

— Получается, что Резиденция самого Бюро, — размышляю я вслух, — лучшее место для жизни.

— С точки зрения доступа к ресурсам, может быть, — соглашается Нита. — Но в Бюро действует та же подлая социальная система, просто заметить ее немного сложнее.

В зеркало заднего вида я наблюдаю за тем, как исчезают огни Украины. Мы проезжаем мимо мертвых домов с заколоченными окнами, и я пытаюсь представить, какими они были раньше: чистенькими, ухоженными, обжитыми. Наверное, дворики были огорожены живыми изгородями, зелеными и подстриженными, а окна сияли на закате. Здесь шла тихая и мирная жизнь.

— Зачем мы туда ездили? — спрашиваю я.

— Мы обсуждали наши планы.

В свете огоньков приборной панели я замечаю, что нижняя губа у нее вся искусана.

— И еще я хотела, чтобы они встретились с тобой, человеком из экспериментального города. Мэри раньше подозревала, что такие, как ты, находятся в сговоре с правительством. Глупости. Рафи... был первым человеком, кто доказал мне, что Бюро и правительство лгут нам о нашем прошлом, — она делает паузу, очевидно для того, чтобы я проникся ее словами.

Я ей почему-то верю.

— Бюро говорит о золотом веке человечества, предшествовавшем генетическим манипуляциям, когда все были генетически чисты и везде царил мир, — рассказывает дальше Нита. — Но Рафи показал мне старые фотографии войн.

Помолчав немного, я спрашиваю:

— Ну и что?

— Как ну и что? — возмущается Нита. — Если генетически чистые люди в прошлом имели войну и разруху, то что творится сейчас? Подумай, что толку от их экспериментов? Они просто убеждают людей, что правительство что-то делает для улучшения нашей жизни.

Верно. Правда меняет все. Поэтому Трис отчаянно стремилась добыть видео Эдит Прайор и даже заключила союз с моим отцом. А в данном случае главенствует ложь. Вместо того, чтобы бороться с бедностью и преступлениями, в Бюро воюют с генетическими повреждениями.

— Но почему? — вырывается у меня.

— Люди, вероятно, делают так потому, что их учили. Им всегда твердили, что именно в этом — главная проблема. Но Рафи говорил мне о свидетельствах лживости

правительственной пропаганды. Как было изначально? Понятия не имею. Можно найти с десятков причин. Например, предубеждение против генно-модифицированных. Желание контролировать общество. Управлять населением, промывая им мозги. Но такие вещи не происходят в одночасье.

Я подставляю лицо под холодный ветер и зажмуриваюсь. Теперь я не могу сосредоточиться и плыву по течению.

К тому времени мы проходим обратно через туннель, и я наконец добираюсь до постели, солнце почти взошло. Рука Трис, как обычно, свисает над краем кровати, кончики пальцев касаются пола. Сажусь напротив и несколько секунд наблюдаю за ней. Больше — не слова лжи. Она обещала мне, а я — ей. Если я не скажу ей о том, что услышал и увидел сегодня ночью, я нарушу слово. И ради чего? Чтобы спасти ее от опасности? Чушь. Ради Ниты, которую я едва знаю? Потихоньку убираю волосы с лица Трис, так, чтобы не разбудить ее. Ей не нужна моя защита. Она сильная и справится со всем самостоятельно.



24

Трис

Питер расхаживает по комнате, собирая разбросанные книги. Он заталкивает их в сумку, потом выходит в коридор, покусывая кончик свой красной ручки. Я слышу, как сумка колотится по его ноге. Шум его шагов не стихает, и я поворачиваюсь к Кристине.

— Не хочу вмешиваться в ваши дела, но... Что происходит между тобой и Юрайей?

Кристина растянулась по кровати и, свесив ногу на пол, смотрит на меня.

— Раньше вы все время были вместе, — продолжаю я. — Не то, что сейчас.

Сегодня хорошая погода, солнечный свет просачивается сквозь белые занавески. Наше жилище пахнет прачечной, обувью, потом и утренним кофе. Некоторые койки аккуратно заправлены, другие оставлены со скомканными простынями. Хотя большинство из нас принадлежали к фракции лихачей, меня поражает, насколько мы разные. У нас отличаются привычки, темпераменты, взгляды на жизнь.

— Ты, конечно, мне неверишь, но он, знаешь ли, скорбит, — произносит Кристина и нехотя приподнимается на локтях. — Мне с ним скучно. Кроме того, он же Юрайя.

— Ну и что? Он симпатичный.

— Да, он — красивый, но с ним ни о чем нельзя разговаривать всерьез, — возражает Кристина. — Я сама люблю посмеяться. Но мне нужны отношения, которые для нас обоих что-нибудь бы да значили.

Киваю. Потому что понимаю, что она имеет в виду. Мы с Тобиасом сами такие.

— И потом, — продолжает она, — не всякая дружба превращается в роман. Например, если ты заметила, я пока не кидаюсь на тебя с поцелуями.

— Точно, — смеюсь я.

— Сама-то где пропадаешь? — подмигивает мне Кристина. — Небось с Четыре? Сложением с ним занимаешься? Или умножением?

Прикрываю лицо руками.

— Самая плохая шутка, которую я когда-либо слышала.

— Не увиливай.

— Не светит нам никакое «сложение», — мрачно говорю я. — Во всяком случае, сейчас. Он слишком расстроен своим так называемым «генетическим ущербом».

— Ага, — Кристина садится на кровати.

— А ты что думаешь? — интересуюсь я.

— Не знаю. Ну, я бы тоже разозлилась на его месте, — она хмурится. — Кому понравится, если тебе говорят, что ты не в порядке? Особенно, если связано с генами.

— То есть ты считаешь, что вы с ним действительно поврежденные?

— Да. Это вроде как болезнь... И они могут разглядеть ее в наших генах. Ты что, не согласна?

— Но ведь не бывает так, что один набор совершенно поврежден, а другой — нет, — отвечаю я ей. — Гены, ответственные за голубые глаза, и гены, ответственные за карие, они ведь тоже разные. Но ты же не называешь голубые глаза «поврежденными»? Это смахивает на то, что кто-то произвольно решил, что один тип ДНК плохой, а другой — хороший.

— Но утверждение, что характер у «ГП» — хуже, основывается на определенных доказательствах, — возражает Кристина.

— У человека могут быть самые разные причины, — фыркаю я.

— Чего я с тобой спору? Ведь я бы сама предпочла, чтобы ты была права, — усмехается Кристина. — Но

почему бы куче умников, типа ученых из Бюро, не определить настоящую причину дурных наклонностей?

— Подождим, — гну я свою линию. — Но ум здесь ни при чем; люди всегда видят только то, что хотят.

— Тогда у тебя тоже предвзятое мнение, — замечает она. — Ведь у тебя есть друзья и парень с генетическими проблемами.

— Возможно.

Я и сама далеко не уверена в правильности своей позиции, но настаиваю на своем.

— Какой смысл верить в генетические повреждения? Что, информация поможет мне лучше относиться к другим людям? Нет. А вот относиться хуже — запросто. Видишь, как она подействовала на Тобиаса, заставила его усомниться в себе. Тут нет никакой пользы.

— Ты веришь во что-то не потому, что так твоя жизнь делается лучше, а потому, что это — правда, — говорит она.

— Но, — размышляю я вслух, — ведь сама вера того стоит, верно?

— Вот он — способ мышления лихачей, — бросает Кристина и делает паузу. — А мне по душе стиль правдолюбив. Боже мой, мы же вообще не в состоянии избежать деления на фракции.

— А может, нам и не нужно избавляться от этого.

В комнату вваливается Тобиас, бледный и измученный. Его волосы торчат во все стороны, — похоже, он сегодня не причесывался, он и одет как вчера. Похоже, он спит, не раздеваясь, с того самого дня, когда мы пришли в Бюро. Кристина встает.

— Ладно, я покину вас здесь... в этой пустыне. В печальном уединении, так сказать, — она широким жестом показывает на пустые кровати и хитро подмигивает мне.

Тобиас улыбается мне, но сомневаюсь, что он рад меня видеть. Вместо того чтобы сесть рядом, он замирает у моей раскладушки, теребя подол своей мятой рубахи.

— Надо поговорить, — произносит он.

— Хорошо, — отвечаю, чувствуя в сердце иглу страха.

— Только пообещай, что не будешь злиться.

— Я не даю глупых обещаний, — парирую я, но мое горло сжимается.

— Знаю, — он, наконец, садится на свою разворошенную постель.

— Нита подложила мне под подушку записку, — начинает он, избегая смотреть мне в глаза, — она назначила мне встречу.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как жар гнева распространяется по моему телу. Представляю себе, как Нита прогуливалась с моим другом. Она симпатичная: у нее миловидное лицо и вызывающая походка.

— Значит, красивая девчонка назначает тебе свидание посреди ночи, и ты охотно соглашаешься? — взываюсь я.

— Нет, ты неправильно поняла, — поспешно говорит он. — Она просто решила кое-что показать мне. Она не верит в генетические повреждения. У нее есть план, как ослабить власть Бюро и дать «ГП» те же права, которые есть у «ГЧ». Мы ездили на Украину.

И он рассказывает мне о подземном туннеле, ведущем на улицу, о полуразрушенном пригороде и о беседе с Рафи и Мэри. Сообщает о войнах, информацию о которых скрывает правительство, и поэтому никто не может

узнать, что «генетически чистые» сами способны на невероятное насилие. Кроме того, оказывается, что «ГП» живут в мегаполисах, где правительство имеет очень мало реальной власти.

Однако мои подозрения относительно Ниты и не собираются утихать. Наверное, они связаны с моими инстинктами, которым я привыкла доверять, или вызваны обычной ревностью. Тобиас умолкает и смотрит на меня с надеждой. Я поджимаю губы, пытаюсь принять какое-то рациональное решение.

— Откуда тебе знать, что она не врала? — осведомляюсь я наконец.

— Но Нита обещала представить мне доказательства. Сегодня вечером. Трис, я хочу, чтобы ты пошла со мной, — добавляет он и берет меня за руку.

— А как к этому отнесется твоя Нита?

— Мне-то какое дело? — его пальцы сжимают мою ладонь. — Если ей требуется моя помощь, пусть она смирится с таким раскладом.

Смотрю на изношенные манжеты его серой рубашки и вытертые джинсы. Мне совсем не хочется встречаться с Нитой, ведь ее генетические повреждения сближают ее с Тобиасом. Но для него это важно, потом и мне самой надо понять, настолько ли серьезна вина Бюро.

— Хорошо, — ворчу я. — Только, по-моему, она заинтересована не в твоём генокоде, а в твоей персоне.

— Никто мне не нужен, кроме тебя.

Он гладит меня по голове и принимает к моим губам. Его слова и поцелуй успокаивают меня, конечно, но беспокойство полностью не исчезает.



После полуночи мы с Трис направляемся в холл Отеля. Нита ждет нас в атриуме, среди одомашненной экзотики, цветущих в горшках растений. Когда Нита замечает рядом со мной Трис, ее лицо вытягивается, будто она съела что-то кислое.

— Ты обещал молчать, — выпаливает она, вместо приветствия кивая на Трис. — Так-то ты ее защищаешь?

— Я передумал.

Трис сухо смеется.

— Вот, значит, как? Ловко, молодец.

Я удивлен. Значит, просьба Ниты являлась попыткой мной манипулировать. Это немного пугает. Вообще-то я могу легко догадаться о скрытых мотивах человека, но я слишком привык к своей потребности защитить Трис, особенно после того, как почти потерял ее. Поэтому, как только запахнет опасностью, я сразу теряю голову. Кто знает?..

— Глупости, — вздыхает Нита устало.

Она проводит рукой по лицу, чтобы откинуть волосы назад. Вряд ли мы поймали ее на месте преступления. Может, она и не лгала вовсе.

— Вас обоих арестуют, если выяснится, что узнали обо этом и не доложили, куда следует. Я думала, будет лучше уменьшить риск.

— Теперь уже поздно. Здесь Трис. В чем проблема?

— Ни в чем. Нечего мне ультиматумы предъявлять. Ладно, пошли, — морщится Нита.

Втроем мы шагаем по тихой Резиденции в лабораторию. Никто из нас не произносит ни слова, я слышу только скрип ботинок да редкие голоса, доносящиеся издалека. Чувствую, что мы делаем что-то запретное, тайное.

У двери в лабораторию Нита останавливается и сканирует свой значок. Мы переступаем порог, минуем комнаты генной терапии и продвигаемся в самое нутро Резиденции, где я еще никогда не бывал. Тут темно и безлюдно, из-под наших ног взлетают клубы пыли.

Нита толкает плечом очередную дверь, и мы оказываемся на каком-то складе. Вдоль стен выстроились унылые металлические ящики, на каждом наклеена бумажка с номером, написанным выцветшими чернилами. В центре комнаты — лабораторный стол с компьютером и микроскопом. За ним сидит молодой человек со светлыми волосами.

— Тобиас, Трис, познакомьтесь — мой друг Реджи, — представляет Нита. — Он, кстати, «ГП».

— Приятно познакомиться, — улыбается Реджи.

Он пожимает руки Трис и мне, у него крепкая хватка.

— Давай сначала покажем им слайды, — произносит Нита.

Реджи дотрагивается до экрана компьютера и манит нас к себе.

— Не бойтесь, он вас не укусит.

Мы с Трис переглядываемся и встаем за его спиной. На мониторе появляются фотографии. Они — черно-белые, картинка искажена и размыта. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что они представляют собой запечатленные моменты человеческого горя: ис-

тощенные, измученные дети, канавы с трупами, горящие дома. Снимки сменяются очень быстро, как страницы книги, перелистываемые ветром. Меня охватывает ужас, и я отворачиваюсь. Мою душу переполняет скорбь.

Вместо экрана я наблюдаю за Трис. Сначала ее лицо спокойное, даже умиротворенное, как будто увиденное не произвело на нее никакого впечатления. Но потом я замечаю, как дрожат ее губы. Она изо всех сил пытается сдерживаться.

— Гляньте вот сюда, — Реджи показывает пальцем на фото мужчины в форме с какой-то штукой за плечом. — Это и есть оружие, которое использовалось в Войне за Чистоту. Оно — весьма совершенно. Даже Бюро ничего не смогло бы возразить. Древний конфликт, ничего не скажешь. И участвовали в нем чистые ребята, так как никакой генной инженерии еще не существовало.

— Как же можно скрыть существование такой войны? — недоумеваю я.

— Люди изолированы, им есть дело только до хлеба насущного, — говорит Нита спокойно. — Они знают, только то, чему их учат, получают только ту информацию, которая контролируется правительством.

— Хорошо, — кивает Трис, она говорит очень быстро и нервно. — Пусть так, они все врут об этой вашей... о нашей истории. Но это еще не означает, что они — враги, наверное, они дезинформировали людей, пытаюсь... сделать мир лучше. Пусть и не вполне удачным способом.

Нита и Реджи переглядываются.

— Ничего подобного, — говорит Нита — они вредят людям.

Она опирается руками о стол, склоняется над ним, придвигаясь к нам ближе. Я вижу, что революционная ярость полностью захватила ее и сделала из нее нечто большее. Перед нами уже не просто молодая женщина и генетически-поврежденная лаборантка.

— Когда альтруисты хотели раскрыть великую истину о мире раньше, чем было предусмотрено, — медленно начинает она, — Джанин решила уничтожить их. Бюро с радостью предоставило ей сыворотку новейшего поколения для моделирования атаки, которая поработила умы лихачей и привела к уничтожению альтруистов.

— Это неправда, — перебиваю я. — Джанин сказала мне, что самая высокая доля дивергентов была именно во фракции альтруистов. Вы же сами говорили, что Бюро считает дивергентов генетически чистыми и спасает их. Зачем же было способствовать их уничтожению?

— Джанин ошибалась, — отвечает вместо Ниты Трис, ее голос звучит отстраненно, — а вот Эвелин была права. Больше всего дивергентов среди бесфракционников.

Поворачиваюсь к Ните.

— Зачем им нужно было рисковать таким количеством жизней генетически здоровых людей? — упрямо повторяю я. — Мне нужны доказательства.

Нита включает лампы и идет вдоль левой стены.

— Мне потребовалось немало времени, — произносит она. — Но мне помогал один из генетически чистых, который сочувствует нашей борьбе.

Ее рука замирает над одним из ящиков в самом низу, потом она достает из него пузырек с оранжевой жидкостью.

— Узнаешь? — спрашивает она.

Пытаюсь вспомнить укол, который мне сделал Макс перед началом моделирования атаки, то есть прямо перед последним туром посвящения Трис. Он тогда уколол меня в шею, как я делал десятки раз. Когда он набирал сыворотку в шприц, стеклянный пузырек на мгновение осветился. Он стал оранжевым, как и тот, что находится сейчас в руках у Ниты.

— Цвета совпадают, — говорю я. — И что?

Нита несет флакон к микроскопу. Реджи достает стеклянную пластинку из лотка рядом с компьютером, с помощью капельницы наносит немного яркой жидкости в центр стекла и накрывает его другим. Потом осторожно помещает его под окуляр микроскопа. Действует он аккуратно и уверенно. Затем несколько раз прикасается к монитору и открывает программу под названием «МикроСкан».

— Информация абсолютно свободна и доступна для тех, кто знает, как пользоваться оборудованием и имеет системный пароль, мне его предоставил тот самый «ГЧ», — объясняет Нита. — Иными словами, получить к ней доступ нетрудно, но никому не приходит в голову этим специально заниматься. Короче, расчет на то, что генетически поврежденные просто не имеют паролей, а следовательно, у них — мало шансов залезть сюда. Это склад — хранилище результатов неудавшихся экспериментов, устаревших разработок и прочих бесполезных вещей.

Она смотрит в микроскоп, подкручивая колесико, чтобы сфокусировать объектив.

— Поехали.

Реджи нажимает кнопку на компьютере, и в верхней части экрана появляется текст. Он указывает мне на одно место в середине страницы, и я читаю:

«Симуляционная сыворотка v4.2.

Координирует действия большого количества объектов.

Способна быть детектирована на больших расстояниях.

Галлюциноген в данную формулу не включен: имитация реальности задается главной программой».

Ясно. Имеется в виду сыворотка моделирования атаки.

— А теперь подумай, каким образом она оказалась здесь? — вопрошает Нита. — Люди из Бюро создают сыворотки для экспериментов, а затем подкидывают жителям города. Если Джанин усовершенствовала ее, пузырек не смог бы попасть сюда. Значит, именно Бюро разработало конечную формулу сыворотки.

Я смотрю на оранжевое пятнышко под окуляром и прерывисто вздыхаю.

— Зачем? — выдавливают Трис.

— Альтруисты собирались раскрыть горожанам правду. Вы сами видели, что случилось: Эвелин превратилась в диктатора, бесфракционники подавляют членов бывших фракций, и я уверена, что остальные, рано или поздно, восстанут против них. Погибнет много народа. Говорить правду — значит рисковать безопасностью эксперимента, — заявляет Нита. — Таким образом, несколько месяцев назад, когда альтруисты были готовы спровоцировать разруху и беспорядки, собираясь показать видеозапись с Эдит Прайор в вашем городе, Бюро, вероятно, подумало, что лучше будет, если только сами же альтруисты и пострадают. Если убьют десяток дивер-

гентов, что ж... Лучше пожертвовать ими, чем рисковать всем экспериментом. И они обратились к тому, кто, как они думали, с ними согласен. К Джанин Мэтьюз.

Ее слова камнем ложатся мне на сердце. Я наваливаюсь на лабораторный стол, его поверхность холодит мои ладони, в матовом металле отражается мое искаженное лицо. Я ненавидел своего отца, но я никогда не питал ненависти к своей фракции. Альтруисты всегда жили тихо, их повседневная общественная рутина успокаивала меня. Теперь большинство их погибло. Убито руками лихачей по наущению Джанин, которую, в свою очередь, подстрекало Бюро. Мать и отец Трис были среди них. Сама Трис стоит неподвижно.

— Проблема в том, что они слепо доверяют своим экспериментам, — продолжает Нита, ее слова эхом отдаются в наших головах. — Бюро ценит результаты выше жизнью дивергентов. А теперь все станет еще хуже.

— Хуже? — возмущаюсь я.

— Правительство примерно около года угрожает прекратить эксперименты, — произносит Нита. — Они разваливаются, потому что подвергнутые им городские общины не могут жить в мире, и Дэвиду удастся кое-как восстанавливать баланс только в самые последние моменты. Но он может изменить правила игры в любое время.

— Как? — спрашиваю я.

— С помощью сыворотки памяти альтруистов, — поясняет Реджи. — Конечно, она создана Бюро. Каждый мужчина, женщина и ребенок вынуждены будут начать жизнь заново.

— Их жизни будут стерты против их воли ради того, чтобы решить проблемы Бюро. Но проблемы-то несущественны, разумеется, сами генетические повреждения тоже, — вещает Нита монотонным голосом. — У этих типов есть огромная власть.

А ведь сама Джоанна призналась мне в том, что Товарищество применяет сыворотку для патрульных лихачей. Я подумал, что если забрать воспоминания человека, то тем самым изменится его личность. И вдруг меня перестают беспокоить манипуляции Ниты. Какая разница? Главное, что мы сможем нанести Бюро максимальный вред. Здесь ничего не стоит хранить.

— Какой у вас план? — интересуется Трис невыразительно, почти механически.

— Я проведу своих друзей с Окраины через подземный туннель, — говорит Нита. — Тобиас, ты отключишь систему безопасности — техника тут примерно такая же, как та, с которой ты работал в диспетчерской лихачей. Ты легко в ней разберешься. Затем Рафи, Мэри и я ворвемся с оружием в лабораторию и украдем сыворотку памяти, чтобы Бюро не смогло ее использовать. Задача Реджи — тайком открыть в день атаки туннель, связанный с Резиденцией.

— А что вы будете делать с такой кучей сыворотки? — спрашиваю я.

— Уничтожим.

Я чувствую себя как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Сейчас затея кажется мне ужасно глупой и явно недостаточной для того, чтобы отомстить людям, сказавшим мне, что я — «испорчен».

— Неужели? — произносит Трис. — Бюро ответственно за убийство сотен людей, и вы решили просто отобрать у них сыворотку?

— Ты что, опять все критикуешь?

— Ничего подобного, — возражает Трис. — Я просто не верю ни единому твоему слову. Ты ненавидишь людей из Бюро. Но что бы ты ни намеревалась сделать, уверена, это будет гораздо хуже, чем воровство флаконов с химией.

— Но они используют именно сыворотку памяти, чтобы влиять на экспериментальные города. Вот — главный источник их влияния, и я отниму его у Бюро. Мы должны нанести удар по их могуществу, — голос Ниты звучит терпеливо, как будто она объясняет ребенку прописные истины. — Пойми, бросать на достижение цели сразу все силы не очень разумно. Мы не спринтеры, а бежим на длинную дистанцию.

Трис отрицательно качает головой.

— Тобиас, ты в игре? — обращается ко мне Нита.

Смотрю на Трис. Ее напряженная, жесткая поза контрастирует с расслабленностью и спокойствием Ниты. Мне кажется, что я потеряю сознание, но мне нельзя молчать. Даже если мой вклад будет мелким и незначительным, — я просто обязан что-то сделать.

— Да, — отвечаю я.

Трис с вытаращенными глазами поворачивается ко мне, очевидно, не веря собственным ушам. Я игнорирую ее.

— Я смогу отключить систему безопасности, но мне нужно будет немного сыворотки Товарищества. Ты можешь ее получить?

— Я добуду ее, — улыбается Нита. — Я дам тебе знать о дате выступления. Ладно, Реджи, давай-ка выйдем, ребятам надо поговорить.

Реджи кивает нам, а затем они с Нитой покидают комнату.

Трис скрещивает руки на груди, словно защищаясь от меня.

— Не могу поверить, Тобиас! — восклицает она. — Нита врет. Как же ты ничего не замечаешь?

— Я умею распознавать ложь. А твое мнение предвзято. Например, в тебе говорит ревность.

— Нет, — она хмуро глядит на меня. — Но все понятно с первого взгляда: она явно что-то скрывает. На твоём месте я бы стремглав бежала от людей, которые собираются тебя во что-то втянуть.

— Куда мне до тебя, — возражаю я. — Трис, они убили твоих родителей, ты же не забыла?

— Я не утверждала, что собираюсь сидеть сложа руки, — отрезает она. — Но я принимаю решения сама.

— Трис, я привел тебя сюда только потому, что хотел быть честным, а не за тем, чтобы ты высказывала свои поспешные суждения. Хватит указывать мне, что я неправ.

— Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты не поверил моим «поспешным суждениям»? — холодно спрашивает Трис. — Тогда тебе пришлось убедиться, что я не ошиблась. А видео с Эдит Прайор? А Эвелин? Было то же самое.

— Конечно. Ты у нас идеальная, — взрываюсь я. — Особенно тогда, когда безоружная влезала во всякие опасные ситуации. Или тогда, когда врала мне, что не

отправишься на смерть в штаб-квартиру эрудитов. А как насчет Питера?

— Не смей, — тычет она пальцем мне в лицо, и я чувствую себя как ребенок, получивший выговор от взрослого. — Ты не способен видеть, к чему приводит твоя горячность. Ты бросился к Эвелин, потому что был в отчаянии из-за родителей, теперь ты собираешься присоединиться к... этим. И только потому, что ты отчаянно не хочешь, чтобы тебя считали «поврежденным».

Это слово бьет меня как хлыстом.

— Я не поврежденный, — стараюсь говорить спокойно. — Никогда не думал, что ты настолько не веришь в меня, что начнешь уговаривать не доверять самому себе. Знаешь, мне не нужны твои разрешения.

Иду к двери, и, когда моя ладонь уже касается ее ручки, Трис кричит мне вдогонку:

— Уходить, пытаясь таким образом оставить за собой последнее слово, это так по-взрослому.

— Как и подозревать, что на мои действия влияет внешность Ниты, — отвечаю я. — Думаю, мы квиты.

И выхожу из комнаты. Я не капризный мальчик, действующий под влиянием отчаяния и кидающийся к первому, кто меня поманит. Я не поврежденный.



26

Трис

Приникаю к окуляру микроскопа. Лужица темно-оранжевой сыворотки расплывается перед моими глазами. Я была так занята разоблачением Ниты, что чуть

было не упустила рациональное зерно в ее лживых заявлениях: для того, чтобы получить формулу сыворотки, Бюро должно было само разработать ее. Только потом передать Джанин. Отодвигаюсь от микроскопа. Интересно, зачем Джанин согласилась сотрудничать с Бюро, если единственное, чего она хотела, это остаться в городе и держаться как можно дальше от них?

Впрочем, можно предположить, что у них была общая цель. Например: и Джанин, и Бюро хотели, чтобы эксперимент продолжался, и они были готовы пожертвовать жизнями невинных людей. А я-то уже надеялась, что это место может стать моим домом. Оказывается, я попала в логово настоящих убийц. Отшатываясь от микроскопа и с волнением покидаю комнату.

Не обращая внимания на встречаемых людей, я бреду по коридорам Резиденции Бюро все дальше и дальше, пробираясь по норе зверя. В голове звучат слова, сказанные мной Кристине: *«Может, это место станет нашим домом...»* Им эхом отвечает голос Тобиаса: *«Они убили твоих родителей!»*

Не знаю, куда я иду, просто хочу выбраться из замкнутого пространства на воздух. Сжимаю пропуск в руке и, прошмыгнув через КПП, направляюсь к скульптуре.

Сейчас здесь нет яркого солнечного света, только вода продолжает каждую секунду падать на каменную плиту. Некоторое время стою и наблюдаю за этим. А потом замечаю своего брата на противоположной стороне.

— Ты в порядке? — осторожно спрашивает он.

Нет, я совсем не в порядке. Мне не хочется никуда уходить с этого безлюдного места, отличающегося от всех остальных в этом здании своей надежностью,

правдивостью и тем, что оно никем не контролируется. Еще пару минут назад я была уверена, что такого здесь не существует.

— Нет, — отвечаю я Калебу.

Он огибает камень и приближается ко мне.

— А что случилось?

— Что случилось? — смеюсь я. — Скажу тебе одно: я только что узнала, что ты не самый большой подлец на свете.

Сажусь на корточки и хватаюсь за голову. Я как будто оцепенела и от этого ступора прихожу в еще больший ужас. Бюро несет ответственность за смерть моих родителей. Чтобы поверить, я снова и снова это повторяю. Что-то со мной не так.

— А, — говорит он. — Я... мне очень жаль.

Я тихонько фыркаю.

— Знаешь, что однажды сказала мне мама? — спрашивает он, и то, как непринужденно он произносит слово «мама», заставляет меня поморщиться. — Она сказала, что внутри каждого человека прячется какое-то зло. И если ты хочешь сделать первый шаг, чтобы полюбить кого-то, тебе следует признать зло в самом себе, чтобы быть в состоянии простить другого.

— Ты хочешь, чтобы я тебя простила? — тупо спрашиваю я и встаю на ноги. — Знаешь, Калев, возможно, я и совершала плохие поступки, но я бы никогда не повела тебя на твою собственную казнь.

— Ты не можешь этого знать, — говорит он, и его голос звучит жалобно, словно он умоляет меня согласиться с тем, что ничем не отличается от меня. — Ты просто не представляешь, как Джанин умела убеждать.

Что-то щелкает внутри меня, и я даю ему пощечину. Все, что я знаю, так это то, как эрудиты сорвали с меня часы и божинки и привязали к столу, собираясь убить. К столу, который, возможно, подготовил для этого Калеб.

Я надеялась, что выплеснула свой гнев. Но когда я вижу, как он отшатывается, прижимая руку к щеке, меня охватывает такая злость, что хватаю его за ворот рубахи и трясу так, что он стучается о каменную плиту. Я кричу ему, что он трус и предатель и что я убью его, убью и все.

Одна из охранниц подбегает ко мне, хватая за руку, и наваждение спадает. Я отпускаю рубашку Калеба, рука саднит от боли, поворачиваюсь и ухожу.

В лаборатории на пустой стул накинута бежевый свитер, его рукава свисают до полу. Я еще ни разу не встречала руководителя Мэтью. Подозреваю, что сам Мэтью делает всю реальную работу. Сажусь прямо на свитер и осматриваю костяшки пальцев. Они покрыты кровотокающими ссадинами. Калебу сейчас тоже несладко. Вот так устроен наш мир.

Когда я вчера вечером вернулась в нашу комнату, Тобиаса там не было. А я была слишком раздражена, чтобы просто уснуть. Несколько часов я лежала, пялясь в потолок, и, в конце концов, пришла к выводу, что я не буду ни участвовать в заговоре Ниты, ни пытаться остановить их. Открывшаяся правда о происхождении сыворотки для симуляции атаки пробудила во мне ненависть к Бюро, и я хочу теперь просто наблюдать, как оно будет разваливаться изнутри.

Мэтью рассуждает как ученый, и мне сложно следить за ходом его мыслей.

— ...Делая кое-какие генетические экспертизы. Это все, конечно, прекрасно, но до того мы разрабатывали способ получения сыворотки памяти как некоего вирусного компаунда, — говорит он. — С такой же характерной быстрой репликацией и способностью к распространению через воздух. Потом мы разработали прививку против него. Ее действие временное, длится всего сорок восемь часов, но хоть что-то.

Я киваю.

— Правильно ли я поняла, что вы это делали для того, чтобы повысить эффективность экспериментов в городах, так? — уточняю я. — Какой смысл накачивать всех сывороткой памяти, когда можно просто распылить ее в воздухе?

— Точно, — он выглядит довольным от того, что мне интересен его рассказ. — И это куда удобнее, можно выбрать определенных членов популяции, которым такая сыворотка не нужна, и сделать им прививку. В течение двадцати четырех часов, за которые распространяется вирус, они окажутся иммунными к его воздействию.

Я снова киваю.

— Слушай, ты в порядке? — вдруг спрашивает Мэтью.

Кружка с кофе, который он пьет, останавливается на полпути ко рту. Он отставляет ее в сторону.

— Я слышал, у тебя были какие-то проблемы с охранниками вчера вечером.

— Это все из-за моего брата Калеба.

— Да неужели? — приподнимает бровь Мэтью. — И что он выкинул на этот раз?

— Как ни странно, ничего, — я пропускаю рукав свитера между пальцами, конец рукава потрепан, заметно,

что свитер долго носили. — Я была на грани истерики, Калеб просто попался мне на пути.

По выражению лица Мэтью понимаю, о чем он сейчас меня спросит. А мне и самой хочется все рассказать ему обо всем, включая то, что узнала от Ниты. Могу ли я ему доверять?

— Мне кое-что рассказали вчера, — начинаю я, чувствуя себя так, словно ступаю на тонкий лед. — Насчет Бюро. О моем городе. И еще о симуляциях.

Мэтью выпрямляется и бросает на меня странный взгляд.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Случайно, не Нита тебе все это рассказала?

— Она. А как ты узнал?

— Я помог ей пару раз, — поясняет он. — И предоставил ей доступ в то хранилище. А что еще она тебе рассказала?

Значит, Мэтью и есть таинственный информатор Ниты? Значит, именно Мэтью, который безапелляционно объяснял мне разницу между моими «чистыми» генами и «поврежденными» генами Тобиаса, помогал Ните...

— Кое-что о своем плане, — произношу я медленно.

Он встает и идет ко мне. Вид у него при этом настолько взволнованный, что я инстинктивно отшатываюсь от него.

— Ты хочешь сказать, что это все-таки произойдет? — спрашивает он. — А ты не знаешь когда?

— Что должно произойти? — говорю я. — Почему ты помогаешь Ните?

— Потому что весь этот «генетический ущерб» — просто нонсенс, — кричит он. — Но сейчас очень важно, чтобы ты ответила на мои вопросы.

— Хорошо. Да, это произойдет. Но я не знаю когда, думаю, что в самое ближайшее время.

— Дерьмо. — Мэтью закрывает лицо руками. — Ничем хорошим это не закончится.

— Если ты немедленно не прекратишь говорить загадками, я тебя стукну, — говорю ему, поднимаясь со стула.

— Я помогал Ните до тех пор, пока не узнал, что именно она и те люди с Окраины собираются сделать, — отвечает Мэтью.

— Они хотят прорваться в Оружейную Лабораторию и украсть сыворотку памяти.

— Нет, — мотает он головой. — Не нужна им никакая сыворотка памяти, они хотят заполучить сыворотку смерти. Ту, которой пользовалась фракция эрудитов, которую они собирались тебе вколоть, чтобы казнить. Нита и ее друзья собираются использовать эту сыворотку для убийств. Будет множество жертв. Достаточно сделать аэрозольный баллончик, и все становится легче легкого. Вооружаешь такими баллончиками нужных людей, и можно спровоцировать взрыв анархии и насилия. Это именно то, что нужно маргиналам.

Я представляю себе, как это будет. Быстрое нажатие кнопки на аэрозольном баллончике. Я вижу улицы и дома, заваленные трупами эрудитов и альтруистов. Вижу осколки нашего мира, который мы пытались сохранить.

— Я надеялся на что-то разумное, — тараторит Мэтью. — Если бы я знал, что она собирается начать новую войну, я бы ни за что не согласился. Надо их остановить.

— А ведь я говорила, — бормочу я, — что она лжет.

— Да, у нас есть проблемы, связанные отношением к генетически-модифицированным, но их не решишь,

убив кучу людей, — заключает Мэтью. — Ладно, давай пойдем сейчас же к Дэвиду.

Что правильно, а что — нет? Понятия не имею. Я ничего не ведаю об этой стране, о том, что здесь происходит и требует перемен. Но смертоносная сыворотка в руках Ниты и ее друзей с Окраины ничем не лучше, чем та же химия из лабораторий Бюро. Я молча встаю и вылетаю в коридор вслед за Мэтью. Мы быстро направляемся в сторону главного входа в Резиденцию.

Когда мы приближаемся к КПП, я замечаю около скульптуры Юрайю. Он машет нам, его губы кривятся, словно он пытается улыбнуться. Солнечные лучи, преломляются через огромный резервуар с водой. Символ медленной, бессмысленной борьбы, которую ведет Бюро. Я нахожусь около КПП, когда стена рядом с Юрайей взрывается. Как будто распускается невиданный огненный цветок. Из центра «бутона» раскрываются лепестки из стекла и металла, пронзая Юрайю. Волна мощного грохота прокатывается через мое тело. Я ору его имя, но сама себя не слышу из-за звона в ушах.

Люди вокруг меня рухнули на пол, обхватив головы руками. Я не шевелюсь, уставившись на дыру в стене Резиденции. Сейчас через нее никто не пытается прорваться. Спустя пару секунд начинается хаос. Я бросаюсь к Юрайе. Чей-то локоть бьет меня в бок, и я оступаю, падая на что-то твердое, металлическое. На торец стола. С трудом поднимаюсь, вытирая рукавом кровь, убираю волосы с глаз. Потом вижу огненные буквы, горящие как знамение, над головами мечущихся людей: «ВЫХОД».

— Нажимай тревожную кнопку, — кричит охранник КПП.

Подныриваю под его вытянутой рукой и бегу дальше.

— Я нажимаю, — вопит в ответ другой. — Не работает.

Меня за плечо хватает Мэтью:

— Что ты делаешь? Куда тебя...

Я отпихиваю его и бегу быстрее, петляя между мечущимися сотрудниками Бюро. Мэтью спешит за мной и верещит:

— Не туда. Нам нельзя к месту взрыва. Те, кто его устроил, уже внутри. Нам нужно в Оружейную Лабораторию. Быстрее.

Ясно. Священное для них место. Думаю о том, как Юрайя лежит на полу, засыпанный осколками, металлическими обломками и каменной пылью. Мне по-прежнему хочется подбежать к нему и проверить, жив он или нет. Но ничего не смогу для него сделать. Гораздо важнее — удержать Ниту и ее приспешников от кражи сыворотки, которую они и хотят, видимо, проверить, воспользовавшись паникой. Мэтью прав. Ничего хорошего из их затей не выйдет.

Мэтью берет на себя инициативу, вклиниваясь в толпу, как в речной поток. Стараюсь держаться рядом, глядя на его затылок, чтобы не потерять, но встречные отвлекают меня. Мэтью пропадает. Наконец, я замечаю его темноволосую голову в нескольких ярдах впереди. Он как раз поворачивает направо, во второй коридор.

— Мэтью, — зову его я и рвусь напролом к нему.

Догоняю и цепляюсь за его рубашу. Он поворачивается ко мне:

— Ты в порядке? — спрашивает он, глядя на мою расцеченную бровь.

В горячке я совсем забыла о ней. Вытираю рану и киваю Мэтью.

— Да! — Бежим дальше.

Мы бок о бок несемся вперед, народу здесь меньше, чем в холле, но повсюду лежат охранники. Некоторые живы, а кое-кто, похоже, мертв. Замечаю пистолет, валяющийся неподалеку от питьевого фонтанчика, и подбираю его. Протягиваю Мэтью, но он отрицательно мотает головой:

— Я никогда не стрелял.

— Господи.

Кладу палец на спусковой крючок. Эта штука отличается от пушек, которые были у нас в городе: нет откидывающегося в сторону барабана и совсем другой баланс. Я не знаю, тугой крючок или нет. Что же, так даже лучше: оружие не вызывает у меня никаких воспоминаний и ассоциаций.

Мэтью хватает ртом воздух. Я тоже задыхаюсь и не могу прийти в себя. Следующий коридор пуст, там простерто неподвижное тело солдата. Это женщина.

— Уже недалеко, — говорит Мэтью.

Я прижимаю палец к его губам, требуя, чтобы он умолк. Мы переходим на шаг, я крепко сжимаю в потных руках выскальзывающий пистолет. А сколько же в нем патронов? Когда мы проходим мимо трупа, я наклоняюсь к нему, намереваясь поискать оружие. Переворачиваю женщину и обнаруживаю еще один пистолет. Пока я возжусь с телом, Мэтью, не мигая, смотрит на меня.

— Спокойно, Мэтью, сейчас мы с тобой потихоньку пойдем вперед, а рефлексировать будем позже.

Подталкиваю его в спину, и мы продолжаем наш путь. Здесь полутьма, под потолком — путаница балок и труб.

Впереди раздаются отчетливые голоса. Когда мы подходим к повороту, я прижимаюсь к стене и тихонько заглядываю за угол.

Вижу двойные стеклянные двери, которые выглядят столь массивными и тяжелыми, будто они металлические. За ними — узкий проход, в котором теснятся три человека в черном. Они вооружены. Их лица закрыты темной тканью, блестят только глаза.

Около дверей застыл Дэвид. Он стоит на коленях. К его виску прижат ствол, а по подбородку стекает кровь. Среди захватчиков — девушка в маске. Однако ее выдают темные волосы, собранные в хвост. Это — Нита.



27

Трис

— Впустите нас внутрь, Дэвид, — приказывает Нита глухим голосом.

— Не думаю, что вы будете стрелять в меня, — неторопливо отвечает Дэвид. — Я единственный в здании, у кого есть необходимая вам информация по сыворотке.

— А мы не собираемся тебя убивать, — подает голос другой человек, — можно и поиграть.

Мужчина переглядывается с Нитой, быстро наводит пушку на ногу Дэвида и нажимает на спусковой крючок. Дэвид воет, и я зажмуриваюсь. Даже если он — один из тех, кто передал Джанин Мэтьюз сыворотку симуляции атаки, я не получаю никакого удовольствия от криков боли.

Смотрю на добытые трофеи и вижу свои побелевшие пальцы. Заставляю себя прогнать все обрывки мыслей, крутящихся у меня в голове, и сосредоточиваюсь на происходящем. Приникаю губами к самому уху Мэтью и шепчу:

— Иди за помощью.

Он кивает и крадется обратно по коридору. К его чести, движется Мэтью уверенно и бесшумно. Вскоре он исчезает.

— Мне надоело, — орет рыжеволосая женщина. — Взорвать к чертям дурацкую дверь, и дело с концом.

— Взрыв активирует резервную систему безопасности, — произносит Нита. — Нам нужен код доступа.

Осторожно выглядываю из-за угла, и глаза Дэвида встречаются с моими. Он бледен, его лицо блестит от пота, лужа крови растекается около ног. Остальные наблюдают за Нитой, которая достает из кармана черную коробочку, открывает и показывает им ее содержимое. Там — шприц и игла.

— На него это вроде не подействует, — недоумевает мужчина с пистолетом.

— Нет, хотя он может сопротивляться, — возражает она. — Слушай, Дэвид. Это очень мощная смесь сыворотки правды и страха. Клянусь, что вколю тебе ее, если ты не сообщишь нам код доступа добровольно.

— Во всем виноваты твои гены, Нита, — отвечает Дэвид. — Если ты остановишься, я помогу тебе, я...

В ответ Нита лишь криво улыбается. С явным удовольствием она приставляет иглу к его шее и нажимает на поршень. Дэвид падает как подкошенный, по его телу пробегают судороги. Затем он начинает неразборчиво

кричать. Я знаю, что с ним происходит, потому сама это пережила в штаб-квартире эрудитов. Под влиянием сыворотки пробудились мои самые потаенные страхи. Нита хватает Дэвида за подбородок.

— Дэвид, — отчеканивает она. — Немедленно сообщите нам код доступа.

Но Дэвид хрипит, уставившись на что-то за ее плечом.

— Нет, — вопит он и бросается вперед, навстречу невидимому нам фантому.

Нита упирается руками в его грудь, пытаюсь удержать на месте, и начинает трясти Дэвида за плечи:

— Я прогоню их, но вы должны сказать мне, как туда войти.

— Ее, — рыдает Дэвид. — Ее имя.

— Чье имя?

— Нита, у нас мало времени, — говорит мужчина, продолжая целиться в Дэвида.

— Если мы не получим сыворотку, мы убьем его.

— Ее, — выкрикивает Дэвид и указывает на меня.

Выставляю руку из-за угла и дважды стреляю. Первая пуля попадает в стену, зато вторая — в руку мужчины. Его жуткое оружие падает на пол. Рыжеволосая женщина направляет на меня ствол, но я быстро прячусь, и она не может толком прицелиться.

— Прекратить огонь, — приказывает Нита. — Трис. Ты не понимаешь, что делаешь.

— Наверное, ты права, — отвечаю я и снова стреляю.

Теперь я более меткая. Я попадаю Ните прямо в бедро. Она стонет из-под своей маски и прижимает ладонь к ране.

Дэвид ковыляет ко мне. Его лицо искажается гримасой боли. Обнимаю его за талию, и разворачиваю его так, чтобы он оказался между мной и захватчиками. Потом приставляю пистолет к его затылку.

Чувствую, что мое сердце бьется так сильно, будто собирается выпрыгнуть из груди.

— Только посмейте, и я мигом прострелю ему башку, — угрожаю я.

— Ты не убьешь своего лидера, — заявляет рыжеволосая женщина.

— А он мне никакой не лидер. Мне плевать, выживет он или умрет, — усмехаюсь я. — Но если ты думаешь, что я позволю тебе получить контроль над сывороткой, ты точно чокнутая.

Начинаю отходить потихоньку назад, таща за собой скулящего Дэвида: — он все еще под влиянием химического коктейля. Пригибаю голову, сжимаюсь за его телом, используя Дэвида как живой щит. Но ни на секунду не убираю пистолет от его черепа. Мы доходим до конца коридора, когда женщина начинает орать, что это блеф. Она стреляет в нас. Пуля попадает Дэвиду в другую ногу. С пронзительным криком он падает, и я остаюсь торчать у них на виду. Бросаюсь на пол, ударившись локтями, и очередная пуля свистит надо мной.

Я чувствую, как что-то горячее течет по левой руке. Кровь. Мои ноги скребут и елозят на плиткам, ища опору. Наконец, упираюсь во что-то и вслепую начинаю вести огонь. Хватаю Дэвида за шиворот и тяну его за угол. Жгучая боль пронзает мне левую руку. Слышу

топот бегущих людей — он доносится откуда-то спереди. Меня окружают. Я замечаю Мэтью. Кто-то поднимает Давида, и его уносят. Мэтью помогает мне встать. В ушах у меня звенит. Не могу поверить, что я это сделала.



Приемный покой госпиталя переполнен. Сотрудники Бюро носятся взад и вперед. Кто-то задвигает занавески. Прежде чем сесть, обхожу койки в поисках Тобиаса, но его нигде нет. Какое облегчение. Но Юрайи здесь тоже нет. Его поместили в отдельную палату, а дверь в нее закрыли — плохой знак.

Медсестра, сопя, протирает мне руку антисептиком. Она постоянно вертится. Похоже, ее интересует все, что угодно, кроме моей раны. Мне сказали, что у меня — небольшая царапина и беспокоиться не о чем.

— Если вы торопитесь, — говорю ей, — никаких проблем, я вполне могу подождать.

Она морщится и бормочет:

— Тебе надо наложить швы.

— Это же царапина.

— Я не о руке, а о голове, — поясняет она, тыча пальцем в мою бровь.

А я-то почти забыла о ней, хотя она до сих пор продолжает кровоточить.

— Понятно.

— Сейчас сделаю тебе инъекцию обезболивающего.

За свою жизнь я привыкла ко всяким иголкам и не реагирую на ее слова. Медсестра протирает мне лоб — местные прямо помешаны на гигиене. Чувствую неприятный укол, но боль постепенно стихает.

Она зашивает мне бровь, а я наблюдаю за тем, что творится вокруг. Мимо пробегают люди. Врач снимает окровавленные резиновые перчатки. Медсестра, поскользнувшись и чуть не упав, проносит поднос с использованными бинтами. Кто-то, очевидно родственник пострадавшего, скорбно заламывает руки. В воздухе запахи химикатов, старой бумаги и разгоряченных тел.

— Как там Дэвид? — спрашиваю я.

— Жить будет, но потребуется длительный восстановительный период, прежде чем он начнет ходить, — отвечает она, ее губы кривятся в улыбке, — все закончилось бы куда хуже, если бы не ты. Готово.

Молча киваю. Мне хочется сказать ей, что никакая я не героиня. Признаться, что ненавижу Дэвида, как и все Бюро, что я бы не моргнув глазом позволила их всех изрешетить пулями, лишь бы спасти свою жизнь. Вот только моим родителям было бы за меня стыдно.

Она приклеивает пластырь поверх шва, собирает обертки и использованные ватные тампоны. Прежде чем я успеваю поблагодарить ее, она переходит к следующей койке, к другому пациенту, к новой ране...

Очередь раненых в коридоре тянется далеко за пределы отделения неотложной помощи. Очевидно, что одновременно со взрывом у входа в Резиденцию где-то произошел еще один. И оба они — диверсия Ниты и ее приспешников, пробравшихся через подземный туннель.

О нем она нам рассказала, а вот о том, что они собираются еще и стены взрывать, благоразумно умолчала.

Двери в конце коридора резко распахиваются, и несколько человек вносят молодую женщину. Легка на помине. Они кладут Ниту на кушетку, стоящую возле одной из стен. Она стонет, прижимая руку к повязке на ране. Чувствую себя довольно странно, это я выстрелила в нее. Я должна была.

Проходя мимо раненых, обращаю внимание на их униформу. Почти все, находящиеся здесь, одеты в зеленое. За редким исключением, все они — вспомогательный персонал. Некоторые их раны — много тяжелее, чем моя собственная.

Замечаю свое отражение в окнах главного коридора: спутанные волосы свисают сосульками, на лбу — повязка, одежда перепачкана нашей с Дэвидом кровью. Мне нужно принять душ и переодеться, но сначала — найти Тобиаса и Кристину. Я не видела их после того, как началось вторжение. И тут же обнаруживаю Кристину, сидящую в приемном покое неотложной помощи и ожесточенно болтающую ногой. Она приветствует меня взмахом руки, но ее глаза тут же вновь возвращаются к дверям.

— Ты как, в порядке? — спрашивает она меня.

— Да, — отвечаю я. — Что-нибудь известно о Юрае? Я не смогла попасть в его палату.

— Не знаю! Эти люди сведут меня с ума, — возмущается она. — Они не позволяют мне его увидеть. Как будто и он их собственность.

— Просто здесь работают по-другому.

— Ага, — хмурится Кристина, — но меня они игнорируют.

Неделю назад я бы с ней не согласилась. Но тогда я не представляла, насколько вера в генетические повреждения влияет на отношения сотрудников Бюро. Ума не приложу, как вести себя с Кристиной. У меня есть какие-то идиотские преимущества, которых нет у нее. И ничего теперь не поделаешь.

— Я хочу разыскать Тобиаса, но сразу вернусь к тебе. Ладно?

Продолжая дергать ногой, Кристина наконец смотрит мне в глаза:

— Они разве тебе не сообщили?

— Что случилось? — мое сердце сжимается от страха.

— Тобиас арестован, — шепчет она. — Я заметила его. Он был вместе с нападавшими. Незадолго до взрыва, его засекли в диспетчерской. Он вроде бы отключил систему сигнализации.

Похоже, она жалеет меня.

— Где ты их видела? — спрашиваю я.

Мне необходимо с ним поговорить. И немедленно.



29

Тобиас

Мои запястья стянуты пластиковой лентой. Осторожно дотрагиваюсь пальцем до челюсти, ощупывая кожу и проверяя, не течет ли кровь.

— Ты в порядке? — спрашивает Реджи.

Киваю. Бывали травмы и похуже. А это — обычный удар прикладом в челюсть во время ареста. Хотя глаза у того солдата действительно горели диким гневом.

Мэри и Рафи сидят неподалеку, на руке Рафи — повязка. Охранница стоит между нами, не позволяя подойти друг к другу. Рафи кивает мне, дескать, держись, ты — молодец. Но если я все сделал правильно, то почему внутри меня пустота?

— Послушай, — цедит Реджи, — Нита и наши друзья из Округи предвидели такую возможность. Ничего страшного.

Снова киваю, без особой охоты. Я знаю о запасном плане на случай ареста, но сейчас меня не слишком волнует успех нашей операции. Я беспокоюсь лишь о том, сколько времени они будут разбираться с нашим делом и чем закончилась наша попытка. С тех пор, как они нас взяли, прошло больше часа, а мы остаемся в неведении. Нас даже еще не допрашивали. Кроме того, Нита куда-то пропала.

Во рту у меня — привкус горечи. Что бы мы ни сделали, похоже, все пребывают в шоке. Многие погибли. За сколько смертей несую ответственность лично я?

— Нита завила мне, что они собирались только украсть сыворотку памяти, — говорю я Реджи.

Реджи показывает глазами на охранницу. На нас уже накричали из-за того, что мы переговаривались. Впрочем, я и сам прекрасно знаю ответ.

— Полное вранье, — бормочу я.

Трис был права.

— Эй, вы, — охранница подбегает. — Прекратить болтовню.

Реджи отодвигается.

— Что вообще здесь творится? — спрашиваю женщину.

— Просто заткнись.

Отворачиваюсь и вдруг вижу невысокую блондинку, появившуюся в конце коридора. Трис. На лбу у нее пластырь, на одежде — пятна крови, напоминающие отпечатки пальцев. В кулаке зажата бумажка.

— Эй, ты, — кричит охранница. — Зачем сюда пожаловала?

— Шелли, — окликает ее другой охранник, — успокойся. Это та самая девушка, которая спасла Дэвида.

Ого! А от чего, собственно?

— Ясно, — Шелли опускает пистолет.

— Меня попросили, чтобы я принесла вам новости, ребята, — произносит Трис и протягивает Шелли листок. — Дэвид в интенсивной терапии. Он будет жить, но они не знают, когда он сможет ходить. О других раненых заботятся.

Горечь у меня во рту крепчает. Дэвид, раненые... Слушалась катастрофа, почему и ради чего? Я влез во все это, но не знаю правду. Что я наделал?

— Наши потери подсчитаны? — спрашивает Шелли.

— Пока нет, — отвечает Трис.

— Ладно, спасибо тебе.

— Слушайте, — она переминается с ноги на ногу. — Мне нужно поговорить с ним.

Она кивает головой в мою сторону.

— Нельзя... — начинает Шелли.

— Только секунду, я обещаю, — перебивает ее Трис. —
Пожалуйста.

— Пропусти ее, — предлагает другой охранник. — Что она может повредить?

— Хорошо, — соглашается Шелли, — у тебя есть две минуты.

Я встаю, опираясь о стену, чтобы удержаться на ногах, мои запястья связаны спереди. Трис делает несколько шагов навстречу, ее сложенные на груди руки как будто образуют барьер между нами. Это настоящая каменная стена. Трис опускает голову.

— Трис, я...

— Хочешь знать, что устроили твои дружки? — восклицает она, и ее голос дрожит, насколько я понимаю, от гнева, а вовсе не от сдерживаемых слез. — Им не нужна сыворотка памяти. Им требовалась сыворотка смерти. Они собирались уничтожить кучу важных государственных чиновников и начать войну.

Таращусь на свои ботинки, на плитку, покрывающую пол.

— Я не представлял...

— А я тебе говорила. Но ты меня не послушал. Как всегда, — тихо добавляет она.

И мы, наконец, встречаемся взглядами. Я понимаю, что напрасно так сильно жаждал заглянуть ей в глаза, это причиняет мне лишь боль.

— Юрайя — без сознания, и врачи не уверены, что он вообще выживет.

Странно, что одно слово или фраза могут подействовать как удар молота по голове.

— Как?..

Перед моим внутренним взором — лицо Юрайи, упавшего в сетку после Церемонии Выбора. Он беспешабчно улыбаётся, и мы с Зиком втаскиваем его на платформу. Или вот: он сидит в тату-салоне, придерживая ухо, чтобы ничто не мешало Тори накалывать ему изображение змеи. Юрайя может не очнуться? А ведь я обещал Зику позаботиться о нем...

— Он один из последних моих друзей, — говорит она срывающимся голосом. — Не знаю, смогу ли я смотреть на тебя так, как раньше.

Она разворачивается и бежит прочь. Как будто издалека до меня доносится голос Шелли, приказывающий мне сесть, и я безвольно падаю на колени. Я пытаюсь придумать способ сбежать от нового кошмара, который сам же и устроил, но, как я ни изошряюсь в логических построениях, выхода не нахожу. Тогда просто скрючиваюсь на полу и стараюсь ни о чем не думать.

Лампа на потолке в комнате для допросов отражается расплывчатым кругом в центре стола. Я рассказываю то, что сочла нужным сообщить мне Нита. Никаких затруднений я не испытываю. После того, как я заканчиваю, человек, ведущий запись, в последний раз дотрагивается до экрана, и тот освещается там, где пробегают его пальцы. Еще здесь присутствует женщина. Ее зовут Анджела. Она — доверенное лицо Дэвида. Она осведомляется:

— Значит, вы не в курсе того, почему Хуанита попросила вас отключить систему безопасности?

— Нет, — отвечаю я, и это чистая правда.

Всех, кроме меня, они допрашивали, вколов сыворотку правды. Моя генетическая аномалия, позволяющая мне вести себя осознанно при симуляциях, заставила их предполагать, что я могу быть устойчив. Так что сведения, которые бы я дал под ее воздействием, оказались бы сомнительными. Пока моя история будет соответствовать тому, что говорят остальные, они будут считать ее правдой. К тому же все мы были привиты против сыворотки правды. Информатор Ниты среди генетически чистых передал ей прививки еще несколько месяцев назад.

— Как же тогда она тебя убедила?

— Мы подружились, — пожимаю я плечами. — Она попросила меня довериться ей, сказала, что у нее есть веские причины.

— А что вы думаете о своем поступке?

— Я очень сожалею.

Яркие, жесткие глаза Анджелы немного смягчаются. Она кивает.

— Что же, это соответствует показаниям остальных. Учитывая ваше общее невежество и генетическую неполноценность, мы склонны проявить снисходительность. Все-таки вы — новичок. Однако в течение года вы должны будете работать на благо нашего сообщества. Вы не имеете права входить в секретные лаборатории или архивы и покидать без разрешения пределы Резиденции. На весь условно-досрочный срок к вам прикрепят

офицера, который будет проверять вас каждый месяц. Вам понятна терминология?

Слова «генетическая неполноценность» крутятся в моей голове, но я бормочу:

— Да.

— У меня все. Вы свободны, — она отодвигает стул и встает.

Человек, записывавший показания, поднимается и убирает планшет в сумку. Анджела стучит по столу, чтобы привлечь мое внимание.

— Не будь слишком строг с собой, — произносит она. — Ты еще так молод.

Не уверен, что это может служить оправданием, но я без возражений принимаю ее попытку утешить меня.

— А что будет с Нитой? — задаю я вопрос.

Анджела поджимает губы.

— После того, как она оправится от ранений, ее переведут в тюрьму. Вероятно, там она проведет остаток жизни.

— То есть ее не казнят?

— Нет, мы не применяем смертную казнь к «ГП», — бросает Анджела и направляется к двери. — С «ГП» всегда куча проблем.

С грустной улыбкой она выходит из комнаты. Я сижу, совершенно ошеломленный. Я ведь хотел доказать, что они ошибаются во мне, что моя личность не определяется моими генами. Но теперь ситуация изменилась. Юрайя лежит в больнице, погибли люди, а Трис не хочет смотреть мне в глаза. И все — из-за меня.

Я стискиваю зубы. Меня захлестывает волна отчаяния. Когда я встаю, мои манжеты мокры от слез. А моя скула, кстати, до сих пор саднит.



30

Трис

— Ты его навещала?

Кара стоит рядом со мной, сжав кулаки. Вчера Юрайю перевели из реанимации в палату со смотровым окном из коридора. Я подозреваю, врачи сделали это для того, чтобы избавиться от нас с Кристиной. Теперь Кристина сидит у постели больного, держа его за вялую руку.

Я боялась, что он будет похож на порванную тряпичную куклу, но он не особенно отличается от прежнего Юрайи, исключая разве что царапины и бинты. Мне кажется, что сейчас он очнется, заулыбается и спросит, чего мы на него палимся.

— Я была у него вечером, — отвечаю я. — По-моему, ему одиноко.

— Существуют данные, что, в зависимости от степени повреждения головного мозга, люди в коме могут слышать и чувствовать, — произносит Кара. — Но прогноз не слишком оптимистичный.

Иногда мне хочется стукнуть ее. Разве есть необходимость напоминать, что Юрайя вряд ли очнется?

— Знаю.

Вчера, покинув его палату, я бесцельно бродила по зданию Резиденции. Вместо того чтобы думать о своем друге, балансирующем между жизнью и смертью, я раз-

мышляла над нашим разговором с Тобиасом. И о том, как я себя чувствовала, когда смотрела на него: будто лопнула невидимая нить. Неужели наступил конец наших отношений? Я могла ему это сказать, но слова застряли у меня в горле. А сейчас мне приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не разреветься.

— Ты спасла Бюро, — заявляет Кара. — Как ты умудряешься принять участие во всех возможных заварушках? Полагаю, мы должны быть благодарны тебе: ты же предотвратила кризис.

— Ладно тебе. При чем здесь Бюро? Нет у меня интереса в его сохранении, — возражаю я. — Просто выбила оружие из опасных рук, вот и все. А чего ты нахваливаешь меня?

— Я способна распознавать сильные стороны другого человека, — улыбается Кара. — Кроме того, я подумала, что отныне наши с тобой проблемы, как логические, так и эмоциональные, разрешены.

Она откашливается, и мне становится даже любопытно. Похоже, признание того, что у нее есть эмоции, заставляет Кару чувствовать себя неловко.

— Ты, наверное, разузнала о Бюро что-то такое, что разозлило тебя, — замечает Кара.

Я наблюдаю, как Кристина кладет голову на край койки Юрайи, и с запинкой отвечаю:

— Ну, да... Но я вообще-то удивлена.

Кара молчит. Между ее бровей пролегает морщинка, делая ее настолько похожей на Уилла, что мне хочется отвернуться.

— Ты в курсе, что формула симуляционной сыворотки в действительности была разработана не Джа-

нин? — добавляю я и вздыхаю. — Пойдем. Я кое-что покажу тебе.

Мне было бы проще выложить ей все прямо здесь. Но я хочу занять себя чем угодно, лишь бы не думать о Юрае и Тобиасе.

— Похоже, мы никогда не найдем концов в этом клубке лжи, — говорит Кара, когда мы направляемся к хранилищу. — Фракции, видео с Эдит Прайор... сплошное вранье.

— Вот как ты относишься к фракциям? — перебиваю ее я. — А мне казалось, что тебе нравится быть эрудитом.

— Верно, — она чешет себе шею, и на ее коже остаются маленькие красные полоски от ногтей. — Но из-за Бюро я почувствовала себя идиоткой — а ведь я стремилась поддерживать их, как того хотели верные. Ну и дура же я была!

— А ты считаешь, что в идеях верных не было ничего стоящего? — не унимаюсь я.

— А ты разве со мной не согласна?

— Они помогли нам сбежать из города, и мы узнали истину, — парирую я. — В итоге, это гораздо лучше, чем если бы мы остались в бесфракционной коммуне, идея которой засела в голове Эвелин. Там бы вообще никто из нас не имел права решать, что делать.

— Понимаю тебя, — кивает она. — Но я привыкла гордиться тем, что умею видеть все насквозь.

— Ты знаешь, что альтруисты говорили о гордости?

— Какие-то гадости, вероятно.

— Естественно, — смеюсь я. — Гордость ослепляет нас и не дает нам понять правду о самих себе.

Подходим к лаборатории, и я стучу несколько раз. Пока мы ждем, чтобы Мэтью впустил нас, Кара пристально на меня смотрит.

— А в старых текстах эрудитов написано то же самое, — подытоживает она.

Вот уж никогда бы не подумала, что эрудиты рассуждали о гордости и о морали вообще. Хочется расспросить ее поподробнее, но дверь открывается, и на пороге появляется Мэтью. Он жует яблоко.

— Ты не можешь проводить нас в хранилище? — прошу я.

— Конечно, — кивает Мэтью и сует в рот остаток яблока.

Морщусь, представляя горький вкус яблочной сердцевины, и мы следуем за ним.



31

Тобиас

Не могу вернуться в нашу комнату. Не хочу ловить на себе их косые взгляды и молчаливые вопросы. И хотя мне не стоит возвращаться на место моего преступления, я чувствую, что мне необходимо узнать, что творится в городе. Я хочу прикоснуться к миру, в котором вырос.

Ташусь в диспетчерскую и занимаю свободное кресло. Каждый монитор показывает одну из частей города: Супермаркет Безжалостности, фойе штаб-квартиры эрудитов, парк Миллениум, вход в Хэнкок-билдинг.

В течение долгого времени я наблюдаю за людьми, слоняющимися по штаб-квартире. Они вооружены, на

их предплечьях — повязки с эмблемами бесфракционников. Они болтают или обмениваются банками консервов, выданных на ужин, — старая привычка бесфракционников. Вдруг я слышу, как женский голос в диспетчерской произносит:

— Вот он.

Пробегаю глазами по мониторам. И вижу Маркуса, застывшего перед Хэнкок-билдинг: он топчется перед входом, нервно поглядывая на часы.

Встаю и дотрагиваюсь до экрана указательным пальцем, чтобы включить звук. Сперва через динамики доносится только шум ветра, потом раздаются звуки шагов. К моему отцу приближается Джоанна Рейес. Маркус протягивает ей руку, но она игнорирует этот жест. Ладонь Маркуса повисает в воздухе. Она похожа на приманку, которую не проглотила рыба.

— Значит, ты в городе, — констатирует она. — А они тебя всюду ищут.

Некоторые из зрителей собираются позади меня. Я их почти не замечаю, и зачарованно гляжу на то, как мой отец сжимает кулаки.

— Я чем-то тебя обидел? — спрашивает он. — Я обратился к тебе потому, что думал, ты — мой друг.

— Неужели? А я считала, ты связался со мной из-за того, что я лидер верных и тебе нужен союзник, — произносит Джоанна, склонив голову так, что прядь волос закрывает ее шрам. — Я действительно могу им стать, но все будет зависеть от твоих намерений.

Брови Маркуса сходятся над переносицей. Раньше он был красивым мужчиной. Но сейчас постарел, щеки ввалились, черты лица стали чересчур суровыми и стро-

гими. Его короткая стрижка альтруиста лишь усиливает это впечатление.

— Не понимаю тебя, — выдавливает он.

— Я разговаривала кое с кем из правдолюбков, — поясняет Джоанна. — Они сообщили мне о том, что выболтал твой мальчик, когда находился под действием сыворотки правды. Мерзкие слухи, которые распространяла Джанин Мэтьюз о тебе и твоём сыне... ведь это — правда, не так ли?

Я краснею и невольно съеживаюсь в кресле. Маркус качает головой.

— Нет. Тобиас...

— Пожалуйста, не надо, — обрывает его Джоанна. — Я знаю, как выглядят люди, которые подвергались насилию. Мы должны признавать наши ошибки.

— Чушь, — восклицает Маркус, но быстро соглашается. — Да, я призывал к дисциплине, но я хотел как лучше.

— Муж не должен требовать подчинения от своей жены, — возражает Джоанна, — даже у альтруистов подобное не принято. А что касается твоего сына... Я попытаюсь притвориться, что тебе поверила.

Пальцы Джоанны дотрагиваются до шрама на лице, и мое сердце начинает биться чаще. Она знает. Несомненно, она испытала это сама. Интересно, кто был учителем в ее случае? Мать? Отец? Кто-то еще?

Меня всегда интересовало, что будет делать мой отец, когда правда выплывет наружу. Мне чудилось, что из скромного лидера альтруистов он сразу превратится в ходячий кошмар, с которым я имел дело дома. То есть он покажет всем свой истинный облик.

Но Маркус растерян и смущен. А если он понимает, хотя бы в самом отдаленном уголке своей больной души, что слова о дисциплине — обыкновенная отговорка? Тем временем Джоанна спокойно произносит:

— Теперь, после того, как мы с тобой откровенно объяснились, выкладывай, зачем ты попросил меня приехать сюда.

И Маркус с легкостью переходит к новой теме. Думаю, он поделен на независимые сегменты и мгновенно переключается с одного на другой. Кое-что было зарезервировано и для нас с мамой.

Сотрудники Бюро увеличивают изображение, и Хэнкок-билдинг превращается в темный фон за спинами Маркуса и Джоанны. Я таращусь на балку, пересекающую экран.

— Эвелин и ее бесфракционники установили настоящую тиранию, — вещает Маркус. — Нужно восстановить мир, существовавший между фракциями до первой атаки Джанин. Думаю, ты меня поддержишь.

— Ты прав, — отвечает Джоанна. — Но каким образом ты собираешься действовать?

— Надеюсь, ты попробуешь рассмотреть вопрос непредвзято. Эвелин контролирует город потому, что в ее руках сосредоточено все оружие. Если мы отнимем его у Эвелин, она утратит свой гонор, и мы сможем бросить ей вызов.

Джоанна кивает, постукивая ботинком по земле. Она стоит, повернувшись к нам неизуродованной частью лица. Видны только ее тусклые кудри и изгиб пухлых губ.

— Что требуется от меня? — спрашивает она.

— Разреши мне присоединиться к верным, — говорит Маркус. — Я умею убеждать людей.

— Они и так горят желанием восстановить фракции. С чего ты решил, что ты мне нужен?

— Не хотелось бы приуменьшать твои достижения, но верные — слишком слабы, — настаивает Маркус. — Бесфракционники — сильнее, чем вы себе представляете. Вам без меня не справиться.

Меня всегда пугала способность отца убеждать людей, причем безо всякого резонерства. Он говорит так, будто его мнение — это просто неприкрытые факты. Полное отсутствие сомнений в его голосе заставляет вас верить ему. А еще я знаю, что он сказал бы мне сейчас. «Тобиас, ты — сломлен и никуда не годишься. Ты — пустое место». Сколько подобной дряни он уже вбил мне в голову?!

Джоанна явно задумывается о горстке сообщников, которых она сплотила вокруг себя. Вспоминает, наверное, и о нас, — тех, кого она отправила на разведку. Может, она сейчас чувствует свое одиночество, а ведь у Маркуса — богатейший опыт лидерства. Мне хочется крикнуть ей, что она не должна ему доверять. Он хочет вернуть фракции только из-за жажды власти. Но она меня не услышит, даже если бы я стоял рядом с ней.

— Маркус, пообещай мне, что будешь избегать насилия и разрушений, — произносит Джоанна.

— Конечно, — с готовностью отвечает мой отец.

Она снова кивает, на сей раз, похоже, своим мыслям.

— Иногда приходится сражаться за мир, — говорит она. — Сейчас как раз такое время. Ты будешь для нас полезен.

Значит, верные начнут восстание. После избрания Эвелин оно представлялось мне абсолютно неизбежным. Но сейчас мне просто больно. Мне кажется, война вообще никогда не прекратится, ни в городе, ни в Бюро, вообще нигде. Есть только короткие передышки между ними, которым мы присвоили глупое наименование «перемирие».

Я отворачиваюсь, собираясь убраться куда-нибудь подальше. Мне хочется подышать свежим воздухом, если бы я отыскал такое место. Внезапно я бросаю взгляд на соседний монитор: по офису в штаб-квартире эрудитов расхаживает нервная темноволосая женщина. Эвелин. Разумеется, они должны переключиться на нее.

Эвелин падает на колени. По-моему, она плачет, хотя я и не вижу, чтобы ее плечи тряслись. Через динамики раздается стук в дверь кабинета. Эвелин поднимается, приглаживает волосы, вытирает лицо и говорит:

— Войдите.

Появляется Тереза, повязка бесфракционников на ее рукаве перекошена.

— Сообщение от патрульных: они не нашли никаких его следов.

— Обалдеть! — восклицает Эвелин. — Я его изгоняю, а он еще в городе. Похоже, он мечтает досадить мне.

— Или он присоединился к верным, и они его укрывают, — предполагает Тереза, развалившись на одном из стульев.

Подошвами ботинок она елозит по бумагам, валяющимся на полу.

— Очевидно, — Эвелин упирается ладонью о подоконник, склоняется к оконному стеклу. — Спасибо за доклад. ❖

— Мы его найдем, — с жаром говорит Тереза. — Никуда он от нас не спрячется. Я клянусь тебе, что мы его из-под земли достанем.

— Лучше бы он отсюда убрался, — отвечает Эвелин тонким детским голоском.

— Понимаю, — произносит Тереза.

Интересно, мама еще боится его? Я вот до сих пор боюсь. Он для меня — как ночной кошмар, всплывающий в памяти среди бела дня. В глубине души мы с матерью очень похожи.

Долго стою перед экраном, наблюдая за Эвелин. Ее пальцы подрагивают. Я чувствую себя карикатурной «золотой серединой» между отцом и матерью. Я одновременно вспыльчивый, импульсивный и отчаявшийся. И я потерял контроль над собой, над тем, во что я теперь превратился.



32

Трис

Дэвид назначил мне прием в своем кабинете. Вдруг он будет пенять мне за то, что я использовала его в качестве щита? А ведь я еще приставила пистолет к его голове и сказала, что мне наплевать будет ли он жить или умрет...

Зоя встречает меня в холле отеля и ведет через главный коридор. Потом мы сворачиваем в длинный и уз-

кий проход с окнами с правой стороны, в которые видны самолеты, стоящие ровными рядами. Первый снег, предвестник зимы, тает, едва касаясь стекол. Я украдкой поглядываю на Зою. Но она, как всегда, энергичная и деловая. Словно и не было никакого нападения на Бюро.

— Он будет в инвалидной коляске, — предупреждает она меня. — И он не любит, когда его жалеют.

— Ясно, — отвечаю я, стараясь сдержать гнев, чтобы не вызвать у нее подозрений. — Он не первый и не последний человек, в которого попала пуля.

— Постоянно забываю, что ты видела гораздо больше насилия, чем мы, — говорит Зоя и предъявляет свой значок на очередном КПП.

Смотрю через стекло на охранников, — они вытянулись в струнку, лицом к нам, с оружием на плечах. Похоже, они могут простоять целый день, не шевелясь.

А я чувствую себя вялой, как будто эмоциональная боль измотала мои мышцы. Юрайя до сих пор в коме. А я все еще не в силах видеть Тобиаса, когда мы сталкиваемся в нашей комнате или столовой. В такие моменты я сразу вспоминаю осколки, разлетающиеся за спиной Юрайи. Не имею понятия, когда все вернется в обычную колею. Не уверена, что подобные раны можно исцелить.

Зоя и я минуем охранников, и кафельная плитка под ногами уступает место паркету. На стенах висят картины в золоченых рамах, перед входом в кабинет Дэвида — невысокая колонна и ваза с букетом цветов на ней. Мне делается неуютно, словно я в запачканной одежде. Зоя стучит в дверь, и изнутри доносится голос:

— Прощу!

Она приоткрывает мне створку, но сама внутрь не заходит. Кабинет Дэвида очень просторный. Здесь много книжных шкафов. Слева — стол с мониторами, а справа виднеется лаборатория с деревянной, а не металлической, как обычно, мебелью.

Дэвид сидит в инвалидной коляске, его ноги обмотаны жесткой тканью, — очевидно, чтобы кости правильно срослись. Он немного бледный. Хотя Дэвид пережил симуляцию сывороткой, ранение и смерть многих товарищей, но держится он бодро. Интересно, злые люди шифруются настолько умело, что их легко принять за хороших, достойных уважения?

— Трис, — он направляет коляску ко мне и сжимает мою руку в ладонях.

Я ее не вырываю, хотя мне, конечно, неприятно его прикосновение. Кожа у него — сухая, как бумага.

— Ты очень смелая, — продолжает он и выпускает меня. — Как ты?

— Бывало и хуже. А вы?

— Врачи уверены, что со временем я встану на ноги. У нас один медик изобрел какие-то замысловатые ортопедические устройства, вполне возможно, я первым испытаю их на себе, — усмехается он. — Подтолкни меня к столу, пожалуйста. Никак не научусь управлять этой штуковиной.

Подвожу коляску к столу, и его перевязанные ноги оказываются под столешницей. Убедившись, что дальше он справится сам, сажусь в кресло напротив и пытаюсь изобразить на лице улыбку. Чтобы отомстить ему за своих родителей, мне нужно завоевать его доверие. Так что не следует мне корчить угрюмые рожи.

— Я попросил тебя зайти прежде всего для того, чтобы поблагодарить, — говорит он. — Никто из наших не побежал бы ко мне, как ты. Все кинулись бы в укрытие. А ты вдобавок спасла Резиденцию.

Вспоминаю о том, как угрожала убить его, приставив пистолет к его голове, и сглатываю слюну.

— Ты и твои товарищи, со дня вашего приезда, находитесь в каком-то потерянном состоянии. Честно говоря, мы не знаем, что со всеми вами делать. Вы и сами смутно представляете себе свое будущее. Но мне пришла в голову одна идея, как вам помочь. Я — официальный лидер данного учреждения. Кроме этого, мы имеем систему управления, аналогичную принятой у альтруистов: небольшую группу моих советников. Я хотел бы, чтобы ты начала подготовку к тому, чтобы стать одним из них.

Я вцепляюсь в подлокотники кресла.

— Видишь ли, после того, что произошло, мы собираемся внести некоторые изменения в нашу работу, — продолжает он. — Нам необходимо занять более четкую позицию относительно того, чего мы хотим достичь. И я полагаю, ты нам поможешь.

С ним не поспоришь.

— В чем... — я прочищаю горло, — ...будет заключаться мое обучение?

— Ну, во-первых, наши встречи, — произносит он, — во-вторых, ты изучишь плюсы и минусы функционирования Резиденции. Узнаешь нашу историю, приоритеты и так далее. Конечно, официально ты не можешь войти в Совет в столь юном возрасте. Сперва ты будешь ассистентом одного из действующих членов организации. Но, если ты согласишься, карьера тебе обеспечена.

Он вопросительно смотрит на меня.

Советники — это, вероятно, те самые, которые предложили организовать симуляцию атаки, передав сыворотку Джанин. И он хочет, чтобы я стала одной из них. Несмотря на горечь, я ни секунды не размышляю над ответом.

— Для меня это большая честь, сэр.

Если кто-то предлагает вам возможность приблизиться к своим врагам, нужно использовать шанс. Должно быть, моя улыбка была лучезарна, поскольку Дэвид довольно ухмыляется.

— Отлично, — подытоживает он. — Вот что я собирался предложить твоей матери, прежде чем она добровольно ушла в город. Но думаю, она настолько влюбилась в это место, что не смогла сопротивляться его притяжению.

— Влюбилась... в город? — удивляюсь я. — О вкусах не спорят.

Шутка получилась фальшивой, тем не менее, Дэвид смеется. Мне удалось его перехитрить.

— Вы были... близки с моей мамой? — спрашиваю его. — Я читала ее дневник, но там очень мало об этом.

— Мало, говоришь? Натали всегда была прямолинейна. Да, мы с твоей матерью были близки, — его голос смягчается.

Из жесткого руководителя он превращается в мужчину, вспоминающего далекое прошлое.

— У нас с ней — похожие биографии. Я тоже — из поврежденного города. Да и семья моя — из неблагополучных, родители попали в тюрьму, когда я был еще ребенком. Вместо того чтобы, как мои братья и сестры,

остаться в переполненном сиротами приюте; я, как и твоя мать, сбежал. В Округе я нашел свое прибежище...

Помимо моей воли во мне зарождается симпатия к этому ненавистному человеку. Я таращусь на свои руки и молчу. Теперь мне кажется, что расплавленный внутри меня металл застывает, принимая новую странную форму.

— Завтра ты должна прогуляться там с нашими патрулями. Ты увидишь Округу своими глазами, — говорит он. — Для будущего члена Совета это весьма важно.

— И интересно, — киваю я.

— Прекрасно. Не хочется прерывать наше общение, но у меня скопилось много дел, — вздыхает он. — Я попрошу кого-нибудь уведомить тебя о времени выезда патруля. И еще, наша следующая встреча состоится в пятницу в десять утра, Трис.

Я прихожу в бешенство. Ведь я так и не расспросила его о том, о чем хотела. Впрочем, сейчас уже поздно сожалеть, поэтому я встаю и направляюсь к двери. Но Дэвид окликает меня:

— Трис, я должен быть откровенным с тобой и хочу, чтобы ты мне доверяла.

Впервые Дэвид выглядит почти испуганным, а его глаза широко открыты, как у ребенка. Но мгновение спустя это впечатление пропадает.

— Возможно, я был под влиянием коктейля из сывороток, — произносит он, — но я помню, что ты им сказала. Ты пообещала убить меня, лишь бы защитить то, что хранится в Оружейной лаборатории.

У меня перехватывает дыхание.

— Не беспокойся, — продолжает он. — Твое поведение явилось главной причиной, по которой я предложил тебе стать моим советником.

— Почему?

— Ты продемонстрировала качество, которое я наиболее ценю в своих сотрудниках: способность идти на жертвы ради общего блага. Если мы собираемся выиграть бой у генетических повреждений и сохранить экспериментальные города, мы и должны так поступать. Верно, Трис?

Меня охватывает гнев, но я заставляю себя кивнуть. Нита упоминала о том, что эксперименты могут быть прекращены. Но отчаяние Дэвида, желающего спасти дело своей жизни, не оправдывает убийства целой фракции. На мгновение я замираю в дверях, пытаюсь взять себя в руки, а затем решаю рискнуть.

— А что бы произошло, если бы они устроили второй взрыв и попали в Оружейную Лабораторию? — выпаиваю я. — Нита заявила, что тогда включатся дополнительные системы безопасности и все такое.

— Сыворотка была бы распылена в воздухе. Даже маски не защитили бы нас от нее, потому что она впитывается в кожу, — отвечает Дэвид. — Никто, даже генетически чистые не смогли бы ей сопротивляться. Не имею понятия, как Нита узнала об этом. Сведения совершенно секретны. Полагаю, мы найдем источник утечки.

— Что делает подобная сыворотка?

Его улыбка превращается в гримасу.

— Скажем, так: Нита предпочла бы просидеть в тюрьме до конца своей жизни, чем контактировать с ней.

Тут он прав. Ни убавить, ни прибавить.



— Смотрите, кто у нас, — ерничает Питер. — Предатель пришел.

На его кровати и прямо на полу разбросаны географические карты. Они белые, бледно-голубые и зеленые. Они притягивают мой взгляд. На каждой из них Питер нарисовал неровный кружок вокруг нашего города — Чикаго. Он отметил единственное место, где до сих пор побывал. Я смотрю на круги, пока они не превращаются в моей голове в красные пятна, похожие на капли крови. Не выдерживаю и отворачиваюсь. Значит, и я такой же маленький в этом мире.

— Если ты думаешь, что достиг небывалых моральных высот, по сравнению со мной, то сильно ошибаешься, — холодно говорю я Питеру. — Зачем тебе карты?

— У меня возникли проблемы с восприятием действительности, — фыркает он. — Люди из Бюро помогают мне узнать обо всем побольше. Океаны, планеты, звезды...

Несмотря на его небрежный тон и судя по безумной мазне, мне ясно, что у него не обычный интерес, а настоящая одержимость. Я его понимаю — я сам был точно так же одержим своими страхами, без конца пытаюсь их преодолеть.

— И как? Помогает? — спрашиваю я.

А ведь прежде я никогда не трепался с Питером просто так. Раньше мы лишь орали друг на друга. Наверное, он не заслуживал такого отношения, но факт в том, что

я действительно ничего о нем не знаю. Я с трудом вспоминаю его фамилию. Хейс. Питер Хейс.

— Вроде бы, — хмыкает он и берет одну из самых больших карт.

На ней изображен земной шар, похожий на круто замешанное тесто. Я разглядываю ее, и начинаю потихоньку разбираться в том, что вижу. Синим цветом изображены водные пространства, тогда как суша — разноцветная. В одном месте на суше поставлена красная точка. Питер тыкает в нее пальцем:

— Крошечный кружок покрывает все места, в которых мы с тобой когда-либо были. Ты мог бы уничтожить этот микроскопический участок земли, утопить его в океане, и никто ничего не заметит.

— Ты прав. Ну и что? — и я чувствую, как боязнь собственной ничтожности снова просыпается во мне.

— Как ну и что? — восклицает он. — Какое тогда имеет значение все, что я когда-нибудь говорил или делал? Да никакого.

— Нет, — возражаю я. — Неважно, что земля заполнена множеством людей. Мы очень разные, и поэтому то, что вносит каждый из нас, неповторимо.

Он отрицательно мотает головой. Мне становится любопытно, не пытается ли он подобным образом убедить самого себя, что те гадости, которые он совершил, на самом деле не имеют значения. Похоже, гигантские размеры планеты приводят его в восхищение. Он за просто может затеряться и не нести ответственности за свои поступки.

Он наклоняется, чтобы развязать шнурки.

— А твои фанаты подвергли тебя остракизму?

— Ничего подобного, — говорю я автоматически, но затем природная честность берет верх. — Возможно. Только они не мои фанаты.

— Ладно тебе. Они исповедуют культ Четырех.

— Ревнуешь? — не могу удержаться от смеха. — Хочешь основать свой собственный культ психопата?

— Если бы я был психопатом, то давно бы убил тебя, пока ты спишь, — он корчит жуткую рожу.

— И, наверняка, добавил бы мои глазные яблоки к своей коллекции?

Мы с Питером хохочем. Что со мной? Я шучу и праздно болтаю с человеком, выколовшим глаз Эдварду и пытавшимся убить мою подругу. Если я могу ее теперь так называть. С другой стороны, он тот, кто помог нам закончить симуляцию атаки и опять-таки спас Трис от смерти. Может, мне лучше вообще забыть о прошлом и начать все с начала?

— Не хочешь присоединиться к нашей маленькой группе? Правда, нас люто ненавидят остальные, — заявляет Питер. — Пока мы с Калемом являемся единственными ее членами. Но, учитывая, как легко можно стать врагом этой девчонки, уверен, наши ряды будут расти день ото дня.

— Конечно, — зло отвечаю я, — и поэтому ее надо было убить?

Мое сердце сжимается. Я ведь сам чуть не погубил ее. Если бы она оказалась ближе к месту взрыва, то, вероятно, как и Юрайя, лежала бы в коме, опутанная трубочками. Неудивительно, что она сомневается в том, хочет ли со мной остаться.

Легкомысленность, владевшая мной минуту назад, моментально исчезает. Питер нисколько не изменился. Это по-прежнему тот же самый человек, который был готов калечить и уничтожать ради того, чтобы подняться на вершину фракции. Но я не смогу забыть и того, что сделал сам.

Питер прислоняется к стене и барабанит пальцами по животу.

— Короче, если уж она решила, что кто-то — ничтожество, все, прямо как попугаи, повторяют ее речи за ней. Станный талант для того, кто раньше был заурядным лихачом, не так ли? Не слишком ли много власти для обычного человека?

— Она не пользуется своими способностями, чтобы манипулировать другими людьми, — возражаю я, — просто всякий раз оказывается, что она — права.

— Ну-ну, — он прикрывает глаза.

Мне кажется, что я сейчас лопну от раздражения. Я хочу сбежать от Питера с его картами и красными кругами, вот только я не знаю куда.

Я считал, что Трис наделена особым даром, о котором она сама явно не подозревает. Но, в отличие от Питера, я никогда ее не боялся, потому что всегда чувствовал себя сильнее ее. Ее талант не влиял на мои чувства к ней. Теперь я потерял сознание своего превосходства, и меня притягивает к Трис моя собственная обида.

Я захожу в атриум. Солнечные лучи бьют прямо в окна. При дневном свете цветы выглядят дико и прекрасно, как первые Божественные творения, неподвижно застывшие во времени. сюда же вбегает Кара, ее растрепанные волосы падают на лоб.

— Вот ты где. Здесь легко потеряться.

— Что случилось?

— Ты как, Четыре?

— Я в порядке. Что произошло? — до боли закусываю губу.

— У нас будет встреча, ты должен присутствовать.

— У кого это «вас»?

— «ГП» и те, кто нам сочувствует. Те, которые не хотят позволять Бюро делать кое-какие вещи, — объясняет она, наклонив голову. — Но на этот раз соберутся куда лучшие конспираторы, чем те, с которыми ты тогда связался.

Интересно, кто ей разболтал?

— Тебе рассказали о симуляции атаки?

— Ха. Я сама исследовала сыворотку симуляции в микроскоп, когда Трис показала мне ее, — отвечает Кара.

— Понятно. Нет, я не собираюсь снова влезать в эти дела.

— Не будь дураком, Тобиас, — восклицает она. — То, что тебе рассказали, по-прежнему правда. Люди из Бюро несут ответственность за гибель большей части альтруистов, ментальное порабощение лихачей и уничтожение нашего образа жизни.

Я не уверен, что хочу оказаться в одной комнате с Трис. Мы с ней находимся на грани разрыва. Когда ее нет рядом, проще делать вид, что все не так. Но Кара настолько уверена, что я поневоле вынужден с ней согласиться.

Она берет меня за руку и тянет обратно в коридор. Мне становится тревожно. Но я испытываю потребность что-то сделать. Какая-то часть меня довольна новым

шансом повлиять на ситуацию, вместо того чтобы погрузиться в пассивное наблюдение за происходящим в нашем городе.

Когда она убеждается, что я никуда не убегу, она выпускает мою руку и заправляет за уши выбившиеся пряди.

— Мне до сих пор дико видеть тебя не в синем, — задумчиво говорю я.

— Настало время принять изменения, — заявляет она. — И я не вернусь назад.

— Разве ты не скучаешь по фракциям?

— Скучаю, конечно, — удивленно смотрит она на меня.

После смерти Уилла прошло уже много времени. И глядя на нее, я не вспоминаю больше ее брата, а вижу саму Кару. Ведь я знаю ее гораздо дольше, чем его. В ней тоже есть нечто от его добродушия: Кару можно поддразнивать без риска оскорбить.

— У эрудитов я чувствовала себя прекрасно. Сообщество людей, посвятивших жизнь изобретениям и открытиям... Но когда я узнала, как велик наш мир... Полагаю, я просто выросла из коротких штанишек моей фракции, — улыбается она. — Скажешь, звучит высокомерно?

— Какая разница?

— Для некоторых людей форма имеет значение. Здорово, что ты не такой.

Не могу удержаться от замечания, что форма некоторых людей производит на нас не самое лучшее впечатление, мягко говоря. Меня, ненавидели и избегали, как сына Эвелин Джонсон, предводительницы бесфракцион-

ников. Сейчас это мешает мне даже сильнее, чем прежде, и я не обвиняю их. Как ни крути, но я предал их всех.

— А ты не обращай внимания, — говорит Кара. — Они не способны понять, что значит принимать трудные решения.

— Ты так не поступила бы, я уверен.

— Только потому, что меня учили быть осторожной, если я не обладаю достаточной информацией, а тебе, напротив, вдалбливали, что всякий риск достоин награды, — произносит она.

— Но в данном случае награды не будет.

Она останавливается перед дверью в лабораторию Мэтью и его начальника и стучит. Ей открывает Мэтью, как всегда грызущий яблоко. Мы проходим за ним в ту самую комнату, где мне объяснили, что я не дивергент.

Трис стоит рядом с Кристиной, глядящей на меня так, будто я — какая-то гниль, которую надо немедленно выбросить. В углу притулился Кaleb, лицо которого украшено шикарными синяками. Я хочу спросить, что с ним приключилось, но замечаю, что костяшки пальцев Трис ободраны и она подчеркнуто отворачивается от него. От меня, кстати, тоже.

— Итак, мы в сборе, — объявляет Мэтью. — Ну... сейчас... Трис, я в этом не секу, если честно.

— Точно, — весело говорит она, и я чувствую укол ревности.

Она откашливается:

— Все мы знаем, что эти люди несут ответственность за нападение на альтруистов и что мы не можем больше доверять им защиту нашего города. Мы уверены, что хотим повлиять на ситуацию, а также в том, что пре-

дыдущая попытка была... — ее глаза останавливаются на мне с уничтожающим презрением. — ...опрометчивой. Думаю, мы можем сделать лучше, — заканчивает она.

— Что конкретно ты предлагаешь? — осведомляется Кара.

— Я собираюсь вывести их на чистую воду, — продолжает Трис. — Резиденция не может быть в курсе интриг своих руководителей, и мы должны показать остальным их истинное лицо. Надеюсь, тогда они выберут новых лидеров, таких, кто не будет относиться к нам как к расходному материалу. Например, можно использовать сывортку правды, чтобы заставить их признаться...

Вспоминаю ощущение муторной тяжести, заполнившее меня, мои легкие, желудок, голову... Тогда меня потрясло, что Трис сопротивлялась сывортке и лгала.

— Не сработает, — выпаиваю я. — Они «ГЧ», не забыла? Генетически чистые могут устоять против химии.

— Не совсем, — вмешивается Мэтью, теребя шнурок на своей шее. — Далеко не каждый дивергент устойчив к сывортке правды. Насколько я помню, такое удалось одной Трис. Данная способность может быть повышенной у некоторых людей, к примеру, у Тобиаса. Именно поэтому я пригласил тебя, Калев. Ты участвовал в разработке формулы. Вероятно, вместе мы сумеем разработать идеальный коктейль.

— Но я не хочу этим заниматься, — возражает Калев.

— Заткнись... — начинает Трис, но Мэтью прерывает ее.

— Пожалуйста, Калев, — просит он.

Кaleb и Трис обмениваются взглядами. Кожа на его лице и ее кулаках почти одинакового цвета, — фиолетово-сине-зеленая, словно раскрашенная чернилами. Чего только не происходит, когда братья и сестры не ладят друг с другом и не могут найти общий язык. Кaleb приваливается к столу, припав затылком к металлическому шкафу.

— Хорошо, — бурчит он. — Но только если ты обещаешь не использовать ее против меня, Беатрис.

— Зачем? — бросает ему Трис.

— Я могу помочь, — поднимает руку Кара. — Я — тоже эрудит и работала над сыворотками.

— Класс, — хлопает в ладоши Мэтью. — А наша Трис будет пока играть в шпионов.

— А я? — спрашивает Кристина.

— Я надеялась, что вы с Тобиасом войдете в контакт с Реджи, — отвечает Трис. — Дэвид не рассказал мне подробно о дополнительных мерах безопасности в Оружейной Лаборатории, но Нита не может быть единственной, кто обладает информацией.

— Ты хочешь, чтобы я общалась с парнем, установившим взрывчатку, из-за которой Юрайя теперь в коме? — возмущается Кристина.

— Я не заставляю тебя подружиться с ним, — возражает Трис, — надо лишь вывести у него кое-что. Тобиас тебе поможет.

— Мне не нужен Четыре, — заявляет Кристина.

Она ерзает на кушетке, разрывая под собой бумажную простыню, и кидает на меня ядовитый взгляд. Подозреваю, что я также напоминаю ей о Юрайе. У меня к горлу подкатывает ком.

— Я тебе пригожусь. Хотя бы потому, что Реджи мне доверяет, — убедительно произношу я. — Люди в Бюро скрытные, необходимо действовать тонко и осторожно.

— Я буду осторожна, — ворчит Кристина.

— У тебя не получится.

— В точку, — примиряюще улыбается Трис.

Кристина пихает ее в плечо.

— Если все решено, то... — начинает Мэтью. — Думаю, мы должны встретиться снова после того, как Трис посетит в пятницу заседание Совета. Сходка ровно в пять.

И он заводит с Карой и Калемом разговор о химических соединениях, то есть о том, в чем я не разбираюсь. Кристина выскакивает наружу, оттолкнув меня от двери. Трис направляется следом за ней.

— Трис, — окликаю ее я.

— Ну, что еще? — огрызается она, но останавливается.

Мы вместе выходим в коридор. Ждем, пока все разойдутся. Трис съезжилась, будто пытается стать совсем маленькой и вообще исчезнуть. Пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз целовал ее, и не могу.

Наконец, мы одни. Нас обволакивает тишина. Мои руки начинают неметь, пальцы — покалывать. Я в панике.

— Как ты думаешь, ты сможешь меня простить? — спрашиваю я.

— Не знаю, — качает она головой и добавляет: — Мне надо все взвесить.

— Но ты ведь понимаешь, что специально я никогда не стал бы причинять Юрайе зло, — бормочу я. — Ни ему... ни тебе.

Она постукивает ногой по полу, потом кивает.

— Но я должен был действовать.

— Пострадало много людей, — говорит она. — И ты опять мне не поверил. Тобиас... хуже всего то, что ты решил, что мной руководит мелочная ревность. Я, значит, бестолковая шестнадцатилетняя девчонка?

— Нет, Трис, — возмущаюсь я. — Я подумал, что ты слегка пристрастна.

— Такого вполне достаточно, — она задумчиво накручивает на палец прядь волос. — Ты не уважаешь меня вопреки тому, что сам утверждаешь. Когда доходит до дела, ты начинаешь считать, что я не способна думать логически.

— Чушь, — горячо протестую я. — Но мне сейчас интересно, что тебя больше волнует: то, что я сделал глупость, или то, что я не послушал тебя?

— О чем ты?

— Когда ты говорила, что мы должны быть честны друг с другом, ты просто мечтала о том, чтобы я вечно с тобой соглашался.

— Тобиас! Ты поступил неправильно и...

— Да, я идиот, — кричу я и сам себе удивляюсь.

Откуда взялась моя ярость? Не знаю. Наверное, из самой глубокой части моей души — вспыльчивой, истовой и порочной.

— Я совершил огромную ошибку, — продолжаю я. — Брат моего лучшего друга практически умер. А ты строишь из себя властолюбивую мамочку и наказываешь меня за непослушание. Трис, хватит мне указывать на мои промахи!

— Прекрати на меня орать, — тихо произносит она и, наконец, поднимает на меня взгляд.

Раньше в ее глазах я видел многое: и любовь, и тоску, и любопытство, но сейчас в них пылает гнев.

— Брось, Тобиас...

Ее голос мгновенно прекращает мое словоизлияние, и я прислоняюсь к стене и сую руки в карманы. Не хотел я ни кричать, ни злиться. Я в ужасе смотрю, как по ее щекам текут слезы. Она же сто лет не плакала. А сейчас она всхлипывает, едва сдерживая рыдания.

— Дай мне немного времени, — шепчет она, задыхаясь при каждом слове.

— Хорошо.

Она медленно уходит прочь по коридору. Смотрю на ее белокурую головку, пока Трис не исчезает за поворотом. Я чувствую себя обнаженным, будто на мне нет ничего, что бы могло защитить меня от адского холода. Ее отсутствие леденит мне сердце.



34

Трис

— Трис, привет, — улыбается мне Амар. — Я выдам тебе твой жилет.

— Мой... что?

Как мне сообщил вчера Дэвид, патруль собирает-ся взять меня с собой в Округу. Не представляю, что ожидать от «прогулки», поэтому начинаю нервничать. Впрочем, я измоталась за последние дни и не в силах придавать значение всяким нервам.

— Бронежилет. Округа — опасное место, — объясняет Амар и лезет в ящик, перебирая стопку толстых черных жилетов, чтобы найти подходящий мне по размеру.

В конце концов, выживает один. Но он мне явно великоват.

— К сожалению, других у нас нет. Но не волнуйся, он защитит тебя. Подними руки.

Он надевает на меня бронежилет и подтягивает по бокам ремни.

— Не думала, что меня будешь сопровождать именно ты, — говорю я.

— А чем, по-твоему, я занимаюсь в Бюро? Дурака валяю? — заявляет он. — Я ведь опытный лихач. Работаю в службе безопасности, как и Джордж. Обычно мы охраняем Резиденцию, но когда кто-то желает пройтись по Округе, я — легок на помине.

— Вы мне, что ли, косточки перемываете? — усмехается Джордж. — Здорово, Трис. Надеюсь, он тебе ничего особо пакостного не наговорил?

Джордж кладет руку на плечо Амара, и они улыбаются друг другу. Сейчас Джордж уже оправился. Однако горе наложило отпечаток на его лицо: в уголках его глаз проступают морщинки, его щеки — немного запали.

— Надо дать ей пистолет, — говорит Амар. — Обычно мы не выдаем оружие потенциальным членам Совета, они и стрелять не умеют. Но ты — другое дело.

— Не нужно мне никакого оружия, — протестую я.

— Ты — меткая, — говорит Джордж. — А нам может понадобиться помощь еще одного лихача.

Спустя минуту я уже вооружена, и мы с Амаром направляемся к пикапу. Устраиваемся сзади. Джордж и

женщина по имени Энн — посередине, а два старших офицера службы безопасности, Джек и Вайолет, — спереди. Кузов покрыт твердым черным материалом. Двери снаружи — угольно-черные, но изнутри они совершенно прозрачны, и через них мы запросто видим окрестности. Я оказываюсь между Амаром и каким-то снаряжением, которое мне очень мешает. Когда машина трогается с места, Джордж поворачивается к нам и подмигивает.

Мы едем мимо садов и хозяйственных построек, вдали виднеются неподвижные белые самолеты. Достигаем забора, и нам открывают ворота. Джек докладывает охраннику о том, куда мы собираемся и что находится в пикапе, при этом часть слов мне непонятна. Нас выпускают наружу.

— А каковы цели патрулирования? — спрашиваю я. — Помимо того, чтобы показать мне, как все у вас функционирует.

— Наблюдение за Окраиной. Это — ближайшее посещение генетически поврежденных за пределами Резиденции. В основном мы изучаем их поведение, — отвечает Амар. — Но после нападения Дэвид и Совет решили, что необходим более пристальный надзор, чтобы предотвратить подобные случаи в будущем.

Мы минуем груду руин. Точно такие же были в покинутой части города. Здания обрушились под собственным весом, и сквозь обломки проросли сорняки, пробирающиеся своими побегами даже бетон. Я совершенно не знаю Амара и не могу доверять ему, но мне интересно услышать его мнение. Его старые друзья были «ГП», неужели он теперь считает, что они — ущербны?

— Значит, ты веришь в то, что проблемы начались из-за генетически поврежденных?

— А разве нет? — удивляется Амар. — В течение долгого времени на земле царил мир. До Войны за Чистоту ведь никто не устраивал таких безобразий, правда?

Он машет рукой, показывая на окружающие нас пейзажи.

— Мне трудно вообразить нарисованную тобой идиллическую картину, — парирую я.

— У тебя просто мрачный взгляд на человеческую природу, — усмехается он.

Я молчу, и Амар продолжает:

— В любом случае, если бы что-то подобное случилось раньше, Бюро бы, конечно, узнало.

Какой же он наивный. Он когда-то жил в нашем городе и понимал, сколько вокруг вранья. Эвелин пытается контролировать людей с помощью грубой силы, Джанин была хитрее. Она знала, что, если ты владеешь информацией и способен манипулировать ею, тебе не понадобятся пушки. Тогда люди подчиняются тебе добровольно. Вероятно, Бюро и правительство в этом поднаторели: они убеждают людей, что те счастливы жить под их мудрым руководством.

Мы умолкаем, тишину нарушают лишь непрерывный гул двигателя да громохание оборудования. Сначала я внимательно рассматривала каждое здание на нашем пути, пытаясь угадать, но теперь они сливаются в единый фон. Наверное, это и есть та самая «разруха»?

— Почти добрались, — объявляет Джордж. — Скоро остановимся. Каждый из нас возьмет необходимую технику, кроме Амара, конечно. Его задачей будет охрана

Трис. А ты, Трис, можешь выйти вместе с нами, но не отдаляйся от Амара.

Я чувствую, что на пределе, и любая мелочь запросто выведет меня из себя. Округа. Место, куда моя мать сбежала после того, как стала свидетелем убийства. Здесь ее нашел и спас Дэвид, уверенный, что у нее — здоровый генетический код. В каком-то смысле в Округе началась моя биография. Пикап тормозит. Амар распахивает двери и с пистолетом наготове прыгает на землю. Мы следуем за ним.

Домики тут низенькие и самодельные. Они собраны из металлолома, обрывков брезента и похожи на кучи мусора. В узких проходах между ними я замечаю людей. Больше всего — детей. Они торгуют с лотков мелочевкой, таскают ведра с водой или готовят на кострах еду. Увидев нас, они разбегаются, а один мальчишка кричит:

— Рейд.

— Не беспокойся, — говорит мне Амар. — Они думают, что мы — солдаты. Те иногда устраивают рейды, чтобы отловить беспризорников и отправить их в приюты.

Едва удостоив вниманием его жалкое объяснение, я направляюсь к ближайшему проулку. С нашим приближением все попрятались или заперлись в своих халупах, накрытых брезентом, а то и просто картоном. Через щели в стенах видно, что обстановка представляет собой пирамиды консервных банок и матрасы на полу. А как они здесь выживают зимой? Как они моются? Вспоминаю о саде в атриуме Резиденции, о паркетных полах и мягких кроватях в пустом отеле и спрашиваю:

— Вы хоть чем-нибудь им помогаете?

— Мы считаем, что лучший способ помочь нашему миру — это исправление генетических недостатков, — произносит Амар, явно цитируя какого-то деятеля. — Кормить людей значит пытаться перевязать огромную рану крошечной ленточкой. Возможно, на некоторое время она и остановит кровотечение, но не зарубцуется.

Я мрачно качаю головой. Теперь начинаю понимать, почему моя мать присоединилась к альтруистам вместо того, чтобы войти во фракцию эрудитов. Если бы она хотела обезопасить себя от скверны эрудитов, она, возможно, выбрала бы Товарищество или стала правдолюбом. Но она предпочла спасти нуждающихся. Мама действительно заботилась о бесфракционниках. Наверняка они напоминали ей об Округе. Отворачиваюсь от Амара, чтобы он не увидел мои слезы.

— Давай вернемся обратно.

— Ты в порядке?

— Да.

Вдруг до нас доносятся выстрелы и крик:

— На помощь.

Местные разбегаются в разные стороны.

— Это Джордж, — восклицает Амар и ныряет в загоулок направо.

Несусь за ним, но вскоре теряю его в лабиринте халуп и остаюсь одна. Несмотря на мою альтруистическую реакцию сочувствия к людям, живущим здесь, меня охватывает страх. Если они прозябают в таких же безнадежных условиях, как наши бесфракционники, то мне есть чего опасаться.

Кто-то хватает меня за руку и тащит под один из алюминиевых навесов. Стены внутри затянуты синим

пластиковым брезентом, который служит для защиты от дождя, на полу — фанера. Передо мной — невысокая худая женщина с измученным лицом.

— Не надо тебе там стоять одной, — бормочет она. — Они готовы наброситься на любого, неважно, молод он или стар.

— Кто?

— У нас в Округе полно всяких нехороших людей. Многие настолько обозлены, что способны убить любого, кого посчитают своим врагом. Впрочем, не все из нас озверели до такой степени.

— Спасибо за помощь, — благодарю я. — Меня зовут Трис.

— Эми. Садись.

— Мне пора, — возражаю я, — Снаружи — мои друзья.

— Тебе надо переждать. Сейчас наша саранча сбежит-ся туда, и тогда ты сможешь подкрасться к ним сзади.

Ее речь звучит логично, я устраиваюсь прямо на полу. Пистолет упирается мне в ногу, а бронежилет настолько жесткий, что трудно наклоняться, но я делаю все возможное, чтобы выглядеть расслабленной. Раздаются чьи-то вопли. Эми отгибает уголок брезента и наблюдает за обстановкой.

— Значит, ты и твои друзья — не солдаты? — осведомляется она. — Вы из Генетической Защиты?

— Нет. То есть, они — да, а я — из города. Я имею в виду из Чикаго.

Брови Эми ползут вверх.

— Черт меня побери. Они закрыли эксперимент?

— Еще нет.

— Жаль.

— Почему? — хмурюсь я.

— Знаешь, девочка, Чикаго — это символ того, что кое-кто продолжает верить в необходимость лечения генетически поврежденных, которые и людьми-то не считаются. Так что извиняться за свои слова я не буду.

Не думала о проблеме Города в подобном аспекте. Мне, напротив, казалось, что Чикаго надо во что бы то ни стало сохранить. Странно, но прежде я не понимала, что само существование Чикаго вредит обитателям Окружи и тем, кто не желает, чтобы их оценивали только на основании генетики.

— Ладно, — бурчит Эми, опуская брезент. — Ваши, вероятно, сейчас на северо-западе отсюда.

— Еще раз спасибо, — говорю я.

Она кивает мне, и я выбираюсь из ее импровизированного дома, фанера скрипит у меня под ногами.

Без остановки мчусь по узким проходам, радуясь тому, что народ разбежался еще при приближении нашего пикапа. Перепрыгиваю через лужи, — даже думать не хочу о том, что тут разлито. Наконец, оказываюсь в сумрачном закутке. Высокий худой подросток целится в Джорджа.

Группа людей окружает мальчишку с пистолетом. Вокруг валяется растоптанное и разломанное оборудование для наблюдения. Джордж замечает меня, но я быстро прикасаюсь пальцем к губам. Стрелок меня пока не видит.

— Лучше опусти пушку, — заявляет Джордж.

— Еще чего, — отвечает мальчишка.

Его светлые глаза в панике мечутся между Джорджем и толпой.

— Тогда, может, разойдемся мирно? А пистолет возьми себе.

— Нет. Выкладывай, куда вы отвезли наших!

— Мы никого никуда не отвозили, — убеждает его Джордж. — Мы не солдаты, а ученые.

— Как же, ученые, — издевательски бросает мальчишка. — А бронежилеты? В таком случае, я — самый богатый в Штатах. Давай признавайся.

Я осторожно прячусь под одним из навесов, прицеливаюсь и кричу:

— Эй, ты!

Толпа мгновенно оборачивается на меня, но подросток и не думает отводить дуло от Джорджа, на что я надеялась.

— Ты у меня на мушке, — продолжаю я. — Вали отсюда, я тебя не трону.

— Я сейчас в него выстрелю, — кричит тот.

— Тогда я разнесу тебе башку, — отвечаю я. — Мы просто работаем на правительство. Мы не знаем, где ваши люди. Если ты егопустишь, мы отправимся во-свояси. Но если ты убьешь его, я гарантирую тебе, что сюда придут настоящие бойцы, и уж они-то с вами церемониться не будут.

В этот момент во дворик вбегает Амар. Кто-то из толпы орет: «Да их тут много!», и все мгновенно разлетается. Мальчишка кидается в ближайший проход. Но я держу оружие наготове. Вдруг они решат вернуться? Амар обнимает Джорджа, и тот похлопывает его по спине.

— Ты до сих пор сомневаешься, что генетически поврежденные виноваты в наших бедах? — спрашивает у меня Амар.

Я молчу. Прохожу мимо очередного навеса. Маленькая девочка сидит на корточках у самой двери, обхватив коленки. Она уставилась на меня через щель в слоях брезента и поскуливает от страха. А кто научил местных так бояться солдат? Почему мальчишка настолько их ненавидит, что был готов стрелять?

— Да, — в конце концов, говорю я. — Сомневаюсь.

У меня есть кое-кто получше на роль обвиняемого.

Мы бредем к пикапу. Джек и Вайолет настраивают камеру наблюдения, пока не украденную и не разбитую местными. Вайолет зачитывает Джеку длинный список цифр со своего планшета, а тот вводит их в свой.

— Где гуляли, ребята? — интересуется он.

— На нас напали, — произносит Джордж. — Нам надо сматываться.

— К счастью, это был последний набор координат, — отвечает Вайолет. — Можем отправляться.

Снова забираемся в машину. Амар захлопывает дверцы, а я вручаю ему свой пистолет, довольная, что избавилась от оружия. Вот уж не думала, просыпаясь сегодня утром, что буду целиться в отчаянного подростка. Впрочем, я и не представляла здешних условий.

— В тебе говорит альтруист, — заявляет Амар, — Именно их воспитание заставляет тебя ненавидеть Бюро.

— Меня много чего заставляет, помимо специфического воспитания.

— Но я заметил то же самое и в Четыре. Альтруисты — серьезные люди. Они автоматически воспринимают все как повод к немедленному вмешательству. Тех, кто переходил во фракцию лихачей, я делю на определенные типы. Эрудиты, как правило, становятся без-

жалостными и свирепыми. Правдолюбцы — абсолютно безбашенными, я бы даже сказал, — адреналиновыми наркоманами. А вот альтруисты — настоящими борцами, прямо-таки революционерами.

И, помолчав, добавляет:

— Если бы Четыре больше верил в себя, он бы тоже стал таким. Кстати, Трис, из него бы получился отличный, хороший лидер, если бы не его заморочки.

— Наверное, ты прав, — отвечаю я. — Он вечно пытается идти за кем-то вроде Ниты или Эвелин и всегда попадает в беду.

Амар согласно кивает. А как насчет меня самой? Разве я бы не хотела, чтобы Тобиас меня слушался? Конечно, нет. Хотя, кто меня знает?

Увиденное постепенно начинает доходить до моего сознания. И я начинаю воображать, что та девочка — это моя мать. Она прячется в лачуге, задыхается от дыма костров зимой, дерется, делает, что угодно, лишь бы уцелеть. Потом ее спасают люди из Бюро, на которое она, в результате, проработала до конца своих дней. Забыла ли она о том, откуда пришла? Вряд ли. Ведь мама пыталась помочь бесфракционникам. Может, это было не просто выполнением обязанностей альтруиста? Моя голова буквально раскалывается, и я, как за соломинку, хватаюсь за первую попавшуюся мысль.

— А ты и Тобиас являлись близкими друзьями?

— А у него что, такие есть? — хмыкает Амар. — Я дал ему новое имя. Я сумел распознать терзавшие его страхи и подумал, что он справится со своими кошмарами и начнет новую жизнь. И я назвал его Четыре. Но мы с ним вовсе не были... скажем так — не разлей вода.

Амар откидывается на стенку кузова, закрывает глаза, и на губах его появляется слабая улыбка.

— Понятно, — говорю я. — Он тебе... нравится?

— Почему спрашиваешь?

— Ничего личного, — пожимаю я плечами.

— Сейчас в моих чувствах к нему нет ничего такого, на что ты намекаешь. Но в свое время подобные мысли у меня возникали, но потом мне стало ясно, что он на мои чувства не ответит, и я отступил, — объясняет Амар. — Я бы предпочел, чтобы ты не проболталась.

— Тобиасу? Разумеется.

— Нет, я имею в виду, вообще никому, — и он смотрит в затылок Джорджа.

Я киваю. Впрочем, я не особенно удивлена, что их с Джорджем тянет друг к другу. Оба они — дивергенты, которые вынуждены были разыграть собственную смерть, чтобы выжить. И Амар, и Джордж — аутсайдеры в чужом для них мире.

— Трис, — продолжает Амар, — Бюро одержимо идеей продолжения человеческого рода и передачи другим поколениям здоровых генов. Мы с ним — «ГЧ», и то, что мешает хорошему генокоду... Это не очень поощряется.

— Ага, — бормочу я, криво улыбаясь. — Насчет меня не волнуйся.

— Спасибо, — искренне отвечает Амар.

И мы опять сидим в тишине, наблюдая, как руины смазываются в бесформенные пятна по мере того, как пикап ускоряет ход.

— Я думаю, вы с Четыре очень подходите друг другу, — изрекает он.

Не хочется объяснять ему, что мы с Тобиасом — на грани разрыва. Поэтому я переспрашиваю:

— Да?

— Точно. Видно, как ты на него влияешь. Ведь до знакомства с тобой Четыре был совершенно другим человеком: бешеным, агрессивным, опасным.

— Бешеным?

— Именно.

— А может... — я делаю паузу, — ...храбрым?

— Конечно. Но и чуточку сумасшедшим, не так ли? Я имею в виду то, что большинство лихачей предпочло бы прыгнуть в Яму, чем продолжить посещать комнату страхов. Есть храбрость, а есть — мазохизм, а иногда границы между тем и другим несколько размыты.

— Знаю, — ворчу я.

— И я тоже, — усмехается Амар. — Но когда настолько разные люди путаются вместе, ничего, кроме головной боли не выходит. Но вы, ребята, полезны друг другу.

— Путаются, говоришь? — морщусь я нос.

Амар переплетает пальцы и крутит ладонями, дабы проиллюстрировать свою формулировку. Я улыбаюсь, но сердце мое щемит от боли.



35

Тобиас

Иду к стульям и креслам, расставленным у окон диспетчерской, и начинаю просматривать мониторы в поисках моих родителей. Первым делом нахожу Эвелин: она стоит в вестибюле штаб-квартиры эрудитов и шушука-

ется о чем-то с Терезой и каким-то бесфракционником. Они — ее ближайшие помощники. Увеличиваю громкость, но не могу ничего разобрать, кроме невнятного бормотания.

За окнами темнеет ночное небо — такое же, как и над моим бывшим городом. Разве что здесь, над Резиденцией, горят синие и красные огоньки, отмечающие взлетно-посадочные полосы аэродрома. Странно осознавать, что, несмотря на одно и то же небо у нас над головами, мы все абсолютно разные.

Сотрудникам диспетчерской уже сообщили, что я отключил систему безопасности, как и то, что одного из их товарищей убила сама Нита. Но они игнорируют меня, во всяком случае, пока я не приближаюсь к их рабочим местам. Просматриваю кадры, мелькающие на очередном мониторе. Может, я обнаружу Маркуса или Джоанну и пойму, что творится у верных?

Вот мост возле Супермаркета Безжалостности, Спайр, главный проспект сектора альтруистов, Втулка, Колесо обозрения и поля Содружества, на которых сейчас работают люди из всех фракций. Но ни одна из камер не транслирует мне того, что я хотел бы увидеть.

— Ты постоянно тут сидишь, — ко мне приближается Кара. — Страшно ходить по остальной части Резиденции, что ли?

А я действительно часто заглядываю в диспетчерскую. В основном, чтобы скоротать время в ожидании своего приговора от Трис. Еще жду, пока мне не расскажут о наших дальнейших планах по саботажу деятельности Бюро.

— Нет, — говорю я. — Слежу за родителями.

— Которых ты ненавидишь? — произносит она. — Теперь-то все встало на свои места. Да, в этом есть смысл.

— Они опасны, — возражаю я. — И никто, кроме меня, не понимает насколько.

— А что ты сможешь сделать, даже если они затеют нечто ужасное? Отправить дымовой сигнал?

Я молчу.

— Хорошо, — она поднимает руки в знак капитуляции. — Я просто пытаюсь напомнить тебе, что там больше не твой дом.

— Понял.

Никогда не думал, что кто-нибудь из эрудитов хоть что-то соображает в человеческих взаимоотношениях и эмоциях, но Каре в проницательности не откажешь. Я боюсь и поэтому пытаюсь скрыться от страха в прошлом. Тревожный симптом.

Снова прокручиваю назад изображение на мониторе, затем ставлю на паузу и мотаю вперед. В городе — толпа людей собирается вокруг здания, словно слетается стая черных птиц. Их движения выглядят отрепетированными.

— Они все-таки сделали это, — восклицает Кара. — Верные решили атаковать.

— Эй, вы, — кричу я сотрудникам в диспетчерской.

Женщина, которая всегда бросает на меня неприязненный взгляд, поднимает голову.

— Камера двадцать четыре. Быстро.

Она дотрагивается до своего монитора, и сотрудники молниеносно кидаются к ее месту.

Я обращаюсь к Каре:

— Позови остальных, ладно?

Она кивает и с дикими глазами вылетает из диспетчерской.

Вооруженные люди, сгрудившиеся у здания, не носят униформы. Стараюсь подобрать такой ракурс, чтобы узнать хоть кого-нибудь, но изображение не в фокусе. Они общаются друг с другом жестами, и видны только белые ладони, мелькающие в темноте.

Я начинаю постукивать ногтем по передним зубам. Через пару минут прибегает Кара со всеми нашими. Питер громко произносит: «Разрешите», и его пускают поближе.

— Что случилось? — спрашивает он у меня.

— Верные сформировали армию, — отвечаю я, кивая на экран. — Похоже, там народ от каждой фракции, даже от Товарищества и эрудитов.

— От эрудитов? — изумляется Калев.

— Верные являются врагами бесфракционников, — поясняет Кара. — Следовательно, у них общая цель: свергнуть Эвелин.

— А насчет Товарищества ты уверен? Что они тоже вступили в армию? — выпаливает Кристина.

— Они не участвуют в беспорядках, — уточняю я. — Но помогают.

— Верные впервые захватили оружейный склад несколько дней назад, — бросает нам молодая женщина, сидящая на соседнем кресле. — Тогда-то они и раздобыли себе пушки. Это уже второй налет. После первого раза Эвелин приказала спрятать боеприпасы в другое место, но кое-что они вывезти не успели.

И мой отец, и Эвелин знают: только оружие заставит людей подчиняться беспрекословно.

— А каковы их намерения? — интересуется Калек.

— Верные настроены вернуться к нашей первоначальной цели, — отвечает Кара со страстью. — Независимо от того, что означает отправка людей за пределы города, нужно следовать идеалам, завещанным нам Эдит Прайор. Мы ведь сами думали, что это очень важно, хотя сейчас понимаем, что ее слова были не совсем правдивы. Они собираются добиться восстановления фракций, нападая на укрепления бесфракционников. Кстати, мы с Джоанной обсуждали данный вопрос. Мы не думали о союзе с твоим отцом, Тобиас, но я полагаю, что она вынуждена так действовать.

Я почти забыл, что Кара сама являлась одним из лидеров верных. Не уверен, что ее беспокоит сохранение фракций, но она просто тревожится о людях.

Даже несмотря на болтовню, я слышу, как раздаются отрывисто звучащие выстрелы. Переключаю изображение на камеру, которая находится внутри здания. Туда как раз ворвались захватчики. Поблескивает стеллаж, на котором выстроились коробки с патронами и лежит небольшое количество пистолетов. Это — ничто по сравнению с запасами Резиденции, но в городе весьма ценно.

Несколько мужчин и женщин с повязками бесфракционников стерегут склад. Они быстро терпят поражение, задавленные превосходящими силами верных. Наконец, я вижу среди них знакомое лицо — Зик. Рукояткой пистолета он бьет в челюсть рослого охранника. Сопротивление бесфракционных преодолевается в

течение пары минут, выстрелы я замечаю только тогда, когда пули уже похоронены в плоти жертв.

Верные носятся по комнате, небрежно переступая через тела, и сгребают все, что могут. Зик собирает отобранные стволы и кидает их на стол. Я редко когда видел, чтобы Зик был настолько решителен. А он еще не знает, что случилось с Юрайей.

Женщина в кресле дотрагивается пальцем до экрана: появляются застывшие кадры наиболее интересных моментов захвата. Она снова касается стекла, и картинка увеличивается: человек с короткой стрижкой и женщина с длинными темными волосами. Маркус и Джоанна.

— Надо же, а они сумели привлечь лояльных членов фракций на свою сторону. Удивительно, что верные до сих пор не превзошли по численности бесфракционников, — удивляется сотрудница диспетчерской. — Впрочем, последних тоже оказалось больше, чем мы ожидали. Трудно подсчитать население, разбросанное по городу.

— Джоанна возглавляет восстание? С оружием в руках? Бред какой-то, — бурчит Калев.

Джоанна однажды сказала мне, что, если бы решение зависело от нее, она бы поддержала меры против эрудитов, несмотря на пассивность ее фракции. Но тогда она подчинилась — ей пришлось. Теперь, кажется, она превратилась в нечто большее, чем глашатай Товарищества или даже лидер верных. Она стала воином.

— Здесь есть смысл, — возражаю я Калебу, и Кара согласен кивает.

Смотрю, как они выносят со склада оружие и быстро двигаются дальше, рассеиваются в темноте, словно семена на ветру. Я чувствую себя тяжелым, будто тащу

неподъемный груз. Интересно, как наши воспринимают эти события? Кара, Кристина, Питер или Калев? Понимают ли они, что наш город еще сильнее приблизился к своему полному разрушению? Они могут притворяться, что не связаны с ним, поскольку живут в относительной безопасности Резиденции. Но мы ему принадлежали и всегда будем принадлежать.



36

Трис

Когда мы возвращаемся обратно, уже стемнело и идет снег. Хлопья летят над дорогой, как светлячки или сахарная пудра. Но завтра к полудню от снежинок не останется и следа. Вылезая из пикапа, я стаскиваю бронежилет. Хорошо, что я избавилась от оружия! Я думала, что дискомфорт со временем исчезнет, но, похоже, я ошибалась. Наверное, этого никогда не случится. Наверное, так и надо.

Теплый воздух овевает меня, когда я переступаю порог здания. После того, как я увидела Округу, Резиденция кажется мне чище и уютнее, чем прежде. И сравнение меня тревожит. Как я могу ходить по надраенным полам и носить наглаженную одежду, если я знаю, что другие люди накрывают свои дома брезентом, чтобы не замерзнуть?

Но когда я добираюсь до нашей комнаты в отеле, мои дерганные и невнятные мысли покидают меня. Оглядываясь в поисках Кристины или Тобиаса, но их нигде нет. Здесь только Питер и Калев. Первый сидит с толстой

книгой на коленях и строчит что-то в блокнот, Калев читает файлы нашей матери на планшете, его глаза словно остекленели. Пытаюсь не обращать на него внимания.

— Кто-нибудь из вас знает... — начинаю я, но не могу решить, о ком же спросить, о Кристине или о Тобиасе?

— Четыре, что ли? — отзывается Калев. — Он был в генеалогической комнате.

— Где?

— Там, где написаны имена наших предков на стене. Кинь мне какую-нибудь бумажку, а? — обращается он к Питеру.

Питер вырывает листок из блокнота и протягивает Калебу, который начинает рисовать какую-то схему.

— Между прочим, я видел имена и наших родителей. На правой стене, вторая панель от двери, — бурчит Калев и протягивает мне листок.

Смотрю на аккуратно выведенные буквы. Если бы я не избила его, Калев обязательно настоял бы на том, чтобы его пустили вместе со мной в Округу. А сейчас он держится на расстоянии. Может, боится меня, а может, сдался. И то, и другое мне крайне неприятно.

— Спасибо, — говорю ему. — А как... твой нос?

— Прекрасно, — усмехается он. — Думаю, что синяк мне идет — подчеркивает мои глаза, не правда ли?

Он чуть улыбается, и я тоже. Но ни один из нас не знает, что делать дальше, поэтому мы прячемся за завесу из слов.

— Слушай, тебя ведь сегодня не было в Резиденции? — выпаливает через секунду. — В городе началась заварушка. Верные восстали против Эвелин, напали на один из складов оружия.

Я замираю на месте. Я не интересовалась тем, что происходит в городе, уже несколько дней. Не слишком ли меня затанули здешние дела?

— Верные? — переспрашиваю я. — Люди во главе с Джоанной Рейес?

Я не сомневалась, что в городе вспыхнет новый конфликт. Что же, он действительно начался. Но я ничего не чувствую. Почти все, что меня в данный момент тревожит, находится в Бюро.

— Во главе с Джоанной и Маркусом, — уточняет Калев. — Причем Джоанна держала в руках пистолет. Забавно. А местные, кстати, обеспокоены.

— Ничего себе, — качаю я головой. — Нет, я предполагала, что это — вопрос времени, но...

Не зная, что еще сказать, мы оба замолкаем. Затем расходимся: Калев возвращается к своей койке, а я шагаю по коридору, следуя нарисованной им карте.

Еще издали замечаю генеалогическую комнату. Бронзовые двери как будто светятся. Застыв на пороге, я чувствую, что попала внутрь заката, — меня окружает янтарное сияние. Тобиас находится здесь и водит по линиям своей родословной, но как-то заторможенно, как будто не замечает того, что делают его руки.

Теперь я понимаю, о какой «одержимости» говорил Амар. Мне и прежде было известно, что Тобиас все время ходит в диспетчерскую наблюдать за своими родителями. А теперь он устался, как баран, на их имена, хотя наверняка видел их здесь уже много раз. Он действительно отчаялся достучаться до Эвелин и доказать, что он — «неповрежденный». Просто ума не приложу, что он сейчас чувствует. Ненавидит свою се-

мью и, одновременно, жаждет любви от людей, которые передали ему эту ненависть в наследство. Почему я прежде не замечала трещину в его душе и боль в сердце?

Калек передал мне слова нашей матери, которая считала, что зло сидит в каждом из нас. А первый шаг к тому, чтобы полюбить кого-то, — это признание факта, что зло — внутри нас, и только так мы можем научиться прощать. Разве я могу держать зло на Тобиаса, считая, что я лучше него, как будто я никогда не давала собственному безрассудству ослепить меня?

— Привет, — говорю я, засовывая листок с наставлениями Калеба в задний карман.

Тобиас оборачивается. На его лице застыло жесткое выражение. Оно мне знакомо. Именно так он обычно выглядел в первые несколько недель нашего знакомства: он будто постоянно пребывал на страже своих сокровенных мыслей.

— Тобиас, — начинаю я, — я обещала тебе, что подумаю, могу ли тебя простить или нет... Теперь я понимаю: тебе не за что просить у меня прощения. Ну если не считать подозрений в ревности к Ните.

Он хочет что-то сказать, но я жестом останавливаю его.

— Короче, дело совсем не в прощении, а в том, действительно ли мы подходим друг другу.

На обратном пути в Резиденцию я много размышляла. Вспоминала мать и отца, которые спорили чаще, чем любые другие родители из фракции альтруистов. Но всю свою жизнь они прожили вместе. Я стала сильной и уверенной. И Амар считает, что я смелая. Меня уважают, да и вообще я достойна любви.

— Что ты решила? — спрашивает Тобиас дрожащим голосом.

— А вот что: ты — единственный человек, достаточно толстокожий, чтобы выдержать мою колючесть.

— Я-то справлюсь, — произносит он подчеркнуто суровым тоном.

Я целую его, а он обнимает меня и притягивает к себе. Я приподнимаюсь на цыпочках, утыкаюсь лицом в его плечо и закрываю глаза, вдыхая его свежий запах — это аромат ветра.

Раньше я думала, что, когда люди влюбляются, время для них будто замирает. Но мне кажется, что все по-другому. Я люблю Тобиаса, поэтому и остаюсь рядом с ним. Каждый раз, когда мы ссоримся или лжем, обижаем друг друга или миримся, я снова и снова выбираю его, а он — меня.



37

Трис

Когда мои часы показывают ровно десять, я прихожу в офис Дэвида на свое первое заседание Совета. Дэвид как раз выезжает из дверей кабинета на инвалидной коляске. Он выглядит очень бледным, а под глазами у него — темные круги.

— Привет, Трис, — здоровается он. — Ты вовремя. Не терпится, да?

В моем теле до сих пор разлита тяжесть сыворотки правды. Кара, Калев и Мэтью проверяют на мне действие своих разработок. Они пытаются создать новую

мощную смесь. Она будет воздействовать на генетически чистых. Даже на тех, кто может ей противостоять. Стараясь не обращать внимания на неприятные ощущения, отвечаю:

— Конечно, мне безумно интересно. Вам помочь? У вас усталый вид.

— Да, пожалуйста.

Я берусь за ручки инвалидной коляски, чтобы сдвинуть ее с места. Дэвид вздыхает.

— Мне ведь не удастся выспаться со времени нашего последнего кризиса. Трис, покатали здесь налево.

— О каком кризисе вы говорите?

— Скоро узнаешь, не будем спешить.

Толкаю его коляску по тусклым коридорам Терминала 5, как гласит вывеска на входе.

— Старое название, — поясняет мне Дэвид.

Здесь нет окон, ни единого намека на существование внешнего мира. Я буквально ощущаю паранойю, исходящую от стен, словно сам терминал ужасается любым чужим взглядам.

Рассматриваю руки Дэвида, сжимающие подлокотники. Ногти у него неровные, кожа вокруг — красная и воспаленная. Похоже, что он постоянно грызет ногти. Мои собственные пальцы когда-то выглядели подобным образом. В те времена мне часто снились кошмары о сыворотке, и даже днем не было покоя. Может, это последствия воспоминаний Дэвида о том уколе?

«Тебе на него наплевать» — напоминаю я себе. — Помни о том, что он сделал. И он может это повторить».

— Прибыли, — объявляет Дэвид.

Я толкаю коляску через открытые двойные двери. Остальные в сборе. Члены Совета сидят за столом, по-

мешивая крошечными палочками кофе в кукольных чашечках. Большинство из них — весьма зрелые люди. Впрочем, есть и несколько молодых. Например, Зоя, которая смотрит на меня с вежливой, натянутой улыбкой.

— Итак, начнем, — говорит Дэвид, направляя коляску к столу переговоров.

Сажусь рядом с Зоей на один из стульев, расставленных вдоль стены. Ясно — нам не место за столом, рядом с важными шишками. Ладно, это даже к лучшему, значит, можно будет поспать, если станет скучно. Впрочем, если их новый кризис настолько серьезен, что Дэвид не спит, сомневаюсь, что я буду тут зевать.

— Вчера вечером мне позвонили наши переполошившиеся диспетчеры, — начинает Дэвид. — Похоже, что в Чикаго набирает силу новый конфликт. Люди, называющие себя верными, выступили против диктатуры бесфракционников. Они напали на оружейные склады. Но они не знают, что Эвелин Джонсон нашла новое оружие — сыворотку смерти, спрятанную в штаб-квартире эрудитов. Никто не может противостоять этой химии, даже дивергенты. Если верные атакуют руководство бесфракционников, то Эвелин Джонсон примет ответные меры. Последствия будут катастрофические, и число жертв неизмеримо возрастет.

Члены Совета разом начинают гомонить, я же изучаю пол.

— Успокойтесь, — произносит Дэвид. — Эксперименты окажутся под угрозой закрытия, если мы не сможем доказать нашему начальству, что способны их контролировать. Еще одна революция в Чикаго только укрепит их веру в то, что данное направление деятельности себя

изжило. Но нам надо продолжать бороться с генетическими повреждениями.

Сквозь усталость Дэвида прорывается нечто, показывающее такую силу духа, что я поневоле верю ему.

— Мы должны использовать сыворотку памяти для массовой перезагрузки, — изрекает он. — Разумеется, во всех четырех экспериментальных городах.

— Перезагрузки? — непроизвольно восклицаю я.

Все моментально на меня оборачиваются.

— Мы используем этот термин для обозначения процедуры стирания памяти, — поясняет Дэвид. — Мы прибегаем к ней, когда эксперименты по изменению поведенческих реакций находятся на грани краха. Последний раз мы применяли сыворотку в Чикаго несколько поколений назад. Почему, как ты думаешь, в городе так много разрушенных домов в секторе бесфракционников? Произошел бунт, и мы должны были его подавить, избегая, по возможности, человеческих жертв.

Он как-то странно улыбается мне, я же впадаю в ступор. Перед моим внутренним взором проносятся выбитые стекла в окнах домов, поваленные уличные фонари и раздолбанные дороги. Такого не было больше нигде, даже к северу от моста, хотя здания давно пустуют в том районе, — наверное, их освободили мирным путем. Я-то считала, это просто результат деятельности бесфракционников. Меня обманывали, как и других.

Меня охватывает гнев. Они хотят остановить революцию. А для чего? Ради спасения своего драгоценного исследования. Отвратительно. И вдобавок Бюро полагает, что имеет право уничтожать воспоминания. Так, видите ли, удобнее для его сотруddников.

Но я догадываюсь, почему так происходит. Люди в нашем городе — просто ходячие вместилища генетического материала. Они — «ГП», служащие одной цели — передаче своего генокода будущим поколениям. Их мысли, мечты и желания абсолютно неважны для руководителей Бюро.

— Когда? — спрашивает кто-то из членов Совета.

— В течение ближайших сорока восьми часов, — отвечает Дэвид.

Все согласно кивают.

А что он сказал мне в своем кабинете? Ах, да: если мы собираемся выиграть бой у генетических поврежденных, мы должны пойти на жертвы. Понятно. Дэвид с удовольствием обменяет тысячи «ГП» на тотальный контроль над экспериментами. Он пожертвует людьми, даже не задумываясь об альтернативе. Еще бы, кого же заинтересуют всякие там «поврежденные»!



38

Тобиас

Опираюсь ботинком на край кровати Трис и затягиваю шнурки. В широких окнах видно, как блестит солнечный свет на боковых панелях самолетов на взлетно-посадочной полосе. Вокруг них в своей зеленой униформе копошатся «ГП», проверяя двигатели перед взлетом.

— Как продвигается ваш с Мэтью проект? — спрашиваю я у Кары, лежащей на соседней койке.

Трис сегодня утром разрешила Каре, Калебу и Мэтью проверить их новую сыворотку правды на самой себе, и с тех пор я ее не видел. Кара приглаживает волосы и тихо отвечает:

— Так себе. Трис иммунна к новой версии сыворотки. Она вообще на нее не подействовала. Странно, что генокод может сделать человека настолько устойчивым к подобным манипуляциям.

— Может, ее генокод ни при чем, — пожимаю я плечами и начинаю завязывать другой шнурок. — Наверное, это сверхчеловеческое упрямство.

— А вы с Трис вошли в стадию взаимных обид после разрыва? — усмехается она. — У меня в этом — большая практика, знаешь ли, после того, что случилось с Уиллом. Тебе обязательно надо покритиковать ее нос.

— Мы не расставались, — улыбаюсь я. — Но приятно узнать, что ты питаешь к ней столь добрые чувства.

— Извини, я подумала, что вы... — щеки Кары становятся пунцовыми. — Если честно, я ее уважаю.

— Я просто шучу. Здорово, что ты переживаешь за нас.

— А кстати, что с ее носом?

Внезапно дверь в спальню распахивается, и на пороге появляется Трис собственной персоной. Ее волосы растрепаны, а в глазах — ужас. Меня мгновенно охватывает паника, голова начинает кружиться. Я подбегаю к ней, приглаживаю ее непокорную шевелюру, кладу руку ей на плечо и спрашиваю:

— Что случилось?

— Заседание Совета.

Она сжимает мою ладонь, потом идет к одной из кроватей, садится, и ее кисти безвольно повисают между колен.

— Не хочется быть назойливой, — произносит Кара, — но, тем не менее, повторю вопрос Тобиаса, что случилось?

Та только машет головой, словно пытается вытрясти из волос пыль, и наконец выдыхает:

— Совет строит большие планы.

Она вводит нас в курс дела. Я устраиваюсь рядом с ней и обнимаю ее. Смотрю в окно на поблескивающие, готовые к взлету самолеты. Скоро с них распылят сыворотку памяти над городом.

— Что ты собираешься делать? — осведомляется Кара у Трис.

— Не знаю, — говорит та.

Они сейчас очень похожи друг на друга, Кара и Трис, — две девушки, оплакивающие близких. Разница лишь в том, что боль Кары сделала ее уверенной в себе, Трис же пока лелеет свою нерешительность. Она по-прежнему подходит ко всему с вопросом, а не с готовым ответом. Это вызывает у меня восхищение. Вероятно, мне следует ценить ее еще больше. В течение минуты мы молчим. Я медленно перевариваю информацию.

— Они не могут так поступить, — заявляю я, наконец. — У них нет никакого права на «перезагрузку». Они сумасшедшие. У Бюро нет никакого баланса между защитой эксперимента и открытием новых возможностей.

— Предлагаешь выписать откуда-нибудь новых ученых? — сопит Кара. — А старых в расход пустить?

Лицо Трис кривится, она трет лоб, как будто стирает приступ головной боли.

— Нет, — резко возражает она. — Хватит.

В ее глазах — лихорадочный блеск.

— Сыворотка памяти, — восклицает она. — Амар и Мэтью придумали способ сделать так, чтобы сыворотка вела себя как вирус, распространяясь среди населения безо всяких инъекций. Они планируют сбросить ее на город. Но мы могли бы сами «перезагрузить» их всех.

Идея быстро обретает очертания. Волнение Трис передается и мне, ее задумка мгновенно вскипает внутри меня. Впрочем, я не чувствую, что это — подходящее решение нашей проблемы. Скорее, наоборот.

— Нужно «перезагрузить» Бюро и перепрограммировать их, но уже без пропаганды, без презрения к «ГП»! И тогда они не посмеют рисковать памятью людей в экспериментах. Опасность исчезнет навсегда.

Кара поднимает брови.

— Но, стирая их память, мы сотрем все подчистую! И от бывших умников не будет прока.

— Я думаю, можно поразить лишь конкретные участки воспоминаний, в зависимости от того, в каком именно участке мозга хранятся знания. Ведь в противном случае, первые члены фракции не знали бы, как говорить или завязать шнурки. — Трис вскакивает на ноги. — Спросим у Мэтью. Он лучше меня в этом разбирается.

Она мчится к двери, но я преграждаю ей путь. Солнечные зайчики, которые отбрасывают ярко освещенные крылья самолетов, слепят меня так, что я не вижу ее лица.

— Трис, постой. Ты действительно хочешь насильно стереть воспоминания людей? Но это то же самое, что Бюро планирует сделать с нашими друзьями и семьями.

Щурюсь и заглядываю в ее холодные глаза. В этот момент Трис выглядит даже старше меня, суровая, жесткая, неприступная.

— Они не имеют к нам никакого отношения, — отчеканивает она. — Они ответственны за смерть большинства нашей старой фракции. Им еще повезло, что я не собираюсь убивать их.

С этими словами Трис обходит меня и распахивает двери.



39

Трис

Мэтью складывает руки за спиной.

— Вовсе нет. Сыворотка не стирает все знания человека, — отрицательно мотает он головой. — Вы что, думаете, мы смогли бы разработать такую адскую смесь? Наша формула нацелена на эксплицитную память, куда входит, например, имя, воспоминания о месте, где испытуемый вырос, фамилия его первого учителя. И не трогает имплицитную память, то есть он никогда не забудет, как плавать или ездить на велосипеде.

— А как это на самом деле работает? — спрашивает Кара.

Мы с Тобиасом переглядываемся.

Нет ничего интереснее, чем разговор между эрудитом и человеком, который мог бы выбрать их фракцию.

Кара и Мэтью стоят близко друг к другу и отчаянно жестикулируют.

— Безусловно, некоторые важные воспоминания будут потеряны, — пожимает плечами Мэтью. — Но если у вас есть записи о научных открытиях или истории, люди заново их изучат. Они очень податливы в адаптационный период.

Я прислоняюсь к стене и говорю:

— Погоди, но если Бюро собирается устроить «перегрузку», останется ли хоть чуть-чуть нам, чтобы использовать против людей в Резиденции?

— Мы должны добраться до нее первыми, — заявляет Мэтью. — Прежде, чем истекут сорок восемь часов.

Кара, по-видимому, ничего не слышала.

— После того, как мы сотрем старые воспоминания людей, разве не нужно будет запрограммировать им новые?

— Мы просто должны переобучить их. Люди, как правило, дезориентированы в течение нескольких дней после «перезагрузки», и их несложно контролировать, — вещает Мэтью. — Мы сможем преподать им новый урок истории. Тот, который содержит факты, а не пропаганду.

— Мы бы использовали слайды, которые хранятся у обитателей Округи, — вмешиваюсь я. — Мне показывали фотографии войны, которую вели генетически чистые.

— Точно, — кивает Мэтью. — Есть, однако, маленькая проблема. Вирус сыворотки находится в Оружейной Лаборатории. Туда и Нита не прорвалась, даже с оружием.

— Нам следовало бы поговорить с Реджи, — размышляет Тобиас, — но, с учетом нового плана, нам лучше всего подойдет сама Нита.

— Ты прав, — соглашаюсь я.

Когда я впервые попала сюда, мне казалось, что Резиденция огромна и непознаваема. Теперь ни мне, ни Тобиасу не нужно сверяться с указателями, чтобы добраться до больницы. Странно, но время действительно может заставить какое-то место уменьшиться в размерах. Мы не разговариваем по пути, но, в конце концов, я решаюсь:

— Что случилось? Ты помалкивал, когда мы все обсуждали с ребятами.

— Просто я сомневаюсь. Они хотят стереть воспоминания наших друзей, поэтому мы решили опередить их?

Поворачиваюсь к нему и слегка дотрагиваюсь до его плеча.

— Тобиас, у нас — два дня, чтобы остановить их. Если ты придумаешь способ для спасения города, я всегда готова его обсудить.

— Я не смогу, — его темно-синие глаза грустны. — Трис, мы действуем так от безнадежности, желая лишь сохранить то, что важно для нас. В общем, по той же причине, что и само Бюро. В чем же разница?

— Разница в том, что правильно, а что — нет, — говорю я твердо. — Люди в городе невиновны. А ученые из Бюро, между прочим, предоставили Джанин сыворотку моделирования атаки.

Его рот кривится, наверное, я его не убедила. Я вздыхаю.

— Ситуация далека от идеальной. Но когда ты вынужден выбирать из двух зол, ты принимаешь то решение, которое поможет тебе спасти жизни тех, кого ты любишь и кому доверяешь. Ты согласен?

Он тянется к моей руке, его ладонь теплая и сильная.

— Да.

— Трис, — нам навстречу выбегает Кристина.

За ней по пятам несется Питер, его темные волосы гладко зачесаны набок. Кристина взволнованна, и во мне моментально вспыхивает надежда. Неужели Юрайя очнулся? Но, когда она приближается к нам, я понимаю, что Кристина в панике. Задыхаясь, она выпаливает:

— Врачи сказали, что Юрайя вряд ли проснется. У него отсутствует мозговая активность.

На меня наваливается неимоверная тяжесть. Я знала, конечно, что такое возможно, но верила, что Юрайя поправится.

— Они собирались сразу же отключить его систему жизнеобеспечения, но я упросила их подождать, — Кристина вытирает внезапно накатившие слезы. — У меня есть четыре дня, чтобы сообщить его родственникам.

Зик до сих пор находится в городе, так же как и его мать. Они не знают о том, что Юрайя в коме. А мы полностью сосредоточились на своих делах... Как же так?

— Бюро собирается «перезагрузить» город в ближайшие сорок восемь часов, — произношу я. — Если мы не остановим их, то и Зик, и его мать забудут Юрайю.

Они не смогут с ним попрощаться. Получится так, будто его вообще не существовало в этом мире.

— Что? — восклицает Кристина, и ее глаза широко распахиваются. — Мои родные в городе. Они не могут «перезагрузить» абсолютно всех! Нет?

— Это довольно легко, кстати, — замечает Питер.

— А ты сам что собираешься делать? — требовательно спрашиваю я у него.

— Проведаю Юрайю, — заявляет тот. — Запрещено, что ли?

— Тебе наплевать на него, — ору я. — Какое у тебя право...

— Трис, — прерывает меня Кристина, — не сейчас, ладно?

— Мы должны пойти в город, — говорит Тобиас, запинаясь. — Мэтью говорил, что можно привить некоторых от воздействия сыворотки памяти. Мы сделаем прививку родственникам Юрайи и привезем их в Резиденцию. Нам необходимо проверить все завтра утром, пока не стало слишком поздно. А Кристина займется своей семьей. Мне же придется в любом случае пообщаться с Зиком и Ханной.

Кристина кивает. Я беру Тобиаса за руку, желая его поддержать.

— И я с вами, — ворчит Питер. — Если не возьмете, настучу Дэвиду.

Мы ошеломленно таращимся на Питера. Понятия не имею, зачем ему нужно вернуться в город, но ничего хорошего из этого явно не выйдет. Хотя Дэвиду нельзя быть в курсе наших планов.

— Хорошо, — говорит Тобиас. — Но если от тебя будет какой-нибудь шум, я лично отправлю тебя в нокаут, а потом запру в заброшенном здании.

Питер закатывает глаза.

— А как вы собираетесь добраться туда? — спрашивает Кристина. — Разве здесь принято брать машину просто так, если вдруг захотелось покататься по окрестностям?

— Амар подвезет нас, — заверяю я. — Он всегда добровольно вызывается на патрулирование. Следовательно, он знает нужных людей. И он не откажется помочь Юрае и его семье. А еще кто-то должен остаться с Юраей, чтобы врачи не передумали. Кристина, ты согласна?

Тобиас машинально потирает свою шею в том месте, где у него находится татуировка лихача, и продолжает:

— Надо подумать над тем, как сказать его родным обо всем. Ведь я должен был присматривать за ним...

— Тобиас, — начинаю я, но он перебивает меня:

— Мне вряд ли позволят встретиться с Нитой. Мне пора.

Иногда трудно понять, что именно нужно предпринять, чтобы позаботиться о друге. Я наблюдаю за Питером и Тобиасом. Они уходят и старательно держат дистанцию. Похоже, Тобиас всегда нуждается в ком-то, потому что люди слишком легко отпускали его. И он оставался в полном одиночестве. Но он прав: он должен сделать это для Зика, а мне следует увидеться с Нитой.

— Пойдем же, — тянет меня за руку Кристина, — часы посещения скоро закончатся. Я возвращаюсь, чтобы побыть с Юраей.

Палату, в которой находится Нита, легко узнать по сидящему рядом с ее дверью охраннику. Прежде чем зайти к ней, я отправляюсь вместе с Кристиной к Юрае. Кристина садится у его постели на стул, я стою рядом с ней. Как же давно мы с ней не болтали, не смеялись вместе над чем-нибудь! Я затерялась в тумане Бюро, в попытке соответствовать обстоятельствам.

Юрайя абсолютно не выглядит раненым: кое-какие ушибы, несколько царапин, но ничего достаточно серьезного, что могло бы убить его. Наклоняюсь, чтобы рассмотреть татуировку змеи вокруг его уха. Он не похож на самого себя — без широкой улыбки на лице и ярких темных глаз, без его постоянной готовности к бою.

— Мы с ним никогда не были по-настоящему близки, — задумчиво произносит Кристина. — Разве что в самом конце. Нас объединила потеря близких людей.

— Да, — отвечаю я. — Но ты очень помогла ему.

Я подтаскиваю поближе другой стул и сажусь рядом с ней. Она накрывает руку Юрайи, безвольно лежащую на простынях.

— Трис, иногда мне кажется, что я потеряла всех своих друзей.

— У тебя есть Кара и Тобиас. И еще я.

Она поворачивается ко мне, и наше общее горе заставляет нас взяться за руки. Наша дружба подвергалась множеству испытаний, самым сильным из которых стала смерть Уилла. Но мы уцелели. Наверное, какие-то связи и могут быть разорваны, но только не эта.

Мы замираем, и постепенно отчаяние отступает.

— Спасибо, Трис, — шепчет она. — Ты тоже никогда не потеряешь меня.

— Так и будет, — улыбаюсь я. — Но мне нужно кое о чем тебе рассказать.

И я сообщаю ей о наших планах по поводу «перезагрузки» города. Пока я говорю, думаю о тех, кого она может потерять: отца, мать, сестру... Навечно утратить связи, отброшенные за ненадобностью во имя чистоты генокода.

— Мне очень жаль, Кристина, — вырывается у меня. — Ты, вероятно, хотела бы нам помочь, но...

— Не извиняйся, — она смотрит на Юрайю. — Я рада, что вернусь в город.

Она кивает и продолжает:

— Вы сумеете им помешать. Я уверена.

Надеюсь, Кристина права.

Когда я подхожу к палате Ниты, остается совсем немного времени до того, как закончатся часы посещения больных. Охранник таращится на меня поверх книжки и вопросительно поднимает брови.

— Я к Ните, — говорю я.

— Нет. Визиты запрещены, — отрезает он.

— Я та, которая в нее стреляла, — делаю новую попытку.

— Ну, — пожимает тот плечами, — если ты пообещаешь мне больше в нее не стрелять. Даю тебе десять минут.

— Отлично.

Он приказывает мне снять куртку и обыскивает, проверяя, нет ли у меня при себе оружия. Нита, насколько ей позволяет ее ранение, приподнимается, услышав, что кто-то зашел в палату. Нижняя половина ее тела забинтована, одна рука прикована наручниками к койке. Волосы спутаны и торчат в разные стороны, но все равно она очень хорошенькая.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

Я молча проверяю комнату на наличие камер слежения, и нахожу одну, направленную прямо на кровать Ниты.

— В ней нет микрофона, — заявляет она. — Наверное, они не думали, что он понадобится.

— Вот и хорошо, — я подвигаю стул и сажусь рядом с ней. — Мне надо узнать у тебя важную информацию, Нита...

— Меня уже допрашивали, — прищуривается она. — Мне не о чем с тобой говорить.

— Если бы я тогда не выстрелила в тебя, я бы не стала теперь любимицей Дэвида. Так уж получилось, — отвечаю я и посматриваю на дверь.

Я, конечно, не боюсь, что нас подслушивают, но в Бюро у меня явно развилась паранойя.

— Мэтью, я и Тобиас придумали новый план. Но необходимо пробраться в Оружейную Лабораторию.

— И считаешь, я вам пригожусь? — она отрицательно качает головой. — Насколько ты могла заметить, у меня ничего не получилось.

— Расскажи мне о дополнительной системе защиты. Неужели только у Дэвида есть код доступа?

— Нет, это было бы глупо, — фыркает Нита. — Код знает его руководитель, но в Резиденции Бюро Дэвид на самом деле единственный.

— Ладно. Но что это за система защиты? Та, которая активируется, если кто-то попытается взорвать дверь?

Ее губы превращаются в тонюсенькую ниточку, она, не отрываясь, изучает свои бинты.

— Сыворотка смерти, — наконец, произносит она, — в форме аэрозоля. И ей нельзя противостоять. Разве что ты наденешь костюм химзащиты. И то он спасет тебя лишь на время. Так написано в отчетах Лаборатории.

— Значит, они автоматически убивают всех, кто попытается войти в комнату без кода доступа? — уточняю я.

— А что здесь странного?

— Ничего, — я упираюсь локтями в колени.

— Ну, а Дэвид не собирается ни с кем делиться кодом доступа, — хмыкает она.

— А есть шанс, что сыворотке может противостоять генетически чистый?

— Нет.

— Большинство «ГЧ» не могут противостоять действию химии, кроме меня, — парирую я.

— Если хочешь поиграть в прятки со смертью, милости прошу, — Нита откидывается на подушки.

— Еще вопрос. Если я решусь, где мне добыть взрывчатку, чтобы взорвать двери?

— Ты спятила?

— Я думала, ты все поняла. Ведь если наш план удастся, ты не просидишь в тюрьме до конца своих дней. После выздоровления ты будешь свободна.

Она молча взвешивает услышанное. Наручник врезаются в кожу запястья, оставляя тонкий след на ее коже.

— Взрывчатка есть у Реджи, — произносит она. — Он научит тебя, как ею пользоваться, но сам он никуда не годится. Не бери его с собой, если не хочешь с ним нянчиться.

— Ясно.

— Скажи ему, что потребуется в два раза больше огневой мощи. Двери очень прочные.

Я киваю. Мои часы подают звуковой сигнал, давая понять, что время истекло. Я встаю и убираю стул в угол.

— Спасибо, — кратко благодарю я.

— Каков ваш план? — спрашивает она напоследок.

Я ничего не говорю.

— Ладно, — говорю я. — В общем, термин «генетически поврежденный» будет стерт из человеческого лексикона.

Охранник открывает дверь, вероятно, готовясь накричать на меня за превышение лимита, но я уже направляюсь к выходу. Оглядываюсь на Ниту: она улыбается.



40

Тобиас

Мне не потребовалось долго убеждать Амара. Я знал, что он согласится посодействовать нам — он сам любит приключения. Мы договорились встретиться за ужином, чтобы обсудить все с Кристиной, Питером и Джорджем. Кстати, Джордж обещал раздобыть машину.

После встречи с Амаром, я отправляюсь в нашу спальню и долго лежу, накрыв голову подушкой. Я прокручиваю в голове слова, которые скажу Зику. *Прости меня. Мне казалось, я делал все, что должен был, чтобы присмотреть за Юрайей, но к сожалению...*

Ребята заходят и выходят из комнаты, включается отопление, горячий воздух поднимается по вентиляционным отверстиям, затем снова отрубается.... Я стараюсь придумать себе оправдания, а затем отбрасываю их. Подбираю убедительный тон, правильные жесты. Потом, в

полном разочаровании, я швыряю подушку в противоположную стену. Кара подпрыгивает от неожиданности.

— Я думала, ты спишь, — ворчит она.

— Извини.

Она проводит рукой по волосам, желая убедиться, что прическа в порядке. Ее движения столь аккуратны и точны, что напоминают мне игру на банджо, виденную когда-то в Товариществе.

— Я хочу задать тебе один вопрос, — сажусь я на кровати. — Личный.

— Давай.

— Как ты смогла простить Трис после того, что случилось с твоим братом?

— Хм — Кара обнимает себя за плечи. — Иногда мне кажется, что простила ее, а иногда — нет. В любом случае, я не знаю. Ты просто продолжаешь жить сегодня, завтра и так далее...

— То есть... А могла ли Трис как-то помочь тебе?

— Это из-за Юрайи? — догадывается она и кладет мне руку на колено.

— Да, — говорю я твердо, отодвигая ногу, чтобы она не дотронулась до меня. Не надо, чтобы меня утешали как маленького. Мне не нужен ласковый голос, я не хочу выплескивать свои эмоции, я предпочел бы их сдержать.

— Понимаю — и она выпрямляется. — Самое главное, что Трис сделала, — это повинулась передо мной. Существует разница между признанием факта и исповедью, — добавляет она обыденным тоном. — Первое предполагает поиск оправданий. Во втором случае ты берешь на себя ответственность.

Я киваю.

— После того, как ты повинись перед Зиком, — продолжает она, — тебе надо оставить его одного. Вот и все.

Я снова киваю.

— Но знаешь, Четыре, — произносит она, — ты не убивал Юрайю. Не ты устанавливал взрывчатку, которая послужила причиной его комы. Не ты придумывал тот дикий план.

— Но я участвовал в его осуществлении.

— Почему бы тебе не заткнуться? Ты — не идеален. Не путай свое горе с чувством вины.

Мы сидим в молчании еще несколько минут, я пытаюсь осмыслить то, что она сказала.

* * *

Я ужинаю с Амаром, Джорджем, Кристиной и Питером в столовой. Мы выбрали дальний столик, стоящий между автоматом с напитками и рядом мусорных баков. Миска супа передо мной давно остыла, а в бульоне еще плавают крекеры.

Амар объясняет нам — когда и где мы встречаемся. Потом мы крадемся по коридору позади кухни, где нас никому не видно. Амар достает черную коробочку со шприцами внутри. Один он дает Кристине, другой — Питеру, третий — мне. Еще вручает каждому по упаковке с антибактериальными салфетками. Подозреваю, что только Амар возится с такой ерундой.

— Что это? — интересуется Кристина. — Я не собираюсь делать себе инъекцию какой-нибудь гадости.

— Объясняю, — потирает руки Амар. — Когда вы будете в городе, на него могут сбросить сыворотку. Поэтому вам необходимо сделать прививку, если вы не хотите, чтобы у вас память отшибло. Это и есть сыворотка, которую вы должны будете привить своим родственникам.

Кристина прощупывает кожу на внутренней стороне локтя, пока не находит вену. Я, по старой привычке, втыкаю иглу в шею так же как делал с самого первого дня, когда раз за разом проваливался в свою комнату страха. Амар поступает таким же образом. А я замечаю, что Питер только притворяется, что делает себе укол: когда он нажимает на поршень, жидкость стекает по коже, и он исподтишка вытирает ее рукавом. Он что, готов рискнуть и добровольно все забыть?

После обеда ко мне подходит Кристина:

— Нам надо поговорить.

Мы быстро спускаемся по длинному лестничному пролету. Ступени ведут к подземному клубу «ГП», освещенному разноцветными лампочками. Кристина останавливается и скрещивает руки на груди. На ее лицо падает фиолетовый свет.

— Амар ведь не знает, что мы собираемся остановить «перезагрузку»?

— Нет. И он поддерживает позицию Бюро. Я не хотел его впутывать.

— А город стоит на пороге революции, — продолжает она.

Теперь ее лицо освещено синим.

— Причина, по которой Бюро решилось на «перезагрузку» наших друзей и родственников, — это стремление остановить их от убийства друг друга, — заявляет

она. — Если мы им помешаем, верные атакуют Эвелин, а она использует сыворотку смерти. В итоге умрет множество людей. Твои родители тоже могут погибнуть.

— Честно? — вздыхаю я. — Мне абсолютно без разницы.

— Шутишь? — хмурится Кристина.

— Кристина, я хочу лишь спасти Зика и его мать ради Юрайи. А что там будет с Эвелин или Маркусом, меня не волнует.

— Ты должен прекратить комплексовать по поводу путаницы в своих отношениях с предками и начать заботиться обо всех, — восклицает она с жаром, хватая меня за руку и дергает изо всех сил.

Я теряю дар речи от удивления.

— Четыре, моя младшая сестра находится сейчас там. Если Эвелин и верные вцепятся друг другу в глотку, она пострадает из-за них.

Я видел Кристину и ее родных во время Дня Посещений, когда воспринимал ее только как глашатая правдолюбив. Ее мать с гордой улыбкой поправляла воротник рубашки Кристины. Если вирус сыворотки распространится по городу, Кристина будет стерта из памяти своей матери. А если нет, ее семья окажется втянута в битву за власть.

— И что ты предлагаешь? — интересуюсь я.

— Должен быть способ снять напряженность, не прибегая к «перезагрузке».

— Ага, — признаю я. — А у тебя есть конкретное предложение?

— Все происходит из-за того, что твои родители не могут найти общий язык друг с другом, — произносит Кристина. — Придумай, как их остановить.

— Каким образом? — недоумеваю я. — Они никогда не сделают того, что им невыгодно.

— Значит, ты позволишь им разорвать город на клочки.

Я смотрю на свои ботинки, освещенные сейчас зелеными огнями. Если бы у меня были разумные родители, не ослепленные болью, гневом и желанием мести, то все бы сработало. Они бы послушали меня. Но других родителей у меня нет. Как бы я хотел, чтобы они изменились! Просто налить им в утренний кофе или в стакан воды сыворотку памяти, и — раз! — передо мной новые люди с чистым, незапятнанным прошлым. Их можно было бы всему научить заново, даже тому, что у них есть сын, которого зовут Тобиас. Стоп. А ведь именно так и собирается сделать Бюро. Но я их опережу.

— Достань мне сыворотку памяти, — твердо говорю я. — Пока вы все с Амаром будете разыскивать ваши семьи и родственников Юрайи, я позабочусь об остальном. До отца или до матери я доберусь.

— А как ты все объяснишь нашим?

— Пока не знаю.

— А как насчет продырявить колесо? — предлагает Кристина. — Я попрошу Амара притормозить на минутку, например, чтобы пойти в туалет, проколю шину, а потом мы волей-неволей разделимся...

Неплохая идея. Я могу признаться во всем Амару, но не уверен, что мне удастся преодолеть его предвзятость. Пропаганда Бюро промыла ему мозги. У меня и так времени в обрез. Но зато лжи — хоть отбавляй. Амар знает, что отец научил меня заводить автомобиль без ключа, используя лишь провода. И у него не вызовет

подозрений, если я добровольно отправлюсь на поиски другой машины.

— Кристина, ты, молодчина.

— Значит, договорились. И ты действительно собираешься стереть память кого-нибудь из твоих предков?

— А что мне остается делать, если именно они — причина зла? — пожимаю я плечами. — Мне нужны новые родители. Даже если у одного из них исчезнет весь тот груз, который они пытаются тащить за собой, может, они придут к согласию...

Кристина внимательно глядит на меня и задумчиво кивает.



41

Трис

От запаха хлорки у меня щиплет в носу, — я притулилась рядом со швабрами в подсобке подвала. Я только что предупредила всех, что любая попытка проникнуть в Оружейную Лабораторию — гарантированное самоубийство.

— Вопрос в том, — изрекает Мэтью, — есть ли что-то, ради чего мы готовы пожертвовать жизнью.

Мы находимся в комнате, где он, Калёб и Кара работали над усовершенствованием нашего химического коктейля. Флаконы, пробирки и исписанные тетради разбросаны по лабораторному столу перед Мэтью. Он рассеянно жуёт шнурок, висящий у него на шее.

Тобиас, скрестив руки на груди, прислонился к дверному косяку. Я помню — он точно так же стоял во время

посвящения, наблюдая, за нашими сражениями. Он был такой красивый и сильный — просто загляденье.

— Дело не в этом — размышляю я, — не только в мести за то, что они сделали с альтруистами. Речь идет о предотвращении новых кошмаров в других городах. И еще в том, чтобы отнять у них власть.

— Да, — соглашается Кара. — Смерть одного-единственного человека ради спасения тысячи от страшной участи. Плюс ликвидация Бюро.

Я буквально вижу, как она взвешивает на воображаемых весах одну жизнь против многих жизней и делает самоочевидный вывод. Именно так работает мозг эрудитов или альтруистов, но я не уверена, что именно такие способы мышления нам сейчас нужны. Ответ совсем не прост, как кажется...

Я смотрю на Мэтью и Кару, Тобиаса и Кристину, опирающуюся на ручку швабры, и, наконец, останавливаюсь на Калебе. Он. Но через секунду мне становится дурно.

— Ну, давай, начинай, — произносит Калеб, подняв на меня глаза. — Тебе же хочется, чтобы это был я. Вы все этого хотите.

— Никто этого не говорит, — восклицает Мэтью.

— Но все смотрят на меня, — хмуро отвечает Калеб. — Не думайте, что я не понимаю. Я тот, кто выбрал неправильную сторону, кто работал на Джанин Мэтьюс. Вам на меня наплевать, и меня можно пустить в расход.

— Тогда почему Тобиас предложил увезти тебя из города, прежде чем тебя казнили? — мой тон холоден и спокоен. Запах хлорки вновь бьет в нос. — Потому, что мне все равно, жив ты или умер?

«Он должен умереть», — кричит одна часть моей души. «Я не хочу потерять его», — возражает ей другая. Я не знаю, кому из них довериться.

— Я всегда чувствую твою ненависть, — качает головой Калев.

Его глаза блестят от слез. В первый раз я вижу, что он раскаивается вместо того, чтобы пытаться защититься или полностью себя оправдать. Внезапно у меня перехватывает горло.

— Если я сделаю это... — говорит он.

Я снова мотаю головой, но он жестом велит мне молчать и продолжает:

— Беатрис, тогда ты сможешь меня простить?

Я всегда считала, что если тебя оскорбили, то ты не сешь бремя наряду с обидчиком: страдание разделяется между вами двоими. Прощение означает готовность остаться с болью наедине. Предательство Калеба — это наша общая ноша. Все, что я хотела, это чтобы он взял на себя ответственность. Но он пытается придать себе решимости, готовясь принести себя в жертву ради всех нас. Я киваю.

— Да, — выдавливаю я. — Но ты не должен ради моего прощения идти на такое.

— У меня много причин, — говорит Калев.

У меня уже ничего не укладывается в голове. Мэтью и Калев занимаются подгонкой костюма химзащиты, который, возможно, поможет продержаться ему в живых и успеть уничтожить вирус. Молча жду, пока не уйдут остальные.

Несколько недель назад я добровольно пожертвовала собой. Отправилась в штаб-квартиру эрудитов.

Я не считала себя смелой или самоотверженной. Всего лишь решила послать все подальше, избавиться от скорби. Мечтала о смерти. Может, то же самое чувствует и Кaleb? Дескать, он в долгу передо мной и надеется на прощение?

Бреду по коридору с его радужными огнями, поднимаюсь по лестнице. Мне совсем не хочется терять Кристину, Кару, Мэтью. Они — мои друзья, а вот Кaleb — нет. Когда я пришла навестить его во время моего посвящения, он был страшно удивлен. А я не собираюсь испытывать вину. Надоело. Я встречаюсь со всеми трудностями, которые встанут на моем пути. В глубине души я понимаю, что испытала облегчение, когда Кaleb вызвался быть добровольцем, но я не намерена об этом думать. Тащусь к отелю, надеясь, что рухну в постель и усну, но в коридоре меня настигает Тобиас.

— Ты в порядке?

— Да. Хотя это странно, — отвечаю я, потирая лоб. — Я будто уже пережила траур по Калебу.

Однажды я сказала Тобиасу, что у меня нет семьи, а он ответил, что теперь сам будет моей семьей. Вот так все и случилось. Дружба и любовь настолько переплелись, что для меня между ними нет никакой разницы.

— Ты, наверное, знакома с теорией альтруистов. О том, что необходимо позволять людям приносить себя в жертву, даже если это представляется тебе эгоистичным. Это единственный способ показать тебе, что он тебя любит, — Тобиас прислоняется к стене. — Величайший подарок, который ты преподносишь другому. Ведь твои родители тоже умерли ради тебя.

— Не уверена, что им движет любовь, — бормочу я и закрываю глаза.

— Возможно, — соглашается Тобиас. — Но откуда бы взялось его чувство вины, если бы он тебя не любил?

Киваю. Я и сама люблю брата. Но все равно мне это представляется неправильным. Однако я успокаиваюсь.

— Сейчас неподходящее время, — продолжает он, — но я хочу тебе кое-что сказать.

Я мгновенно напрягаюсь. Что у него на уме?

— Я хочу поблагодарить тебя, — произносит он глухим голосом. — Помнишь, как нам сообщили, что мои гены — повреждены. Они продемонстрировали нам результаты тестов, даже я сам в это поверил, а ты — нет.

Он гладит меня по щеке.

— Трис, ты всегда утверждала, что я... здоровый.

— Ты и на самом деле здоров. — Я беру его за руку.

— Но никто больше так не считал.

— А между тем, ты — абсолютно нормален, заслуживаешь любви. Ты — самый лучший человек, которого я когда-либо знала, — шепчу я и едва не плачу.

Едва я успеваю договорить последние слова, как он целует меня. Страстно отвечаю на его поцелуй, притягивая его к себе за рубашку. Затем толкаю в дверь, ведущую в полупустую комнатку рядом с нашей спальней, и захлопываю дверь ногой.

Так же, как я всегда считала его достойным лучшего, он всегда настаивал на том, что я сильнее, чем сама думаю. Наверное, именно на это и способна любовь: она заставляет тебя быть чем-то большим, чем ты являешься.

Он гладит мои волосы, перебирает пряди. Мои пальцы дрожат, но я не боюсь, что он заметит мой страх или

силу моих чувств. Я притягиваю его еще сильнее к себе и еле слышно произношу его имя. Мне начинает казаться, что он — часть меня самой, как руки, глаза или сердце. Мы — одно целое. Стягиваю с него одежду, провожу рукой по его плечам, представляя, что они — мои. Потом я снимаю свою рубашку, и он помогает. Какая же я тощая, маленькая и болезненно-бледная. Но он смотрит на меня, не отрываясь.

Тобиас такой красивый. Тонкие черные татуировки выделяются на его коже и делают его похожим на скульптуру. Еще минуту назад я была убеждена, что мы отлично подходим друг для друга. Что же, возможно, это и так, но только до тех пор, пока мы одеты. А он застенчиво улыбается и привлекает меня к себе. Наклоняется и шепчет: «Ты прекрасна...» И я ему верю.

Он принимает полуоткрытыми губами к моим губам, кладет ладони мне на бедра, его пальцы цепляются за пояс моих джинсов. Осторожно прикасаюсь к его груди, прижимаюсь к нему, чувствуя его прерывистое дыхание.

— А знаешь, я тебя люблю, — говорю я.

— Знаю, — отвечает он.

Тобиас хитро подмигивает, обнимает меня за ноги и забрасывает к себе на плечо. Я хохочу, пусть и немножко нервно, а он несет меня к дивану и довольно-таки бесцеремонно сбрасывает на него. После чего ложится рядом. Я провожу пальцами по его коже. Он сильный, гибкий и уверенный в себе. Он — мой. Я тянусь к его губам.

Раньше я боялась, что, оставшись наедине, мы будем продолжать ссориться и, в конечном итоге, это просто разобьет мне сердце. Но теперь знаю, я слишком сильна, чтобы сломаться так легко.



Первое, что я вижу, когда просыпаюсь на диване, — темные силуэты летящих птиц на ее ключице. Ночью здесь было холодно, и Трис подняла брошенную на пол рубашку и накинула на себя, но сейчас она съехала у нее с одного плеча.

Мы и прежде не раз спали рядом, но сегодня все по-другому. Раньше мы оставались вместе потому, что хотели утешить или защитить друг друга, а на этот раз все гораздо проще: мы просто хотим быть вместе.

Протягиваю руку и дотрагиваюсь кончиками пальцев до ее татуировки. Трис сразу пробуждается. Она тянется ко мне, ее тело теплое, мягкое и податливое.

— Уже утро, — говорю я.

— Ш-ш-ш, — шепчет она. — Если ты не будешь говорить об этом, оно не настанет.

Я прижимаю ее к себе, кладу ладонь ей на бедро. Ее глаза широко распахнуты и насторожены, несмотря на то, что она только что проснулась. Целую ее в щеку, затем в шею. Ее руки обвиваются вокруг моей талии, она вздыхает мне в ухо. Мой самоконтроль вот-вот исчезнет; пять, четыре, три...

— Тобиас... У нас есть на сегодня несколько дел.

— Ну и ладно, — говорю я ей в плечо, медленно целую ее татуировку.

— Нет, нам пора.

Валюсь обратно на подушки, и мне становится зябко без ее тела.

— Ясно. Кстати, твоего брата надо подучить стрельбе. Ну, на всякий случай.

— Неплохая идея, — говорит она тихо. — Он стрелял... пару раз.

— Я его потренирую, — предлагаю я.

— Спасибо.

Она садится и приглаживает рукой свои волосы. В утреннем свете они отливают золотом.

— Я знаю, тебе он не нравится, но...

— Ты позволишь ему сделать то, что он хочет.

Она улыбается и чмокает меня в щеку.

Смахиваю с шеи последние капли воды после душа. Мы с Трис, Калемом и Кристиной находимся глубоко под землей, в тренажерном зале в зоне «ГП». Здесь прохладно, тусклые лампы освещают тренажеры, маты, шлемы, мишени. Я выбираю оружие, похожее по размеру на пистолет, но более громоздкое, и протягиваю его Калему.

Пальцы Трис переплетаются с моими. Все легко и естественно: каждая улыбка, взгляд, слово или движение. Если сегодня у нас все получится, то завтра Чикаго будет в безопасности, Бюро изменится навсегда, а мы с Трис начнем строить свою собственную жизнь. Может, мне даже удастся сменить пушки и ножи на что-то продуктивное, вроде отверток, молотков или лопат. Вдруг нам повезет?

— Эта штукавина заряжена не настоящими пулями, — объясняю я Калему, — но она отлично нам подойдет.

Калек робко сжимает пистолет, как будто боится, что тот взорвется сию секунду.

— Первый урок: не бойся оружия. Ты ведь стрелял однажды в Товариществе.

— Чистая удача, а не результат моих навыков, — ворчит Калёб и закусывает верхнюю губу.

— Ничего, мы сейчас поработаем, — усмехаюсь я.

Мельком смотрю на Трис, она улыбается мне, а потом тихо говорит что-то Кристине на ухо.

— Ты сюда пришла для того, чтобы помочь или похихикать? — спрашиваю я ее суровым тоном инструктора по инициации. — Ты могла бы попрактиковаться немного. К тебе это тоже относится, Кристина.

Трис корчит мне рожицу, потом они с Кристиной подбегают к нам и выбирают себе оружие.

— Хорошо, теперь повернитесь к мишеням и снимите оружие с предохранителей, — говорю я.

Мишень на противоположном конце комнаты сложнее, чем простые деревянные доски в тирах лихачей. Она состоит из трех окружностей зеленого, желтого и красного цветов, для того чтобы было легче понять, куда попали пули.

— Давай, Калёб.

Калёб поднимает пистолет одной рукой и, подавшись вперед, стреляет. Ствол дергается, пуля улетает куда-то под потолок.

— Готово, — раздраженно фыркает Калёб.

— Книжки не смогли научить тебя всему, — заявляет Кристина.

— Ты должен держать его обеими руками. Выглядит не так круто, но зато ты не промажешь.

— Я не пытался выглядеть круто.

Кристина слегка сгибает ноги и целится в мишень. Учебная пуля попадает во внешний круг и отскакивает, катясь по полу. Остается светящаяся точка, которая отмечает место попадания. Хотел бы я иметь такую технологию во время подготовки к инициации.

— Что же, — комментирую я, — но пуля прошла совсем рядом с телом твоей жертвы.

— Я немного... заржавела, что ли? — признается Кристина.

— Думаю, что самый простой путь для тебя, это повторять все за мной, — говорю я Калебу.

Встаю так же, как всегда, поднимаю оружие обеими руками и замираю. Калек пытается подражать мне, начиная от постановки ног до движений всего тела. Может, Кристина и дразнит его, но именно умение анализировать приносит ему пользу. Вижу, как он меняет углы наклонов, дистанцию, напрягается и расслабляется.

— Отлично, — киваю я наконец. — А сейчас максимально сосредоточься.

Смотрю на центр мишени, стараясь, чтобы он поглотил меня. Расстояние не проблема, пуля пойдет прямо в цель. Вдыхаю, выдыхаю и нажимаю на спусковой крючок. В яблочко.

Отступаю на шаг назад, чтобы понаблюдать за Калексом. У него правильная стойка, но он излишне напряжен, смахивая на статую с пушкой. Он застывает на месте и стреляет. На сей раз отдача уже не пугает: пуля попадает в самый верх мишени.

— Хорошо, — повторяю я. — Но ты еще очень нервничаешь.

— Не догадываешься почему? — его голос срывается.

Становится заметно, что он весь охвачен ужасом. Я сталкивался с такими ребятами, когда они проходили инициацию. Но Калев — другое дело. Я встряхиваю головой и спокойно объясняю:

— Ты должен понять, что если ты позволишь твоему напряжению овладеть тобой сегодня ночью, то ты вообще не справишься.

Он вздыхает.

— Физическая подготовка и техника имеют огромное значение, — продолжаю я, — но главное здесь умение думать, а мозги у тебя есть. Тебе не надо практиковаться в стрельбе, тебе следует сосредотачиваться. Когда тебе придется бороться за свою жизнь, это станет настолько естественным, что ты и сам не заметишь, как сконцентрируешься на достижении цели.

— Забавно, что лихачи использовали в своих тренировках умственные способности, — усмехается Калев. — Трис, теперь твоя очередь.

Та слегка улыбается. Под ее тонкой и нежной кожей проявились мускулы. Трис немного прищуривается, становится поудобнее и стреляет. Пуля лишь на несколько дюймов отклоняется от центра. Впечатленный Калев приподнимает брови.

— Не смотри на меня так, — смущается Трис.

— Извини, — отвечает он. — Ты была весьма неуклюжей, и не понимаю, когда ты изменилась.

Трис пожимает плечами. Но когда отворачивается, ее щеки алеют. Похоже, она польщена. Кристина делает новую попытку — и попадает гораздо ближе к красному кругу. Вновь отхожу назад, уступая место Калебу. Осторожно прикасаюсь к плечу Трис:

— А помнишь, как во время тренировки при отдаче пистолет чуть не отлетел тебе в лицо?

Она кивает и ухмыляется.

— А когда я сделал вот так? — продолжаю я, обнимаю ее и прижимаю руку к ее животу.

— Вероятно, я никогда этого не забуду, — бормочет она.

Она резко разворачивается ко мне. Мы целуемся, и я слышу, как Кристина подшучивает над нами, но в первый раз мне абсолютно на все наплевать.

Тренировка заканчивается. Трис и Кристина забирают взрывчатку у Реджи и учат Калеба, как ею пользоваться. Мэтью и Кара корпят над картой, изучая различные маршруты, по которым можно достичь Оружейной Лаборатории. Мы с Кристиной встречаемся с Амаром, Джорджем и Питером, обговариваем, каким путем доберемся до города. Трис в самую последнюю минуту вызвали на заседание Совета. Мэтью бежит за нами целый день и прививает нас всех против сыворотки памяти: Кару, Калеба, Трис, Ниту, Реджи и, наконец, самого себя.

У нас нет времени, чтобы размышлять. В наши планы входит предотвратить переворот в городе, спасти эксперимент и навсегда изменить политику Бюро.

Пока Трис отсутствует, я бегу в больницу, чтобы проведать Юрайю. Я не могу зайти к нему в палату и, глядя на него через стекло, представляю, что он спит. Вдруг он начнет улыбаться и шутить? Если бы я приблизился к его койке, я бы, наверное, понял, что в нем почти нет

жизни и поражение мозга стерло все приметы знакомого мне Юрайи. Я стискиваю кулаки.

Из другого конца коридора, засунув руки в карманы синей формы, ко мне направляется Мэтью.

— Привет, — здороваюсь я.

— Я сейчас сделал прививку Ните. Она поправляется.

— Отлично.

Мэтью постукивает по стеклу костяшками пальцев.

— Значит, ты собираешься доставить сюда его семью? Трис мне сообщила.

— Брата и маму, — киваю я.

Я уже встречал их мать: невысокую женщину, держащую себя уверенно и властно. Ханна — одна из тех редких лихачей, кто все делает тихо и без излишней показухи. Она мне нравилась, но в то же время я побаивался ее.

— Отца у них нет? — спрашивает Мэтью.

— Умер, когда Юрайя и Зик были еще совсем мальчишками. Обычное дело среди лихачей.

— Понятно.

Некоторое время мы молчим, и я благодарен ему за понимание. Его присутствие удерживает меня на поверхности, не давая с головой погрузиться в горе. Я знаю, что Кара была вчера права, сказав мне, что я не убивал Юрайю. Но я по-прежнему не могу в это окончательно поверить. Наверное, так будет всегда.

— Я не раз хотел спросить тебя, — заявляю ему наконец. — Почему ты помогаешь нам? Ведь ты сильно рискуешь, участвуя во всем этом, хотя личной заинтересованности у тебя нет.

— Вообще-то есть, — разводит руками Мэтью. — Но история длинная.

Он начинает теребить шнурок, завязанный на шее.

— Была здесь одна девушка, — начинает он. — Из генетически поврежденных, а это означало, что я не должен был встречаться с ней. Ведь мы должны убедиться, что соединяемся с «оптимальным» партнером, чтобы произвести на свет генетически здоровое поколение. Но кровь тогда бурлила во мне, а в «запретном плоде» было что-то привлекательное, поэтому мы начали встречаться. Я никогда не думал, что наши отношения перерастут во что-то серьезное, но...

— Но так стало, — вставляю я.

— Ты прав, — кивает он. — Она-то и убедила меня, что позиция Бюро по проблеме генетических повреждений неправильная. А потом на нее напала шайка «ГЧ» и избил. Она была остра на язык и не хотела смириться с отведенным ей местом. Она сделала, а возможно, и нет, но...

Присматриваюсь к шнурку на его шее. Всегда думал, что он черного цвета, но теперь я вижу, что на самом деле, он — зеленый, то есть цвета форменной одежды вспомогательного персонала.

— Ее очень сильно избили, но один из нападавших оказался сыном члена Совета. Он утверждал, что нападение спровоцировали, и это стало для них достаточным оправданием. Они все отделались общественными работами. Но я догадывался, что на самом деле произошло. Я знал, что они позволяют себе такое потому, что уверены, что «ГП» — не полноценные люди, а что-то вроде зверей.

Мурашки пробегают у меня по спине.

— А что...

— Что случилось с ней? — смотрит на меня Мэтью. — Она умерла через год во время хирургической операции, которая потребовалась, чтобы исправить последствия травм. Такой несчастный случай — инфекция. В день ее смерти я начал помогать Ните. Впрочем, я не думал, что ее недавний план был удачной идеей, и поэтому не поддержал его. Но я решил ей не мешать.

Я перебираю в голове различные фразы сочувствия, которые полагается говорить в таких случаях, но все они кажутся глупыми и бессмысленными. Поэтому мы просто молчим. Тишина как будто придает смысл трагедии. Слова побуждают к тому, чтобы как можно скорее все забыть и начать жить дальше.

— Знаю, — говорит Мэтью, — по мне не скажешь, но я их ненавижу.

Его челюсти крепко сжаты. Он никогда не казался мне добродушным человеком, но и не производил впечатление холодного и безжалостного. Сейчас он именно такой. Он прямо вмерз в лед, а каждый его выдох — как дуновение морозного ветра.

— Я бы добровольно пошел на смерть вместо Калеба, но я мечтаю увидеть, как они будут страдать от последствий. Я хочу посмотреть, как они будут метаться после инъекции сыворотки памяти.

— Это будет адекватное наказание, — заявляю я.

— Гораздо более адекватное, чем смерть, — кивает Мэтью. — К тому же я не убийца.

Чувствую себя как-то неловко. Редко когда сталкиваешься с реальной стороной человека, спрятанной за маской, а когда такое случается, становится не по себе.

— Жаль, что с Юраей так вышло, — говорит он. — Оставляю вас одних.

Он снова сует руки в карманы и, насвистывая, идет дальше по коридору.



43

Трис

Чрезвычайное заседание Совета посвящено тому же самому: подтверждению, что вирусы будут ночью сброшены над городами. Уточняется количество задействованных самолетов и расписание полетов. Перекидываемся парой слов с Дэвидом после окончания заседания, и я высказываю за дверь, пока остальные еще потягивают кофе, быстро возвращаюсь в отель.

Мы с Тобиасом уходим в зимний сад атриума и проводим там некоторое время, болтая, целуясь и разглядывая самые дикие растения. Создается иллюзия, что мы, как самые обычные влюбленные, которые ходят на свидания, болтают о всяких мелочах и смеются. У нас с ним почти ничего этого не было. Большую часть времени мы метались от одной опасности к другой. А сейчас приближается «перезагрузка». Мы сделаем все, что в наших силах. А потом мы узнаем, подходим ли мы для обычной спокойной жизни так же, как подходим друг другу в борьбе.

Но нам пора прощаться. Я стою на более высокой ступеньке, ведущей в атриум, он — на нижней.

— Мне не нравится, что я не смогу быть с тобой сегодня вечером, — шепчет он. — Не хочется бросать тебя в одиночестве.

— Думаешь, что я не справлюсь? — по привычке защищаюсь я.

— Конечно, нет, — он прикасается рукой к моему лицу, упирается в мой лоб своим. — Я буду скучать.

— Нам придется разбежаться в разные стороны. На время. Совсем ненадолго. До того, как... ну, ты понимаешь.

— Да. — Он закрывает глаза. — Не могу дождаться завтрашнего дня, когда вернусь.

— И я, — отвечаю я и целую его.

Его руки касаются моих щек, затем плеч, потом он нежно гладит меня по спине. Его теплые пальцы настойчиво пробираются под мою рубашку. На меня обрушивается целая лавина разных ощущений: вкус его губ, прикосновение его бархатистой кожи, оранжевый свет, пробивающийся через закрытые мои веки, запах зелени, цветов... Когда мы отрываемся друг от друга, я вижу в его глазах светло-голубую стрелу, и мне кажется, что именно она хранит меня от опасностей.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — произносит он. — До скорой встречи.

Мы покидаем атриум. Замираю в луче закатного солнца, пока оно окончательно не исчезает. Теперь я должна быть с моим братом.



Перед тем, как встретиться с Амаром и Джорджем, решаю просмотреть мониторы в диспетчерской. Эвелин, вместе со своими бесфракционниками, засела в штаб-квартире эрудитов, они склонились над картой города. Маркус и Джоанна совещаются в здании на Мичиган-авеню, к северу от Хэнкок-болдинг. Надеюсь, что они оттуда никуда не уйдут.

Амар дал нам чуть больше часа, чтобы найти семью Юрайи. Поэтому у меня будет время либо на отца, либо на мать. Снежные хлопья кружатся на ветру по мостовой. Джордж протягивает мне пистолет.

— В городе опасно, — говорит он. — Верные разбушевались.

Беру пушку, даже не взглянув на нее.

— Все знакомы с планом? — спрашивает Джордж. — Я собираюсь следить за вашим продвижением из малой диспетчерской. Может, мне удастся вам помочь, несмотря на снегопад.

— А где будут другие охранники?

— Кто их знает? — подмигивает мне Джордж. — Я освободил их от дежурства. Никто не заметит, что одного пикапа нет.

— Мы прорвемся нормально, обещаю, — улыбается Амар.

Джордж пожимает руку Амару и делает нам знак выходить. Пока остальные направляются за Амаром к

машине, я хватаю Джорджа за плечо. Тот удивленно смотрит на меня:

— Не спрашивай ничего, — торопливо говорю я. — Просто попроси Мэтью сделать тебе прививку? И поскорее.

Джордж только моргает.

— Давай, — подгоняю его я.

Снежинки падают мне на волосы, при каждом выдохе изо рта вырывается облачко пара. Кристина как бы случайно наталкивается на меня у самого автомобиля и незаметно опускает мне что-то в карман. Флакон. Забираясь на пассажирское сиденье, ловлю на себе взгляд Питера. Я до сих пор не понял, почему он стремится сопровождать нас, но уверен, что за ним нужно присматривать. Внутри тепло, и скоро наша одежда покрывается каплями воды.

— Нам повезло, — заявляет Амар и вручает мне стеклянный экран с яркими путаными линиями.

Всматриваюсь в картинку и понимаю, что это улицы, а самая яркая линия — наш путь.

— Машина укомплектована навигатором, — поясняет он.

— А разве нельзя просто держать курс на самые высокие здания города?

— Нельзя просто взять и поехать в город, — кривится Амар, — надо пробираться туда незаметно. Так что заткнись, парень.

Нахожу на экране синюю точку, отмечающую наше положение. Пикап трогается с места, снег падает так густо, что видимость ограничивается несколькими фу-

тами. Здания, мимо которых мы проезжаем, выглядят безжизненными. Амар ведет быстро, очевидно надеясь, что вес нашей машины не даст ему перевернуться. Наконец, сквозь метель показываются огни города. А я и забыл, как близко он расположен от нас.

— Не верил, что мы вернемся сюда, — ни к кому не обращаясь, бормочет Питер.

— Я тоже, — говорю я, и это абсолютная правда.

Война, которую Бюро намеревается объявить горожанам, почти началась. Они могли бы помочь нашим захревшим фракциям, но они позволили всему развалиться и умереть. Только сейчас они намерены вмешаться и сохранить «генетический материал».

Нас трясет, когда Амар переезжает через рельсы, держась в тени высокой бетонной стены справа от нас. В зеркало заднего обзора я вижу Кристину. Она нервно дергает коленкой. Я так и не решил, чью память собираюсь стереть: Маркуса или Эвелин? Обычно в таких случаях я принимаю наименее эгоистичное решение, но тут такой случай, когда любой выбор затрагивает меня напрямую.

«Перезагрузить» Маркуса значит стереть человека, которого боюсь и ненавижу больше всего на свете, и освободиться, наконец, от его влияния. «Перезагружу» Эвелин — превращу ее в новую заботливую мать. В общем, я в выигрыше. Но что будет лучше для города? Уже не знаю.

Подставляю руки под вентиляционные отверстия, чтобы немного согреться. Амар ведет машину вдоль путей. Проезжаем мимо заброшенного вагона, который

мы видели на пути сюда, свет фар отражается от его серебристых панелей.

Амар спокойно едет, будто никакой границы не существует. Впрочем, полагаю, для него она действительно со временем исчезла, по мере того как сам он все больше привыкал к новому миру. А мне чудится, что возвращаемся из правды в ложь, из взрослой жизни — в детство. Смотрю, как стекло и металл зданий постепенно превращаются в пустые поля. Снег продолжает идти, и я едва различаю впереди силуэты зданий.

— Где Зик? — спрашивает Амар.

— Зик с матерью присоединились к восстанию, — отвечаю ему, — поэтому я считаю, что мы найдем их там, где больше всего народа.

— Дежурный в диспетчерской сообщил, что они собираются к северу от реки, возле Хэнкок-билдинг, — размышляет Амар, потом добавляет, смеясь: — Эй, займемся зип-лайном?

— Еще чего.

Нужен еще примерно час, чтобы туда добраться.

Когда показывается Хэнкок-билдинг, я понимаю, что нервничаю.

— Ой, Амар, — доносится сзади голос Кристины, — мне действительно нужно выйти. Ну, ты понимаешь...

— Что, прямо сейчас? — сопит Амар.

— Ага. Неожиданно так захотелось.

Амар сворачивает на обочину.

— Вы, ребята, сидите здесь. И не подглядывать. — Кристина выбирается из пикапа.

Смотрю, как она проскальзывает к задней части машины, и жду. Ощущаю легкий толчок, когда она режет шину. Кристина — настоящий мастер. Потом она с улыб-

кой забирается внутрь и отряхивает снег с куртки. Как ни странно, получается, чтобы спасти людей от ужасной участи, все, что иногда требуется, это притвориться, что тебе позарез нужно в туалет.

Мы двигаемся еще некоторое время. Машина вздрагивает и начинает подпрыгивать, как будто мы едем по ухабам.

— Вот черт, — ругается Амар, хмуро глядя на спидометр.

— Колесо спустило? — спрашиваю я.

— Похоже на то, — вздыхает он и тормозит на обочине.

— Сейчас проверю, — говорю я, спрыгиваю с пассажирского сиденья и направляюсь к задней части пикапа.

Задние шины полностью спущены, продырявленные острым ножом Кристины. Заглядываю через заднее окно, чтобы убедиться, что есть только одно запасное колесо, а затем возвращаюсь к открытой двери.

— Спущены оба колеса, а у нас — одна запаска, — говорю я Амару. — Надо бросать машину и искать новую.

— У нас нет времени, — восклицает Амар.

— Успокойся. Я знаю, где можно раздобыть другую тачку. Давайте сделаем так: вы пойдете пока пешком, а я разыщу что-нибудь подходящее?

— Ладно, — лицо Амара светлеет.

Перед тем как отойти, проверяю, что мой пистолет заряжен. Все вылезают из пикапа, Амар дрожит от холода и подпрыгивает на одном месте. Смотрю на часы.

— Когда надо успеть сделать прививки?

— По графику Джорджа, у нас — шестьдесят минут до того, как на город сбросят вирус, — поясняет Амар. —

Если ты захочешь пожалеть Зика и его мать и позволить их «перезагрузить», я не стану тебя винить.

— Нет, Амар, — качаю я головой. — Они не будут страдать, но это будут уже не они.

— Лихач всегда остается лихачом.

— Только... Ты сам помалкивай, — прошу я. — Я должен сказать все сам.

— Конечно, — улыбка Амара становится печальной.

Мои ботинки промокли, и я с новой силой чувствую холод, идущий от мерзлой земли. Собираюсь отправиться в путь, как вдруг Питер подает голос:

— Я с тобой.

— Что? Зачем? — вытаращиваюсь я на него.

— Я тебе пригожусь, — говорит он. — Город-то не маленький.

Амара пожимает плечами.

— Решайте сами.

Питер наклоняется ко мне поближе и шепчет:

— Если не хочешь, чтобы я ему настучал, не выделяйся.

И он показывает глазами на карман моей куртки, где лежит сыворотка памяти.

— Ладно, — вздыхаю я. — Но без глупостей, понял?

Смотрю вслед Амару и Кристине. Они направляются к Хэнкок-билдинг. Потом делаю несколько шагов назад и сую руку в карман.

— Я не собираюсь искать никакой пикап, — заявляю я Питеру. — Ты поможешь мне. Или мне нужно сразу тебя застрелить?

— Зависит от того, что ты собираешься делать.

Трудно мне ему ответить, ведь я сам ни в чем не уверен. Мы находимся неподалеку от Хэнкок-билдинг, направо от нас располагаются бесфракционники, Эвелин и ее коллекция сыворотки смерти. Налево — верные и Маркус. Куда я должен пойти? Но вместо этого, я спрашиваю себя, на что, собственно, надеюсь я сам?

— Собираюсь остановить революцию, — отвечаю Питеру и поворачиваю направо, а он молча следует за мной.



45

Трис

Мой брат стоит за микроскопом, глаза прижаты к окуляру. Свет, отразившись от предметного столика, бросает странные тени на его лицо, от чего Калеб кажется старше.

— Это, безусловно, она, — произносит он. — Сыворотка моделирования атаки.

— Всегда лучше узнать еще одно мнение, — говорит Мэтью.

Через несколько часов Калеба ждет смерть, а он стоит и анализирует сыворотки. Как глупо. Ясно, зачем Калеб захотел быть здесь: чтобы убедиться, что он жертвует собой по уважительной причине. Тем не менее, я его, в общем, понимаю. Шанса все переиграть тебе никто не даст.

— Повтори-ка код, — просит его Мэтью.

Код должен активировать сыворотку памяти, в то время как нажатие на кнопку вызовет ее мгновенное рассеивание по Резиденции.

— Я легко запоминаю последовательности чисел, — злится Калев.

— Не сомневаюсь. Но когда на тебя начнет действовать сыворотка смерти, твой разум может помутиться. Нужно, чтобы цифры и действия глубоко укоренились у тебя в голове.

Калев вздрагивает, а я таращусь на свои ботинки.

— 080712, — покорно произносит он, — и нажать зеленую кнопку.

Кара сейчас сидит в диспетчерской, чтобы добавить в напитки дежурных успокоительное, а затем, когда все будут одурманены, отключить в Резиденции освещение. Как только она провернет это, мы отправимся в Оружейную Лабораторию, невидимые в темноте для камер наблюдения. Напротив меня на столе лежит бомба, которую дал нам Реджи. Она выглядит совершенно обыденно: черная коробка с металлическими зубцами по углам и дистанционным взрывателем. С помощью зазубрин ее легко прикрепить ко вторым лабораторным дверям. Первые — до сих пор не восстановили после нападения Ниты.

— Отлично, — резюмирует Мэтью. — Теперь нам нужно только ждать.

— Мэтью, — спрашиваю я, — ты не оставишь нас одних?

— Конечно, — улыбается тот. — Я зайду за вами, когда будет пора.

Калев раскладывает перед собой костюм химзащиты, бомбу, рюкзак и внимательно смотрит на снаряжение.

— Я вспоминаю о том, как мы с тобой играли в «Правдолюбков», когда были маленькие, — произносит

он. — Я тогда сажал тебя в кресле в гостиной и задавал тебе вопросы.

— Ага, — киваю я, прислонившись к лабораторному столу. — Ты еще считал мой пульс на запястье и говорил, что, если я солгу, ты тут же все узнаешь. Вот ужас.

Калев смеется.

— Однажды ты призналась, что стащила книжку из школьной библиотеки, а в этот момент вернулась домой мама...

— И заставила меня пойти к библиотекарьше и извиниться. Она еще всегда называла всех «барышня» или «молодой человек».

— А меня она, похоже, любила. Когда я вызывался дежурить и должен был расставлять книги во время обеденного перерыва, на самом деле я просто стоял и читал. Она несколько раз замечала меня за этим занятием, но никогда ничего не говорила.

— Правда? — и чувствую внезапный укол в груди. — Я не знала.

— Мы много чего не знали друг о друге, — он постукивает пальцами по столу. — Жаль, что мы не смогли быть честными с собой.

— Мне тоже.

— И сейчас уже слишком поздно.

— Не совсем, — я выдвигаю стул и сажусь. — Как насчет правдолюбия? Я отвечу на твой вопрос, а потом ты ответишь на мой. Только честно.

Он выглядит немного сердито, но соглашается:

— Как ты разбила стаканы на кухне, хотя заявила, что хотела протереть их?

— Калев, ты чего? — я возвожу глаза к потолку.

— Хорошо, — он откашливается. — Ты действительно простила меня?

Смотрю на свои руки, лежащие на коленях. До сих пор у меня получалось разговаривать с ним непринужденно и по-доброму лишь потому, что я гнала прочь воспоминания о случившемся с нами у эрудитов. Но то, что он сделал, невозможно простить. Боль еще жива в моем сердце. Хотя, может, я постепенно забуду те горькие события и время окончательно притупит гнев и ненависть?

— Да, я тебя простила, — твердо говорю я и делаю паузу. — Или, по крайней мере, я отчаянно хочу тебя простить. Думаю, что фактически это одно и то же.

Его лицо проясняется. Встаю со стула, уступая ему место.

— Почему ты решился на такое? Какова самая главная причина? — спрашиваю я. — Наиболее важная для тебя?

— Не надо, Беатрис.

— Я не загоняю тебя в ловушку, Калев. Не бойся.

Между нами на матовом столе лежат выстроенные в линию костюм, взрывчатка и рюкзак. Обратного билета среди этих вещей нет.

— Наверное, у меня нет выбора. Зато я избавлюсь от чувства вины, — произносит он. — И я успокоюсь.

Мне нечего сказать.

Внезапно в углу оживает интерком:

— Внимание всем жителям Резиденции Бюро. Начать процедуру аварийной блокировки системы, активировать до пяти утра. Повторяю, начать процедуру аварийной блокировки системы, активировать до пяти утра.

Калев и я обмениваемся тревожными взглядами. Мэтью распахивает настежь дверь.

— Черт, — говорит он. А потом, уже чуть громче, — Черт!

— Аварийная блокировка? — уточняю я. — Что-то наподобие той учебной тревоги?

— В принципе, да. Наш час настал, ребята. В коридорах царит хаос, и они собираются удвоить охрану, — отвечает Мэтью.

— Зачем? — интересуется Калеб.

— Может, они желают подстраховаться перед распылением вируса, — пожимает плечами Мэтью. — Или они нас засекли. Но если бы они знали наверняка, нас бы уже арестовали.

Смотрю на Калеба. Минуты, которые нам были отпущены, исчезают, падают, как сухие листья с дерева. Пересекаю комнату и беру наши пушки, но зуд в глубине моего сознания не исчезает. Я прокручиваю в голове то, что сказал мне вчера Тобиас. Альтруист пожертвует собой ради вас только в том случае, если для него это последний способ показать, что он вас любит. А с Калебом явно не тот случай.



46

Тобиас

Мои ноги скользят по заснеженной мостовой.

— Ты не привил себя вчера, — говорю я Питеру.

— Ты прав, — отвечает он.

— Почему?

— А зачем, собственно, мне тебе рассказывать?

Провожу большим пальцем по флакону и заявляю:

— Ты догадался, что у меня есть сыворотка памяти, ведь так? Если ты хочешь получить дозу, тебе не повредит объяснить мне причину.

Он молчит.

— Я бы предпочел просто взять ее у тебя, — бурчит он, наконец.

— Попробуй, — парирую я.

— Ты, наверное, думаешь, что хорошо умеешь драться, но ты недостаточно хорош, чтобы победить меня.

Без предупреждения он сильно толкает меня, я поскользываюсь и падаю. Мой пистолет летит на землю, исчезая в сугробе. «Что же, пора бы мне соображать», — думаю я и поднимаюсь на ноги. Питер хватается за воротник и дергает, я скольжу снова, только на этот раз сохраняю равновесие и локтем бью его в живот. Он пинает меня в ногу, которая моментально немеет, хватается за полу куртки и пытается подтащить к себе.

Его рука нащупывает карман, где лежит сыворотка. Стараюсь оттолкнуть его, но у меня не получается: его положение слишком устойчиво, а моя нога до сих пор ничего не чувствует. Я концентрируюсь. Со стоном разочарования, завожу свободную руку назад и ударяю Питера в челюсть. И оно того стоило. Питер кричит и отшатывается от меня.

— Понимаешь, почему ты проиграл тогда бой? — спрашиваю я.

— Да. Ты жестокий. И ты считаешь себя особенным. Думаешь, что все вокруг — слабаки, в отличие от тебя.

Он встает, но я отпихиваю его в сторону, и он снова растягивается на снегу. А я наступаю прямо ему на горло. Наши глаза встречаются, они у него — большие и совершенно невинные.

— А ты, конечно, не особенный, — рычу я. — И мне нравится причинять людям боль. Я могу сделать самый жестокий выбор. Разница между нами в том, что я иногда сдерживаюсь, а ты нет. Ты — злой.

Перешагиваю через него и иду вниз по Мичиган Авеню. До меня доносится его дрожащий голос:

— Поэтому мне и нужна сыворотка.

Останавливаюсь, но не оборачиваюсь.

— Я устал быть таким, какой я есть, — продолжает он. — Мне надоело с удовольствием делать гадости и удивляться, что со мной не общаются. Я хочу начать все сначала.

— А по-моему, это трусость, — бросаю ему через плечо.

— Мне наплевать, — бормочет Питер.

Чувствую, как гнев, бурливший во мне, улечивается. Я слышу, как Питер встает на ноги и отряхивает снег с одежды.

— Не пытайся повторить свой фокус, — замечаю я. — Обещаю, я дам тебе «перезагрузиться», но позже. Ничего не имею против.

Он кивает, и мы продолжаем пробираться в здание, где я в последний раз видел свою мать.



В коридоре — чудовищная суета. Какая-то женщина толкает меня плечом и выпаливает извинения, а я бегу за Калобом. Почему я не могу быть на несколько

сантиметров выше, чтобы мир вокруг не был похож на скопище торсов.

Мы пребираемся в толпе так быстро, насколько возможно, но стараясь не привлекать к себе внимания. Чем больше охранников я вижу, тем сильнее растет внутри меня беспокойство. Рюкзак Калеба подпрыгивает на его спине в такт шагам. Сотрудники Бюро носятся в разных направлениях, но скоро мы достигнем запретного коридора, ведущего в Оружейную Лабораторию.

— Похоже, у Кары что-то не так, — говорит Мэтью. — Освещение должно быть выключено.

Киваю, чувствуя пистолет под специально надетой мешковатой рубашкой. Надеюсь, у меня не будет повода использовать его, но чувствует мое сердце, что стрелять придется. Я беру Калеба и Мэтью за руки, и мы втроем тормозим.

— У меня есть идея, — заявляю я. — Сейчас мы разделяемся, Калек и я летим в лабораторию, а ты, Мэтью, устраиваешь какой-нибудь тарарам.

— Какой еще тарарам?

— У тебя же есть пушка? Выстрели в воздух.

Он колеблется.

— Давай, — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

Мэтью достает оружие. Хватаю Калеба за локоть. Оглядываюсь и вижу, как Мэтью поднимает пистолет над головой и стреляет прямо в одну из панелей на потолке. При резком хлопке я срываюсь с места и волочу Калеба за собой. Раздаются вопли и звуки бьющегося стекла, мимо проносятся охранники. Мы убегает прочь от спальных корпусов, направляясь к месту, где не должны находиться. Немного странно ощущать, как

инстинкты и навыки лихача возрождаются во мне. Мой разум становится острее и яснее, а дыхание — размереннее. Смотрю на Калеба, ожидая увидеть, что с ним происходит то же самое, но он бледен, кровь отлила от его лица, он почти задыхается. Покрепче сжимаю его локоть, чтобы он не упал. Мы сворачиваем за угол, наши ботинки скрипят по плиткам пола. И вот перед нами пустой коридор с зеркальным потолком. Чувствую прилив торжества. Теперь уже недалеко.

— Стойте! — раздается голос.

Охранники. Они заметили нас.

— Стойте, или мы будем стрелять!

Калев вздрагивает и поднимает руки, я тоже. Мельтешение мыслей в голове замедляется. Но сейчас я не вижу в Калебе того трусливого парня, оправдывающегося за то, что продал меня Джанин Мэтьюз. Рядом со мной мой брат, который подбадривал меня, когда наша мать сломала запястье. Возле меня — Калев, который в ночь перед Церемонией указал мне, что надо делать свой собственный выбор. Я думаю о том, какой он на самом деле замечательный: умный, увлеченный, внимательный, тихий, серьезный и добрый. Мы с ним две части одного целого, и так будет всегда. Я не принадлежу ни альтруистам, ни лихачам, ни даже дивергентам. Надо мной не имеет власти ни Бюро, ни Город, ни Округа. Я вместе с людьми, которых люблю, а они — вместе со мной. Именно это, а еще — моя верность и создают мою собственную личность.

Я люблю своего брата. А он, Калев, содрогается от ужаса при мысли о близкой смерти. И теперь я могу лишь повторить то, что сказала ему совсем недано: я бы никогда не повела тебя на твою собственную казнь.

— Кaleb. Дай мне рюкзак.

— Зачем? — недоумевает он.

Засовываю руку под рубашку, достаю пистолет и навожу на него.

— Кaleb.

— Трис, нет, — качает он головой. — Нет, я тебе не позволю...

— Брось оружие, — орут охранники из конца коридора.

— Я смогу противостоять сыворотке смерти, — продолжаю я убеждать Калеба. — А ты — нет. В общем, дай мне рюкзак, или я раню тебя, а потом все равно заберу его.

И я повышаю голос так, чтобы меня слышали охранники:

— Он — мой заложник. Не подходите, или я убью его.

Кaleb становится очень похож на нашего отца: его глаза смотрят устало и грустно, на подбородке виднеется тень щетины. Руки у него дрожат, когда он снимает со спины свою ношу и протягивает ее мне. Я закидываю рюкзак на плечо. Потом медленно отхожу, стараясь двигаться так, чтобы он оставался между мной и солдатами.

— Кaleb, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Беатрис, — отвечает он, его глаза блестят от слез.

— Немедленно на пол! — демонстративно кричу я.

Кaleb падает на колени.

— Если я не выживу, — говорю я ему, — передай Тобиасу: я не хотела его бросать.

Я чуть отклоняюсь и целюсь в одного из охранников. Вдох. Замереть. Выдох. Огонь. Слышу стон боли и кидаюсь в тень, звуки выстрелов звучат в ушах. Мечусь от

стены к стене, чтобы им труднее было в меня целиться, а затем ныряю за угол. Пуля свистит прямо рядом со мной, но не задевает.

На бегу снимаю рюкзак, открываю молнию, вытаскиваю бомбу и детонатор. Позади меня раздается громкий топот. Мчусь изо всех сил. Каждый шаг гулом отдается в моих внутренностях. Наконец, снова сворачиваю. Там, около дверей, развороченных налетом Ниты, вытянулись в струнку два охранника. Прижимаю взрывчатку к груди свободной рукой и стреляю в них: первому попадаю в ногу, а второму — в грудь. Раненый тянется за оружием, и я опять прицеливаюсь, стреляю и на миг зажимаюсь. Он больше не двигается.

Достигаю дверей. Цепляю бомбу к металлической планке возле створки, и зажимаю зубцы коробки, фиксируя ее. Потом лечу назад, сажусь на корточки, нажимаю кнопку детонатора и закрываю уши ладонями. Звук взрыва вибрирует в моих костях. Хотя бомба и небольшая, мощь ее взрыва швыряет меня на пол. Пистолет выпадает у меня из руки и отлетает. Я в шоке замираю, а на меня сыплются осколки стекла и металла. Когда пытаюсь встать, голова у меня кружится и гудит. В коридоре появляются охранники. Кто-то открывает огонь, и пуля попадает мне в руку, не задев кость. Вскрикиваю. Перед глазами мелькают круги. Я, спотыкаясь, бросаюсь вперед и вбегаю в помещение.

Я в вестибюле со множеством опечатанных дверей со смотровыми окошками. За ними — Оружейная Лабораторию, ряды приборов и непонятных устройств и полные ампулы, подсвеченные снизу, как на выставке. Что-то шипит. Понимаю, что сыворотка смерти распро-

страняется по комнате, но у меня нет времени надевать защитный костюм. Я знаю, просто знаю, что смогу уцелеть. Я выживу.



Штаб бесфракционников, который для меня все еще остается штабом эрудитов, кажется очень мирным. Ничего, кроме светящихся окон, не намекает на то, что внутри есть люди. Останавливаюсь перед входом и недовольно хмыкаю.

— В чем дело? — спрашивает Питер.

— Ненавижу это место, — отвечаю я.

Он убирает с глаз мокрую челку.

— Так что мы собираемся сделать? Разобьем окно? Или поищем заднюю дверь?

— Я просто зайду и все. Я же ее сын.

— Который предал ее и покинул город, хотя она запретила это делать, — напоминает он. — Она послала за тобой людей, чтобы остановить тебя. И у них — оружие.

— Мне все равно, — говорю я. — Будь здесь, если хочешь.

— Не надейся. Куда ты с сывороткой, туда и я, — усмехается он. — Если тебя застрелят, я заберу ее и смоюсь.

— Ничего другого я от тебя и не ждал.

Питер вообще странный тип.

Переступаю порог и оказываюсь внутри. Первое, что бросается мне в глаза, — склеенный наспех портрет

Джанин Мэтьюз. Кто-то нарисовал красной краской над каждым ее глазом крест и написал «Фракционная мразь». Несколько людей с повязками бесфракционников поднимаются нам навстречу. Некоторых из них я видел еще тогда, когда они сидели вокруг костров на складах. Это напоминает мне, насколько велико их количество — гораздо больше, чем мы подозревали.

— Мне нужно встретиться с Эвелин.

— Конечно, — ухмыляется кто-то, — так мы тебя и пустили.

— У меня есть сообщение от людей извне, — объясняю я. — Уверен, ей будет интересно.

— Тобиас, — восклицает какая-то женщина..

Это наша соседка по сектору альтруистов, ее зовут Грейс.

— Привет, Грейс. Мне надо поговорить с мамой.

Она нерешительно покусывает губу и смотрит на нас. Ее рука, сжимающая пистолет, чуть расслабляется.

— Ну, это вообще-то запрещено.

— Ради бога, — прерывает ее Питер. — Просто доложите ей, что мы здесь.

Грейс ныряет обратно в толпу и исчезает. Мы ждем так долго, что плечи начинают болеть от поднятых рук. Наконец, Грейс возвращается и манит нас к себе. Мы направляемся в фойе, проходя через гущу народа, как нитка сквозь игольное ушко. Грейс ведет нас к лифту.

— Как получилось, что у тебя пушка, Грейс? — спрашиваю я. — Никогда не слышал, чтобы альтруисты стреляли.

— Фракции расформированы, — заявляет она. — А у меня есть чувство самосохранения.

— Хорошо, — говорю совершенно искренне.

Альтруисты были так же порочны, как и другие фракции, но их недостатки менее очевидны и скрыты под маской самоотверженности. Но требовать от человека, чтобы он отказался от себя, задвинул свое «Я» на второй план, ничуть не лучше, чем поощрять его к убийству.

Мы поднимаемся на тот этаж, где раньше располагался административный офис Джанин. Однако мы минуем его и заходим в конференц-зал со столами, диванами и стульями, расставленными строгими квадратами. В огромные окна, протянувшиеся вдоль всей стены, светит луна. Эвелин смотрит в окно.

— Ступайте, Грейс, — произносит она. — Значит, Тобиас, у тебя есть послание?

Ее густые волосы связаны в узел, на серой рубашке — повязка бесфракционников. Она выглядит измотанной.

— Слушай, подожди в коридоре, — прошу я Питера, и тот, к моему удивлению, не спорит.

Мы с матерью остаемся одни.

— Люди извне не посылали тебе никаких сообщений, — начинаю я. — Они собираются стереть память всех жителей города. Считают, что с нами не о чем говорить, а взывать к нашим лучшим чувствам — бессмысленно.

— Может, они и правы, — отвечает Эвелин.

Она, наконец, поворачивается ко мне и подпирает щеку кулаком. На одном из пальцев у нее татуировка, изображающая пустой круг. Она похожа на обручальное кольцо.

— Но зачем ты к нам пожаловал?

Я ни на что не могу решиться. Эвелин... Время прошло по ней, превратив в лоскут ветхой ткани, волокна которой вытерлись и износились. Неужели передо мной — та самая Эвелин, которую я знал в детстве? Тогда она улыбалась, а глаза ее сверкали от радости. Но чем дольше я вглядываюсь в ее лицо, тем больше убеждаюсь, что той счастливой женщины никогда не существовало. Сейчас я наблюдаю лишь за бледной тенью моей настоящей матери. Сажусь напротив нее, достаю флакон с сывороткой памяти и кладу его на стол.

— Я собираюсь дать тебе выпить это.

Она переводит взгляд на флакон.

— Я думаю, что это — единственный способ предотвратить полное уничтожение города, — продолжаю я. — Маркус, Джоанна и их люди хотят вас атаковать, а ты сделаешь все возможное, чтобы их остановить. В том числе не погнушаешься использовать сыворотку смерти, которая у тебя есть. Или я ошибаюсь?

— Нет, — качает головой она. — Фракции не должны быть восстановлены.

Ее рука так сильно сжимает край стола, что костяшки пальцев белеют.

— Знаешь, при чем здесь фракции? — спрашиваю я. — У нас была лишь иллюзия выбора, а фактически он отсутствовал. Ты пытаешься сделать сейчас то же самое, отменяя их. Ты предлагаешь всем: «Давайте, выбирайте. Но если, не дай бог, вы вернетесь к фракциям, я порву вас на куски».

— Тогда почему ты молчал? Ты сбежал, — она повышает голос. — Ты предал меня!

— Потому что я тебя боюсь, — вырывается у меня, и я сразу сожалею о своем признании, хотя и рад, что сказал этр. — Ты... ты мне напоминаешь о нем!

— Не смей! — кричит она.

— Меня не волнует, что тебе неприятно меня слышать. Маркус был тираном у нас дома, а ты теперь превратилась в тирана в нашем городе.

— Ясно, — произносит она и берет флакон. — Ты считаешь, что это — прекрасный способ все исправить.

— Я начинаю, я и умолкаю.

Что мне делать? Если я сотру ее воспоминания, то создам себе новую мать. Но она больше, чем моя мать. Она — личность. Я не имею права так с ней поступить.

— Нет — говорю я. — Я предоставляю принять решение тебе.

Мое сердце бьется, как бешеное.

— Я думал о том, чтобы встретиться сегодня вечером с Маркусом, но в итоге раздумал, — с трудом сглатываю слюну. — Я пришел к тебе, а не к нему... Поскольку уверен, что у нас с тобой есть надежда на примирение. Пусть не сейчас, не завтра, но когда-нибудь. С ним у меня нет абсолютно никакой надежды.

Она злится и одновременно борется со слезами.

— Мое предложение вполне справедливо, — замечаю я. — Ты можешь остаться лидером бесфракционников или бороться с верными, но уже без меня. Или ты продолжишь свой крестовый поход, или ты вернешь своего сына.

Мне очень страшно. Что, если она откажется от меня и захочет власти? Но я — ее дитя. Я словно задаю ей извечный детский вопрос — кого она больше любит.

Глаза Эвелин, темные как мокрая земля, изучающе смотрят на меня. Затем она тянется ко мне через стол и заключает в объятия.

— Пусть делают с городом, что хотят, — шепчет она мне в волосы.

Я замираю, не в силах ничего сказать. Мама выбрала меня. Меня.



Сыворотка смерти пахнет дымом и специями, и мои легкие отказываются вдыхать такой воздух. Я задыхаюсь, кашляю и тут же падаю на колени. Чувствую себя так, будто кто-то заменил мою кровь патокой, а кости — свинцом. Меня клонит в сон, но мне нельзя засыпать. Я должна бодрствовать, только это сейчас важно. Представляю свое желание, как стремление в виде костра, горящего в груди.

Невидимые нити продолжают тянуть меня все сильнее, и я начинаю подкармливать пламя именами. То-биас. Калерб. Кристина. Мэтью. Кара. Зик. Юрайя. Но не выдерживаю тяжести сыворотки и валюсь на пол, прижимая раненую руку к холодной плитке. *«Было бы здорово уплыть подальше отсюда»*, — звучит голос в моей голове. Но во мне горит огонь. Желание жить. Я еще не все сделала, мне рано.

Я начинаю копаться в своем собственном разуме. Трудно вспомнить, зачем я пришла сюда, забыть так чудесно. Но внезапно я вспоминаю лицо матери и кровь,

текущую из тела отца. *«Они умерли, — продолжает тот же голос, — ты должна присоединиться к ним». — Они пожертвовали собой ради меня», — возражаю я, — и мне надо заплатить долг. Я обязана спасти город и людей, которых любили мои родители».*

Во мне бушует огонь, поедающий мою плоть, и смертельная тяжесть внутри меня постепенно сгорает. Сейчас нет ничего, что могло бы меня убить. Я сильная. Тьма отступает. Я упираюсь непослушной рукой в пол и отталкиваю от него. Согнувшись, я жму на двойные двери, и слышу звук рвущихся печатей на створках. Вдыхаю чистый воздух и распрямляюсь. Я дошла. Но я здесь не одна.

— Не двигайся, — произносит Дэвид, поднимая пистолет. — Привет, Трис.



50

Трис

— Когда ты смогла привить себя? — спрашивает он. Он по-прежнему сидит в инвалидном кресле. Я ошеломленно смотрю на него.

— Ничего такого я не делала.

— Не ври, Трис. Ты бы погибла от воздействия сыворотки, а я единственный человек в Резиденции, у кого она есть.

Я не знаю, что сказать. Я не делала никаких прививок. Тот факт, что я еще на ногах, наверное, кажется чудом.

— Впрочем, теперь это не имеет значения, — добавляет он.

— А что вы тут делаете? — шепчу я.

Мои губы онемели, а кожа — липкая от пота. Смерть продолжает цепляться за меня, несмотря на то, что я одержала победу. Смутно осознаю, что оставила свой пистолет в коридоре, будучи уверенной, что он мне не понадобится.

— Трис, — продолжает он. — Ты же носилась с генетически поврежденными целую неделю. Твою подругу, Кару, поймали на попытке отключить освещение, но она весьма мудро усыпила себя до того, как смогла что-нибудь нам рассказать. На всякий случай я прикатил сюда. Не ожидал увидеть тебя в Лаборатории, ты меня очень расстроила.

— Вы один? — спрашиваю я. — По-моему, не слишком умно.

— Но я вооружен и привит против сыворотки смерти. Тебе нечего мне противопоставить. Сыворотка смерти не способна уничтожить тебя, зато я смогу. Официально мы не практикуем казнь, но я нарушу правила.

Значит, Дэвид считает, что я собираюсь украсть сыворотку, с помощью которой они собираются осуществить «перезагрузку». Он ошибается.

Стараюсь сохранять расслабленное и усталое выражение лица. Потихоньку озираюсь по сторонам, ища устройство, которое выпустит на свободу вирус. Я помню, как Мэтью описывал его Калебу в мельчайших подробностях: черный ящик с серебристой клавиатурой и синей полоской с написанным на ней номером модели. И я вижу его. Он стоит слева, у стены, совсем недалеко

от меня. Но если я пошевелюсь, Дэвид меня убьет. Надо отвлечь его внимание.

— Я вас раскусила, — говорю я, надеясь, что мои обвинения отвлекут его. — Вы санкционировали симуляцию атаки, и вы несете ответственность за смерть моих родителей. Моей матери.

— Нет, — кричит Дэвид. — Я предупредил ее, но она не увела своих близких в безопасное место. Она меня не слушала, Натали всегда была дурой, которая стремилась пожертвовать собой ради общего блага. Поэтому она и погибла.

Мрачно таращусь на него. Что-то промелькнуло в его остекленевших глазах, когда Нита сделала ему укол...

— Вы любили ее? — выпаливаю я. — Она постоянно писала вам, а потом вышла замуж за моего отца... Именно поэтому вы заявили ей, что не хотите больше получать от нее никаких вестей.

Дэвид застыл, как каменная статуя.

— Я любил ее, — говорит он. — Очень давно.

Вот почему он и приблизил меня к себе. Ведь я — часть Натали. У меня — мамины волосы и голос. А Дэвид потратил всю свою жизнь, цепляясь за свои чувства, а, в итоге, все потерял.

Я слышу шаги. Солдаты. Отлично, как раз вовремя. Пусть вваливаются в зараженное сывороткой помещение, чтобы разнести вирус по Резиденции. Надеюсь, впрочем, что они подождут, пока не выветрится сыворотка смерти.

— Моя мама просто понимала то, что недоступно вам.

Делаю один шаг к черному ящику и продолжаю говорить:

— Она научила меня настоящей жертвенности, основанной на любви, а не на отвращении к генетике другого человека. Жертва — необходимость, когда все другие варианты уже исчерпаны. Жертвуют ради людей, которые нуждаются в вашей силе, потому что они слабы. Запомните это, Дэвид. А я, в свою очередь, должна избавить мир от вас раз и навсегда.

Я прыгаю к устройству. Раздается выстрел, и мое тело пронзает боль. Я не понимаю, куда попала пуля. В голове звучит голос Калеба, повторяющий код доступа. Трясущимися пальцами набираю его на клавиатуре. Пистолет снова дергается в руках Дэвида. У меня перед глазами снуют темные пятна, но я не останавливаюсь. Что за мука. Я падаю, но успеваю нажать зеленую кнопку. Помещение пронзает громкий сигнал, повторяющийся раз за разом. Чувствую, как кровь стекает по моей щеке. У нее очень странный темный цвет. Краем глаза я вижу Дэвида. И мою мать, выходящую из-за его спины.

Она одета в ту же серую одежду альтруистов, которая была на ней, когда я видела ее в последний раз. На ее голых руках — татуировки. В рубашке — пулевые отверстия. Ее светлые волосы собраны в узел, но несколько выбившихся прядей золотом обрамляют ее лицо. Наверное, мое сознание затуманено сывороткой смерти. Она опускается на колени рядом со мной и гладит меня по голове.

— Привет, Беатрис, — улыбается она.

— Я все сделала правильно? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она, и в ее глазах блестят слезы. —

Да, мое дорогое дитя, моя Беатрис.

— А как же остальные? — захожусь я в рыданиях. — Тобиас, Кaleb, мои друзья?

— Они позаботятся друг о друге.

Я проваливаюсь в темноту.

Потом слышу, как меня окликает мама. Она зовет меня к себе. Я открываю глаза, поднимаюсь и бегу в ее объятия. Простит ли она меня? Надеюсь. Хочу верить в это.



51

Тобиас

Мы с Эвелин стоим у окна, плечом к плечу, наблюдая за снежной круговертью. Белые хлопья кружатся и оседают на карнизе. В мои руки уже вернулась чувствительность.

Похоже, что наш мир еще не разрушился.

— Я использую радио и войду в контакт с Маркусом, чтобы начать переговоры о мирном соглашении, — говорит Эвелин.

— Я должен сдерживать обещание, которое дал, — прикасаюсь к плечу Эвелин.

Она мягко улыбается, а я ощущаю угрызения совести. Я не собирался торговать ее любовью ко мне. Я хотел предоставить ей возможность выбора. Трис права: когда вам приходится выбирать между двумя плохими вариантами развития событий, вы выбираете тот, который сохранит ваших любимых.

Питер скорчился в коридоре, прислонившись спиной к стене. Он смотрит на меня, его темные волосы прилипли ко лбу.

— Ты что, не «перезагрузил» ее? — интересуется он.

— Нет.

— Ясно, тебе не хватило смелости.

— Чушь. Ладно, неважно, — качаю я головой и сжимаю флакон. — Ты еще не передумал?

— Нет.

— Ты мог бы просто постараться измениться, — замечаю я, — и принимать более взвешенные решения.

— Угу, — ворчит он. — Но я не смогу.

Точно. Менять себя трудно, это происходит медленно и, конечно, не за один день, а за длинную их череду. Возможно, источник проблем исчезнет лишь по прошествии времени. Питер боится, что впустую потратит все силы, а в итоге станет хуже, чем сейчас. И я отлично понимаю, что он чувствует. Страх самого себя и есть мой главный кошмар.

Я помогаю ему подняться, сесть на диван и спрашиваю его, не хочет ли он поговорить напоследок. Нет.

Трясущейся рукой он берет флакон и откручивает крышку. Жидкость почти переливается через край. Он осторожно нюхает ее.

— А сколько я должен отпить? — спрашивает он, и я слышу, как стучат его зубы.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Ладно. Ну... поехали, — он поднимает пузырек, будто салютуя мне.

— Смелее.

Он делает глоток.

Мне становится холодно.

— Эй, Питер, — кричу я, и мои слова превращаются в пар.

Он стоит в дверях штаб-квартиры эрудитов, на его лице застыло непонимающее выражение. При звуке своего имени он удивленно поднимает брови и тычет пальцем себе в грудь. Мэтью сказал нам, что человек будет дезориентирован, но я не предполагал, что «дезориентирован» означает «глуп». Вздыхаю.

— Да-да, ты. Иди сюда.

Я не сомневался, что даже после того, как он примет сыворотку, я все равно буду видеть в нем новичка, ударившего Эдварда в глаз ножом для масла. Или того мальчика, который пытался убить свою подругу. Но реальность оказалась проще, чем я думал. Он просто лишился памяти.

Потом мы втроем направляемся в парк Миллениум. Мы с Эвелин — впереди, а Питер следом за нами, как-то вприпрыжку, словно он маленький ребенок. Снег поскрипывает у нас под ногами. Мы приближаемся к гигантской скульптуре, в которой отражается лунный свет, а затем спускаемся вниз по лестнице. Эвелин берет меня за локоть, чтобы сохранить равновесие, и мы обмениваемся взглядами. Интересно, не нервничает ли она так же, как я?

Здесь расположен павильон из двух стеклянных блоков, каждый, по крайней мере, в три раза выше моего роста. Тут мы и встретимся с Маркусом и Джоанной. Конечно, будем реалистами: и мы, и они вооружены.

Они нас опередили. Маркус сразу целится в Эвелин. Я, на всякий случай, тоже навожу на него пушку, кото-

рую дала мне мать. Вижу очертания его черепа, редкие волосы и крючковатый нос, торчащий как клюв птицы.

— Тобиас, — восклицает Джоанна.

Ее красная куртка Товарищества присыпана снежинками.

— Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь предотвратить массовое убийство, — отвечаю ей. — Меня удивляет, что ты носишь оружие.

Я киваю на характерную выпуклость в кармане ее куртки, в которой безошибочно угадывается контур пистолета.

— Иногда необходимо идти на радикальные меры, чтобы поддержать мир, — произносит Джоанна. — Я считала, что ты, в принципе, с этим согласен.

— Хватит болтать, — встревает Маркус. — Эвелин, выкладывай, что у тебя.

Он явно сдал: осунулся и побледнел. Вокруг его глаз темнеют фиолетовые круги. Я вспоминаю о своем отражении в комнате страха. Я до сих пор нервничаю, что стану похож на отца. Даже сейчас, когда мама на моей стороне, о чем я всегда мечтал, когда был маленьким.

— Да, — отчеканивает Эвелин. — У меня есть кое-какие идеи. Вам они понравятся. Я уйду в отставку и сдам оружие, которое мой народ не использует для самозащиты. Я покину город навсегда.

Маркус хохочет. Не знаю, чего в его смехе больше: сарказма или недоверия. Будучи высокомерным и подозрительным, он в равной степени способен испытывать и то, и другое.

— Дай ей закончить, — спокойно говорит Джоанна.

— Взамен, — продолжает Эвелин, — вы не будете атаковать нас или попытаться захватить контроль над городом. Вы позволите тем, кто пожелает, уйти и начать новую жизнь в другом месте. А те, кто решит остаться, смогут свободно голосовать за новых лидеров и общественное устройство. И последнее. Ты, Маркус, не будешь иметь право претендовать на лидерство.

Это — единственный, чисто эгоистический пункт мирного соглашения. Эвелин не способна смириться с мыслью, что Маркус вечно обманывает людей, следующих за ним. Я не спорю с ней.

Джоанна молчит. Она зачесала волосы назад, и ее шрам теперь особенно заметен. Но так она выглядит сильнее — теперь она не прячется за завесой волос, скрывая свою сущность.

— Нет, — отрезает Маркус.

— Маркус, — произносит Джоанна, но он игнорирует ее.

— Не тебе решать, Эвелин.

— Прости, Маркус, — повышает голос Джоанна, — но то, что она предлагает, слишком хорошо, чтобы отвергать. Мы получаем все, что нам нужно, и без всякого насилия.

— Я по праву являюсь лидером, — упирается Маркус. — Я...

— Нет, — прерывает его Джоанна. — Это я — лидер верных. Или ты принимаешь условия Эвелин, или я объявлю всем, что ты не захотел поступиться своей гордостью и отверг мирный договор.

Лицемерная маска невозмутимости пропадает, открывая нам его собственное злобное лицо. Но угроза Джоанны, ее угроза, высказанная безупречно спокойным

тоном, явно на него подействовала. Он недовольно качает головой и смотрит в сторону.

— Я согласна, — говорит Джоанна и направляется к нам, протягивая ладонь Эвелин.

Моя мать стягивает перчатки, и они пожимают друг другу руки.

— Утром мы должны собрать всех и объявить о новом плане, — говорит Джоанна. — Ты гарантируешь безопасность собрания?

— Сделаю все, что от меня зависит.

Я проверяю время. Уже прошел час после того, как мы с Амаром и Кристиной расстались у Хэнкок-билдинг. Следовательно, он уже должен сообразить, что вирус не распылили над городом. А может, и нет. Так или иначе, но я обязан сделать то, ради чего сюда пришел: разыскать Зика и его мать.

— Мне пора, — говорю я Эвелин. — Я заберу тебя завтра после полудня.

— Отлично, — кивает она и энергично растирает мои замерзшие пальцы, как делала всегда, когда я был ребенком.

— Значит, ты опять покидаешь нас? — уточняет Джоанна.

— Да, — заявляю я. — А тебе — удачи. Люди снаружи собираются вырубить город. Будьте осторожны.

— Не волнуйся, — улыбается Джоанна.

Чувствую на себе тяжелый, давящий взгляд Маркуса и заставляю себя посмотреть на отца.

— До свидания, — кидаю я ему.

Ханна, мать Зика и Юрайи, сидит в гостиной на кресле. Ее маленькие ступни не достают до пола. Ханна одета в рваный черный халат и тапочки, но у нее донельзя

величественный вид. Оглядываюсь на Зика, который трет глаза кулаками, чтобы проснуться.

Амар и Кристина обнаружили их вовсе не среди других революционеров возле Хэнкок-билдинг, а в их квартире над штаб-квартирой лихачей. Кристина догадалась оставить Питеру и мне записку с их расположением в нашем бесполезном пикапе. Питер сейчас ждет в новом фургоне, найденном для нас Эвелин, на котором мы и вернемся в Бюро.

— Простите, — начинаю я, — просто ума не приложу, с чего начать.

— Начинай с худшего, — отвечает Ханна, — например, с того, что случилось с моим сыном.

— Он серьезно пострадал во время нападения. Был взрыв, а Юрайя находился слишком близко от него.

— Боже, — восклицает Зик и начинает раскачиваться вперед и назад.

А Ханна просто склоняет голову, пряча от меня лицо.

В гостиной пахнет чесноком и луком, наверное, они недавно ужинали. Я оглядываюсь по сторонам. Напротив висит перекошенная семейная фотография: малыш Зик стоит рядом с матерью, на коленях которой балансирует совсем еще маленький Юрайя. У их отца — пирсинг: проколоты и нос, и ухо, и губы. Его смуглая кожа и широкая улыбка кажутся мне знакомыми — он передал свои черты обоим сыновьям.

— Он находится в коме, — выдавливаю я. — И...

— И он не собирается просыпаться, — заканчивает за меня Ханна.

— Да, — киваю я, — и я хочу забрать вас. Вам надо принять насчет него решение.

— Решение? — вскакивает Зик. — Ты имеешь в виду, отключать его или нет?

— Зик, — властно кивает головой Ханна, и тот снова садится на диван, почти утопая в подушках.

— Конечно, мы не собираемся поддерживать в нем жизнь таким способом, — изрекает она. — Он бы этого не захотел. Но обязательно поедем повидать его.

— Понятно, — говорю я. — Но есть кое-что еще. Нападение являлось... восстанием, в котором участвовали многие из людей, живущих в тех местах. И я тоже.

Опускаю голову и сверлю взглядом пол, уставившись на трещины в половицах. Но они молчат, и я продолжаю:

— Зик, я не выполнил обещания. Я не присматривал за ним так, как был должен. Прости меня, Зик.

Решаюсь, наконец, поднять на него глаза. Он рассматривает пустую вазу на журнальном столике. На ней — рисунок из бледных роз.

— Думаю, нам нужно некоторое время, чтобы привыкнуть, — подает голос Ханна и откашливается.

— Но сегодня мы возвращаемся в Резиденцию, и вам надо пойти с нами, — вздыхаю я.

— Хорошо. Подождите нас снаружи, мы будем готовы через пять минут.

В мрачном молчании мы медленно едем назад. Луна то исчезает, то снова появляется из-за туч. Машина подпрыгивает на кочках — крупные белые хлопья вихрем проносятся в свете фар. Интересно, может, Трис тоже сейчас смотрит в окно, наблюдая за поземкой, которая несется по бетону и замечает самолеты? Может, там все же лучше, чем в городе?

— Значит, ты сделал это? — шепчет мне на ухо Кристина.

Я киваю, а она чуть прикрывает лицо ладонями. Знаю, что она чувствует себя, наконец, в безопасности.

— А тебе удалось привить свою семью? — спрашиваю я.

— Ага. Мы нашли их вместе с верными, в Хэнкок-билдинг, — отвечает она. — Но время «перезагрузки» уже прошло. Наверное, Трис и Калев успели.

Ханна и Зик о чем-то потихоньку переговариваются. Похоже, новый странный мир удивляет их. Амар периодически оглядывается на них и вводит обоих в курс дела. Меня несколько напрягает то, что он отвлекается от дороги, и я стараюсь не обращать внимания на приступы паники и сосредоточиваюсь на снегопаде.

Я всегда ненавидел пустоту, которую приносит с собой зима: бесцветные пейзажи и совершенное отсутствие разницы между небом и землей. Деревья, превращенные в скелеты, и город, напоминающий пустыню. А если в этом году я смогу полюбить зиму?

Мы быстро проезжаем сквозь ворота в заборах Резиденции и тормозим около задних дверей. Охранники куда-то запропастились. Вылезаем из пикапа, и Зик подхватывает мать под руку. Когда мы заходим в здание, понимаю, что Калев справился — нигде нет ни души. Вероятно, местных удачно «перезагрузили».

— Куда они подевались? — изумляется Амар.

Мы шагаем мимо покинутого КПП. За ним я вижу Кару. Ее лицо в синяках, на голове — повязка. Она очень встревожена.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Кара только склоняет голову.

— Где Трис? — продолжаю добиваться от нее ответа.

— Прости, Тобиас.

— Кара, что стряслось? — кричит Кристина.

— Трис отправилась в Оружейную Лабораторию вместо Калеба, — начинает Кара. — Она пережила сыворотку смерти и сумела активировать сыворотку памяти, но в нее стреляли, и...

Я чувствую, когда люди врут. Конечно, Трис жива, ее глаза блестят, на щеках — румянец, а ее маленькое тело полно силы и энергии, как было, когда она стояла в лучах света в атриуме. Трис не могла оставить меня здесь одного.

— Нет, — шепчет Кристина, — нет, это какая-то ошибка.

Кара плачет. И я сам понимаю, что Трис, разумеется, отпихнула Калеба и бросилась в Лабораторию. Кристина что-то говорит, но ее голос доносится до меня приглушенно, будто я нырнул в воду. Черты лица Кары расплываются, мир вокруг меня превращается в тусклую смазанную картину. А если я сделаю вид, что ничего не произошло, может, тогда все изменится? Кристина сжимается, не в силах выдержать навалившееся горе. Кара обнимает ее. А я просто стою неподвижно.



Когда ее тело первый раз коснулось сетки, все, что я увидел, — это серое пятно. Я перетащил ее через край. Ее рука была маленькой и теплой, а затем она встала передо мной — невысокая, тоненькая, самая обычная

и вроде бы ничем не примечательная, за исключением одного. Она прыгнула самой первой.

Даже я этого не сделал.

Ее глаза были решительными и настойчивыми.

Таковыми красивыми.



53

Тобиас

Но в самый первый раз я заметил ее в коридорах школы. Потом — в день похорон моей матери. И еще в секторе альтруистов.

Огонь, пылающий настолько ярко, не может угаснуть.



54

Тобиас

Ташусь по коридору... Я не знаю, день сейчас или ночь. Мы с Кристиной следуем за Карой. И я совершенно не помню путь от входной двери к моргу.

Она лежит на столе, и на мгновение мне мерещится, что она спит. Я прикоснусь к ней, она улыбнется и поцелует меня. Но когда я дотрагиваюсь до ее руки, она оказывается холодной, твердой и неподатливой.

Кристина всхлипывает. Я стискиваю пальцы Трис, надеясь, что если сожму посильнее, то вдохну в нее жизнь.

Потом я осознаю, что она ушла навсегда. Тогда силы покидают меня, я падаю на колени и плачу навзрыд. Все во мне молит лишь еще об одном поцелуе, одном взгляде... одном слове, хотя бы одним.



55

Тобиас

В последующие дни только постоянное движение помогает мне хоть немного приструнить свое горе. Поэтому я брожу по Резиденции. Наблюдаю, как окружающие оправляются от последствий воздействия сыворотки памяти и постепенно, но неотвратно меняются.

Тех, кто потерялся в тумане беспамятства, собрали вместе. Им поведали правду: человеческая природа является сложным механизмом, наши гены разные, но ни один из нас не является ни поврежденным, ни чистым. Впрочем, кое в чем им лгут. Им не говорят о том, как именно стерты их воспоминания. Ссылаются на несчастный случай и твердят, что они всегда выступали за равенство «ГП».

Любая компания душит меня, а одиночество — парализует. Я нахожусь в ужасе, и сам не знаю почему. Мои руки трясутся, когда я захожу в диспетчерскую. Джоанна организует транспортировку тех, кто хочет покинуть пределы города. Они приедут сюда, но мне уже наплевать.

Засовываю руки в карманы и выхожу в коридор, стараясь идти в такт биению сердца и не наступать на трещины между плитками. Около входа замечаю лю-

дей, сгрудившихся возле громадной скульптуры. С ними Нита, сидящая в инвалидной коляске. Пересекаю ненужный, теперь КПП. Реджи залезает на каменную плиту и открывает клапан в нижней части бака для воды. Капли превращаются в поток. И вот вода хлещет, разбрызгивается по полу, намочив штаны Реджи.

— Тобиас? — окликает меня Калев, и я вздрагиваю от неожиданности. — Постой. Пожалуйста.

Мне не хочется смотреть на него. Он тоже скорбит по ней. Я не хочу думать о том, что она умерла ради этого жалкого труса. Но мне становится интересно, увижу ли я в его лице какие-нибудь ее черты. Я до сих пор ищу ее как безумный — везде и повсюду.

Его волосы грязные и взъерошенные, зеленые глаза налиты кровью, рот скривился.

Нет, он совершенно не похож на нее.

— Извини, — бормочет он. — Но это касается Трис. Она просила передать тебе перед тем, как...

— Давай покороче, а?

— В общем, она не хотела бросать тебя. Вот ее слова.

Наверное, я должен что-то почувствовать.

— Ах, так? — говорю я жестко. — Тогда почему она так поступила? Почему она не дала тебе умереть?

— Ты думаешь, я не задаю себе этот вопрос? — отвечает Калев. — Она любила меня. Настолько, что держала меня под дулом пистолета, чтобы заставить ей подчиниться.

И он бежит прочь от меня. Что же, вероятно, так даже лучше. Я смахиваю слезы и сажусь на пол прямо посередине вестибюля.

Я понимаю ее. И то, что она сделала не является актом безумного самопожертвования. Я с такой силой тру ладонями глаза, будто хочу вдавить слезы обратно в череп. Нельзя позволять своим эмоциям вырваться наружу. Хватит. Какое-то время спустя я слышу неподалеку голоса Кары и Питера.

— Скульптура была символом постепенных изменений, — объясняет она ему. — А сейчас они выпустили всю воду разом.

— В самом деле? — с неподдельным интересом спрашивает Питер. — А зачем?

— Я тебе позже объясню, хорошо? Ты помнишь, где наша комната?

— Ага.

— Тогда возвращайся обратно. Кто-нибудь тебе обязательно поможет, спрашивай, не стесняйся.

Кара приближается ко мне, и я хмурюсь. Опять начнутся пустые разговоры. Но она лишь присаживается возле меня на пол.

— Что еще? — осведомляюсь я.

— Ничего. Знаешь, тишина — это прекрасно, — произносит она.

И мы оба молчим.

К нам подлетает Кристина. Она едва переводит дух.

— Быстрей. Они собираются отключить его.

Я содрогаюсь. Ханна и Зик находятся в палате Юрайи с тех самых пор, как мы приехали сюда. Но у него нет никаких улучшений, и лишь машина заставляет стучать его сердце.

Мы с Карой и Кристиной мчимся к больнице. Я не спал несколько дней, но не чувствую усталости.

Вскоре мы стоим около смотрового окна в палату Юрайи. С нами — Эвелин, которую Амар несколько дней назад забрал из города. Она слегка прикасается к моему плечу, но я отшатываюсь. Не желаю, чтобы меня утешали.

В комнате, по обе стороны от койки Юрайи, стоят Зик и Ханна. Ханна держит его за одну руку, Зик — за другую. Врач замер возле экрана кардиомонитора, но документы находятся не у Ханны или Зика, а у Дэвида. Тот сидит в своем инвалидном кресле, сторбленный и ошеломленный.

— Что он здесь делает? — восклицаю я.

— Технически он все еще руководитель Бюро, — объясняет Кара. — И, Тобиас... Он ничего не помнит. Пренежного Дэвида больше не существует. Этот — не убивал...

— Заткнись, — рявкаю я.

Дэвид подписывает бумаги и разворачивается, толкая коляску к выходу. Дверь открывается, я кидаюсь к нему, но железная хватка Эвелин мешает мне сжать руки на его горле. Дэвид удивленно смотрит на меня и едет по коридору, пока я борюсь со своей матерью.

— Тобиас, успокойся.

— Почему никто не отправил его в тюрьму? — ору я, и все плывет у меня перед глазами.

— Он работает на правительство, — отвечает Кара. — То, что они объявили случившееся несчастным случаем, не означает, что всех уволили. Кроме того, он был вынужден убить мятежницу.

— Мятежницу? — повторяю я.

— Это терминология правительства, — мягко произносит Кара.

Я собираюсь возразить, но нас прерывает Кристина:
— Ребята!..

Зик и Ханна склоняются над телом Юрайи. Я вижу, как шевелятся губы Ханны. Разве у лихачей есть заупокойные молитвы? Альтруисты, столкнувшись со смертью, примиряются с ней молча, полностью отдаваясь работе. Я чувствую, как мой гнев улечучивается, и его место занимает тихое горе. Юрайя был братом моего друга. И он сам стал мне другом, пусть и на короткий срок, недостаточный для того, чтобы я проникся его жизнерадостностью.

Прижимая папку с документами к животу, врач поворачивает какие-то переключатели, и аппарат искусственной вентиляции легких замирает. Юрайя уже не дышит.

Плечи Зика трясутся в рыданиях, и Ханна снова что-то говорит, а затем отступает от мертвого Юрайи. Она отпускает его.

Я первым отхожу от окна, а затем бегу по коридорам, слепой и опустошенный.



56

Тобиас

На следующий день я выезжаю из Резиденции. Почти никто не оправился после «перезагрузки», так что остановить меня некому. Еду вдоль железной дороги по направлению к городу. Мои глаза скользят по горизонту.

Вскоре я достигаю полей и нажимаю на акселератор. Колеса автомобиля давят умирающую траву и снег, и, наконец, земля превращается в асфальт сектора альтру-

истов. Улицы не изменились, и я бессознательно нахожу нужную дорогу. Торможу около развалюхи, рядом со знаком «Стоп», у потрескавшейся подъездной дорожки. Это мой дом.

Я поднимаюсь по лестнице. Люди говорят о мучениях после потери любимых, но я чувствую опустошающее онемение, когда каждое твое чувство притупляется.

Прижимаю ладонь к панели, закрывающей зеркало, и отталкиваю ее в сторону. Несмотря на то, что оранжевый свет заката освещает мое лицо, никогда еще в своей жизни я не видел бледнее. Только под глазами четко выделяются круги. Последние несколько дней я провел между сном и бодрствованием, не способный ни на то, ни на другое.

Включаю в розетку машинку для стрижки волос. Нужная насадка на месте, и мне надо просто провести машинкой по волосам, огибая уши, чтобы не поранить их ножами. Пряди падают на плечи, покалывая голую кожу. Проверяю затылок. Потом провожу рукой по голове и убеждаюсь, что все в порядке, хотя на самом деле это и не нужно: ведь я привык к этой процедуре с самого детства.

Долго отряхиваюсь, затем сметаю волосы в совок. Закончив, замираю перед зеркалом и вижу края моей татуировки — пламя лихача. Достая из кармана флакон с сывороткой. Я знаю, что несколько глотков сотрут большую часть моей жизни. Однако я не разучусь говорить, писать. Я даже вспомню, как собрать компьютер, потому что все данные хранятся в разных частях моего мозга.

Эксперимент завершен. Джоанна провела успешные переговоры с правительством, что позволило бывшим

членам фракций здесь остаться, объявив о самоуправлении в рамках общенациональных законов. Отныне любой желающий сможет присоединиться к ним. Теперь Чикаго — еще один город, вроде Милуоки. Но он станет единственным мегаполисом в стране, которым будут управлять люди, не верящие в генетические повреждения. Своего рода рай. Мэтью сообщил мне кое-что. Он надеется, люди из Округи постепенно переселятся сюда, заполнят пустующие дома и заживут более-менее благополучно.

А я хочу превратиться в кого-то другого. Например, в Тобиаса Джонсона, сына Эвелин Джонсон. Этот парень, наверное, промотает свои годы, но будет цельным человеком, а не тем бесполезным обломком, вымотанным болью.

— Мэтью заявил, что ты украл сыворотку памяти и автомобиль, — раздается голос Кристины. — А я-то ему не поверила.

Значит, она меня выследила. Я до сих пор оглушен, и даже ее голос звучит, как сквозь вату. У меня уходит несколько секунд, чтобы понять, о чем она говорит.

Оборачиваюсь к ней:

— Тогда зачем ты здесь?

— На всякий случай, — отвечает она. — А кроме того, я хотела еще раз проведать город. Отдай мне флакон, Тобиас.

— Нет, — я покрепче сжимаю в пальцах пузырек. — Я принял решение, и ты не можешь повлиять на него.

Ее темные глаза широко распахиваются, а волосы словно пламенеют на солнце.

— Тогда ты будешь трусом, — возражает она. — А ты никогда им не был, Четыре. Никогда.

— Но теперь я им стал, — безразлично отвечаю я. — Люди, занешь ли, меняются.

— Нет, ты не изменился.

Устав от бессмысленного спора, я умолкаю, а Кристина терпеливо продолжает:

— Она бы тебя точно возненавидела.

Меня охватывает приступ гнева, горячий и живой. Давящая глухота исчезает, и даже тихая улица альтруистов наполняется громкими звуками, заставляющими меня вздрогнуть.

— Заткнись, — ору я. — Ты вообще не знала ее, ты...

— Я знала вполне достаточно, — рывкает она. — И она бы ни за что не захотела, чтобы ты стер ее из своей памяти!

Я кидаюсь на нее и прижимаю плечом к стене.

— Если ты еще когда-нибудь такое скажешь, — кричу я, — то я...

— Ну что? — Кристина отпихивает меня. — Побьешь меня, да? А как называют больших и сильных мужчин, которые нападают на слабых женщин? Слабаки.

Вспоминаю вопли отца, заполнявшие наш дом, и его руку на горле моей матери. То, как я выглядывал из своей комнаты, вцепившись в дверной косяк. В моей голове звучат ее тихие рыдания, доносящиеся через дверь спальни. Я отпускаю Кристину.

— Прости, мне очень жаль, — шепчу я.

— Я знаю, — отвечает она.

Мы пристально смотрим друг на друга. Я думаю о том, как ненавидел ее сначала, потому что она была из

правдолюбов и выкладывала все, что приходило ей в голову, не беспокоясь о том, как ее слова могут повлиять на тебя. Но потом она показала мне, какая она на самом деле. Кристина — умеет прощать, и она настолько смелая, что говорит тебе правду в лицо. Вот что ценила в ней Трис.

— Тобиас, я понимаю, — произносит она. — Такое случается, когда того, кого ты любишь, убивают безо всякой причины. Тогда тебе хочется стереть собственное прошлое.

Она обхватывает ладонью мой кулак, в котором зажат флакон.

— Я недолго знала Уилла, — продолжает она, — но он изменил всю мою жизнь. То же самое — и с Трис.

Жесткое выражение на ее лице исчезает.

— Ты должен остаться тем человеком, которым стал рядом с ней, — говорит она. — Если ты примешь сыворотку, ты никогда не найдешь путь назад.

Слезы вновь подступают у меня к горлу. Я вцепляюсь во флакон изо всех сил. Он исцелит меня от боли и воспоминаний, скребущихся внутри, как дикие звери в клетке.

Кристина обнимает меня за плечи, но я вздрагиваю. Ее жест напоминает мне о тонких руках Трис, обнимающей меня. Но никто никогда не будет похож на нее. Трис умерла. Плакать глупо и бессмысленно, но это все, что я могу сделать.

В конце концов, я вырываюсь, но ее теплые и твердые ладони продолжают лежать на моих плечах. Может, кожа на ладонях становится жестче после постоянных тренировок, может, так же грубеет и душа человека?

В мире живет множество людей. Кто-то, как Трис, способен чувствовать такую любовь, что готов пожертвовать собой. Или, как Кара, до сих пор не прощает смерть своего брата. Или, как Кристина, несмотря ни на что, продолжает оставаться открытым. Зачем я вынес себе такой приговор?

— Зик еще винит тебя в случившемся, — произносит она. — Но я могу быть твоим другом. Мы даже можем обмениваться браслетиками, как девочки из Товарищества, если хочешь.

— Не думаю, что нам это понадобится, — слегка улыбаюсь я.

Мы спускаемся по лестнице. Солнце уже скрылось за высокими домами Чикаго, и издалека доносится шум поезда, вечно спешащего по рельсам. Мы уходим отсюда, оставляя за спиной то, что когда-то значило для нас так много. Но мне уже не страшно.

В мире существует много способов быть храбрым. Иногда смелость означает необходимость отдать свою жизнь ради другого. А порой — отказ от всего, что ты любил.

А временами все наоборот. И тогда тебе не остается ничего другого, как, стиснув зубы, продолжать каждый день работать. Это — именно то мужество, которое мне сейчас требуется.



Эпилог

Два с половиной года спустя

Эвелин стоит на обочине. На дороге виднеются глубокие колеи — следы от машин, снующих из города в Округу и обратно. Еще встречаются отметины от автомобилей сотрудников бывшего Бюро. Эвелин машет мне рукой, забирается в пикап, целует меня в щеку, — я не сопротивляюсь.

— Привет, мам.

По тому договору, который мы предложили более двух лет назад Джоанне, Эвелин должна была покинуть город. Теперь ей можно вернуться домой.

Чикаго преобразился. Да и Эвелин выглядит куда моложе, ее лицо округлилось, а улыбка стала уверенней и ярче.

— Как дела? — спрашивает она.

— Ничего, — отвечаю я. — Сегодня мы собираемся рассеять ее прах.

На заднем сиденье лежит урна — еще один странный пассажир. Я долго хранил пепел Трис в морге Бюро, не

будучи уверенным в том, какие похороны она бы захотела для себя.

Настало время сделать, пусть и крошечный, но шаг вперед.

Эвелин озирается по сторонам. Посевы, которые когда-то ограничивались лишь областью вокруг штаб-квартиры Содружества, разрослись. Пышная сочная зелень простирается вокруг всего города. Иногда я скучаю по безлюдной и пустынной земле, но сейчас мне нравится ехать между рядами кукурузы или пшеницы. Я вижу людей, проверяющих почву портативными устройствами, разработанными учеными. Все одеты по-разному: кто в красное, кто в синее, кто в зеленое или фиолетовое.

— Каково жить без фракций? — интересуется Эвелин.

— Очень обыденно. Но тебе понравится.

Мы с Эвелин направляемся в мою квартиру, расположенную в доме к северу от реки. Она находится на одном из нижних этажей, но через широкие окна просматривается большая часть города. Я из первых поселенцев в новом Чикаго, поэтому у меня имелась возможность выбирать свое будущее жилище. Зик, Шона, Кристина, Амар и Джордж поселились в Хэнкок-билдинг, Калев и Кара заняли квартиры рядом с парком Миллениум. Я приехал сюда, потому что здесь очень красиво. Есть и другая причина: это место — вдалеке от обоих моих старых домов.

— Мой сосед — историк, он из Округа, — поясняю я, роясь в карманах в поисках ключей. — Он называет Чикаго «четвертым городом». Когда-то, давным-давно Чикаго был уничтожен пожаром, потом — Войной за

Чистоту... Затем он превратился в гиганский эксперимент, а теперь мы пытаемся возродить здесь поселение.

— Надо же, — задумчиво произносит Эвелин.

У меня — мало мебели: диван, стол, несколько стульев да плита. Из окна открывается вид на заболоченную реку, на поверхности которой играют солнечные лучи. Некоторые из ученых упорно стремятся восстановить водную артерию Чикаго в ее былой славе. Эвелин кидает сумку на диван.

— Спасибо, что разрешил мне немного пожить здесь.

— Без проблем, — отвечаю ей, хотя и чувствую некоторую нервозность: ведь Эвелин будет без спросу бродить по моим скромным владениям.

Но не можем же мы расстаться навсегда.

— Джордж жаловался, что ему не помешала бы помощь в подготовке полицейских, — замечает Эвелин. — Ты не хочешь попробовать?

— Нет. Я завязал с оружием.

— Верно, — морщится она. — Но ты знаешь, я не доверяю политикам.

— Мне ты должна верить, потому что я — твой сын, — усмехаюсь я. — И пока я — не политик. Просто помощник.

Она садится за стол и оглядывается, напоминая мне быструю кошку.

— А где твой отец? — наконец, произносит она.

— Вроде бы ушел в неизвестном направлении, —жимаю я плечами.

— И ты не хотел бы ничего ему сказать? — подпирает она рукой подбородок.

— Нет, — отрезаю я, крутя на пальце кольцо с ключами. — Пусть остается в моем прошлом.

Два года назад, еще в том заснеженном парке, я понял, что нападки на Маркуса не принесли мне облегчения. Бесполезно кричать или оскорблять его — это не поможет мне избавиться от старых ран.

Эвелин встает, открывает сумку и достает оттуда фигурку из синего стекла. Она похожа на застывший водопад.

Я был совсем маленький, когда она показала мне безделушку в первый раз. Отец заявил, что вещице — не место в доме альтруистов. Дескать, она «бесполезная и лишь потакает нашим собственным слабостям». Я спросил маму, зачем она нужна, а она ответила, что ни зачем, но всякая красота затрагивает что-то вот здесь. И она прикоснулась к сердцу.

Потом, на протяжении многих лет, фигурка была для меня символом моего молчаливого противостояния, моим отказом от повиновения. Я всегда прятал ее под кроватью, но в день, когда решил оставить фракцию альтруистов, я водрузил ее на стол, чтобы отец увидел нашу с мамой силу.

— Возьми ее, — говорит Эвелин. — Я всегда хранила ее для тебя.

Я не решаюсь произнести ни слова: боюсь, что мой голос сорвется, поэтому просто киваю.

Весенний воздух еще холоден, но я открываю в машине окна, чтобы почувствовать ветер. Торможу у железнодорожной платформы неподалеку от Супермаркета Безжалостности и беру урну. Она сделана из серебра, безо всяких гравировок. Ее выбирал не я, а Кристина. Я иду по перрону к собравшимся.

Кристина и Зик стоят рядом с инвалидным креслом Шоны. Колени девушки накрыты пледом. Мэтью балансирует на самом краешке платформы.

— Привет, — здороваюсь я со всеми.

Кристина мне улыбается, а Зик хлопает по плечу.

Юрайя умер через несколько дней после Трис, но Зик и Ханна попрощались с ним гораздо позже. Они рассеяли его прах над пропастью, под крики друзей и семьи. Его имя разносилось громогласным эхом. Знаю, что Зик вспоминает его сегодня, даже если этот последний акт храбрости лихачей предназначен для Трис.

— Гляди, — восклицает Шона.

Она отбрасывает плед в сторону, и я вижу замысловатые металлические скобы на ее ногах. Шона напрягается, спускает ступни на асфальт, а потом, рывками, поднимается.

— А я-то и забыл, какая ты высокая, — заявляю я.

— Калев и его приятели из лаборатории сделали эти штуки для меня, — поясняет она. — Если я потренируюсь, то смогу даже бегать.

— Отличная новость, — говорю я. — Где он, кстати?

— Калев с Амаром встретят нас в конце линии.

— Он у нас тот еще тип, конечно, — хмыкает Зик.

— Угу, — неопределенно бурчу я.

Я помирился с Калевом, но не способен долго находиться рядом с ним. Его жесты, интонация, манеры — буквально все напоминает мне о ней. Он похож на бледную копию Трис, и это невыносимо.

Хочу что-то добавить, но к станции приближается поезд. Он, визжа на отполированных рельсах, подъезжает к нам, сбавляет ход и останавливается. Из кабины

машиниста высовывается голова Кары. Ее волосы стянуты лентой.

— Запрыгивайте, — кричит она.

Шона садится в кресло и направляет коляску в дверной проем. Мэтью, Кристина и Зик заходят следом. Прошу Шону подержать урну с прахом и замираю, вцепившись в поручень. Поезд трогается, его скорость растет с каждой секундой, слышу громохание и перестук. Ветер бьет в лицо, раздувает мою одежду, а навстречу мне несется город, освещенный солнцем.

Все не так, как раньше, но я давно покончил с прошлым. Мы обрели новую судьбу. Кара и Кaleb — работают в лабораториях на территории Резиденции, ставшей частью департамента сельского хозяйства. Они трудятся над повышением эффективности, стремясь накормить как можно больше людей. Мэтью занимается психиатрическими исследованиями где-то в городе. Кристина выбрала офис и помогает тем, кто желает переселиться в Чикаго из Округи. Зик и Амар — полицейские, а Джордж тренирует ребят, которые собираются поступить туда же на службу — рабочих мест для экс-лихачей предостаточно. Ну и я сам — помощник одного из представителей нашего города в правительстве, Джоанны Рейес.

Я протягиваю руку, чтобы схватиться за другой поручень и свешиваюсь вниз. Страх и трепет — вот истинная любовь лихача...

— Эй! — окликает меня Кристина. — Как твоя мать?

— В порядке.

— Ты что, собираешься полетать?

Я смотрю на трос под нами, спускающийся до самой улицы.

— Да, — соглашаюсь я. — Трис бы меня одобрила.

Когда я произношу ее имя, то чувствую укол боли. Кристина бросает на меня пытливый взгляд.

— Думаю, ты прав.

Мои воспоминания о Трис немного притупились. Изредка я даже счастлив перебрать в памяти то, что с нами случилось. Иногда я рассказываю о чем-то Кристине, и та всегда внимательно слушает, чего я никогда не ожидал от такой законченной правдолюбки.

Поезд подъезжает к станции, и я выскакиваю на платформу. Шона выбирается из кресла и аккуратно спускается по ступенькам. Мэтью и Зик вдвоем несут ее громоздкое кресло.

— Что слышно о Питере? — спрашиваю я у Мэтью.

После того как Питер выбрался из тумана сыворотки, некоторые из наиболее резких и жестких аспектов его личности вернулись. И я потерял с ним связь. Я не ненавижу его больше, но это не значит, что он мне нравится.

— Он в Милуоки, — отвечает Мэтью, — но я не в курсе, чем он занимается.

— Вкалывает в какой-то конторе, вроде неплохо устроился, — объявляет Кара.

Она прижимает к себе урну, которую забрала у Шоны.

— А я считал, что он присоединится к повстанцам в Округе, — удивляется Зик.

— Он сейчас абсолютно другой, — пожимает плечами Кара.

В Округе продолжают жить те из «ГП», которые полагают, что новая война — это единственный способ

добиться желаемых изменений. Я же склоняюсь к мысли, что всего можно достичь и без насилия, — в моей жизни его было предостаточно. Следы его остались не в виде шрамов на коже, но в воспоминаниях, которые внезапно всплывают в моей голове. Кулак моего отца, направленный в мою челюсть. Я, хватающий пистолёт, чтобы застрелить Эрика. Тела мертвых альтруистов, валяющиеся на дороге.

Мы шагаем по улице к тросу зип-лайна. Фракции исчезли, но эта часть города до сих пор носит отпечаток пребывания лихачей. Их можно узнать по пирсингу и татуировкам, но не по цветам одежды, которые, впрочем, иногда бывают излишне яркими. Кое-кто рассеянно бродит по тротуарам, но многие — на работе. В Чикаго все занимаются тем делом, которое им подходит.

Наконец, впереди показывается конус Хэнкок-билдинг, пронзающий небо. Его черные балки будто гонятся друг за другом до самой крыши, то пересекаясь, то сплетаясь воедино.

Мы переступаем порог и оказываемся в вестибюле с его блестящими, полированными полами и стенами, покрытыми граффити. Нынешние жильцы дома оставили их как своего рода реликвию. Это место лихачей, потому что именно они полюбили здание за его высоту и еще, как подозреваю я, за его непохожесть. Лихачам понравилось заполнять шумом тихие и пустые этажи.

Зик тычет указательным пальцем в кнопку лифта. Нам нужен 99-й. Пока лифт поднимается, я закрываю глаза. Я почти вижу темную пропасть под ногами, лишь тонкий пол отделяет меня от падения. Лифт вздрагивает, затем его двери открываются.

— Спокойно. Мы делали это тысячу раз, — усмехается Зик.

Я киваю. Сквозь щели в потолке внутрь врывается воздух, и видна яркая синева неба. Я плетусь за остальными к лестнице, не в силах заставить свои одеревеневшие ноги двигаться хоть немного быстрее. Нашупываю ступени и сосредоточиваюсь. Надо мной неловко карабкается Шона.

Однажды, когда Тори набивала мне татуировку на спине, я спросил у нее, не считает ли она, что мы — последние оставшиеся люди на Земле. «Возможно», — буркнула она. Но здесь, на крыше, действительно ощущаешь себя единственным живым существом. Смотрю на здания, расположенные на границе болота, и мое сердце начинает ныть. Как будто этот вид вот-вот расплющит меня.

Зик бежит к блоку зип-лайна и пристегивает к стальному тросу строп. Придерживает его, чтобы он не соскользнул вниз, и зовет Кристину.

— Все к твоим услугам.

Кристина размышляет вслух:

— Как мне съехать?

— Назад, — говорит Мэтью. — Я бы хотел проехаться, глядя вперед, чтобы не намочить штаны. Не хочу, чтобы ты мне подражала.

— Эх, ты.

Потом она забирается в строп — ногами вперед, животом вниз, чтобы видеть удаляющееся здание. Я содрогаюсь и отворачиваюсь. А все они, по очереди спускаются: Кристина, Мэтью и Шона. Их радостные вопли разносятся по ветру, как крики птиц.

— Теперь ты, Четыре, — толкает меня Зик.

Я мотаю головой.

— Давай, — улыбается мне Кара. — Покончим с этим одним махом.

— Нет, — отвечаю я. — Езжай ты. Пожалуйста.

Она глубоко вздыхает и протягивает мне урну. Металл теплый, от многочисленных прикосновений. Кара лезет в строп, и Зик потуже затягивает его на ней. Она скрещивает руки на груди и отправляется в полет: над аллеей Лейк-Шор, над городом.

Сейчас на крыше — только я и Зик.

— Вряд ли я смогу, — бормочу я.

— Конечно, сможешь, — убеждает меня он. — Ведь ты — Четыре, легендарный лихач.

Подхожу ближе к краю крыши. Хотя я стою в паре футах от бездны, мне мерещится, что я потеряю равновесие и упаду.

— Эй, Четыре, — окликает меня Зик, — ты должен исполнить то, что она сама всегда бы хотела. Она бы гордилась тобой.

Ясно. Мне уже не повернуть назад, но я до сих пор помню ее глаза и ее улыбку, когда она поднималась со мной на колесо обозрения.

— Как спускалась она?

— Лицом вперед, — отвечает Зик.

— Отлично, — я передаю ему урну. — Прицепи ее за мной, ладно? Только сначала открой.

Залезаю в строп. Мои руки дрожат. Зик стягивает ремни на спине и ногах, потом закрепляет позади меня урну и открывает ее, чтобы пепел разлетелся в одну секунду. Я смотрю вниз, на аллею Лейк-Шор, сглатываю и

отталкиваюсь. В какой-то момент мне хочется все переиграть, но поздно, — я несусь навстречу земле. Я ору так пронзительно, что возникает желание заткнуть себе самому уши. Мой крик живет во мне, наполняет мою грудь, глотку и внутренности.

И когда меня охватывает слепая паника, я догадываюсь, почему она спускалась именно так. Она чувствовала, что летает. Она была свободна.

Пустота подо мной — как разъявленная пасть, которая готова поглотить меня. И вдруг я понимаю, что больше не двигаюсь. Последние пылинки праха плывут по воздуху, как серые снежинки, и исчезают. Я почти достиг почвы и могу легко спрыгнуть. Все остальные уже сцепили руки, готовые поймать меня в сеть своих объятий. Я прижимаюсь лицом к стропу и смеюсь.

Кидаю им пустую урну, отстегиваю замки, удерживающие меня, и камнем падаю вниз. Друзья подхватывают меня. Я удивленно смотрю на Хэнкок-билдинг, и внезапно наступает тишина. Нам неловко. Кристина смахивает с ресниц слезы и произносит:

— Вот и наш Зик.

Зик и вправду мчится к нам. Сначала он выглядит как точка, потом как капля, и вскоре мы различаем его собственной персоной. Когда Зик тяжело плюхается на наши руки, мы качаем его, словно ребенка в колыбели.

— Здорово. Хочешь еще разок, Четыре? — спрашивает он.

— Ни за что, — твердо отвечаю я.

Нестройной толпой мы направляемся обратно к поезду. Шона вышагивает на своих скобах, Зик толкает пустую инвалидную коляску и потихоньку перегова-

ривается с Амаром. Мэтью, Кара и Калев оживленно о чем-то болтают. Кристина робко подходит ко мне:

— С Днем Выбора тебя. Кстати, если я спрошу тебя, как твои дела, ты мне все честно расскажешь? — шутливо говорит она.

— Мне нелегко, но так будет всегда.

— Понятно.

Мы плетемся позади всех, мимо заброшенных зданий с темными окнами, через мост над болотистой рекой.

— Иногда жизнь — настоящий отстой, — вздыхает Кристина. — Угадай, что поддерживает меня на плаву?

Я вопросительно поднимаю брови, и она меня передразнивает.

— Те моменты, которые не являются отстоем. Главное, суметь их заметить.

Она улыбается, и мы бок о бок поднимаемся по лестнице на станционную платформу.

В детстве я был убежден в том, что каждый из нас может сломаться в любую секунду и никто не избежит повреждений. Но теперь я узнал, как это исправить: мы просто чиним друг друга.



Оглавление

1. Трис.....	5
2. Тобиас	7
3. Трис.....	12
4. Тобиас	17
5. Трис.....	21
6. Тобиас	29
7. Трис.....	35
8. Трис.....	43
9. Тобиас	52
10. Тобиас.....	55
11. Трис.....	69
12. Тобиас.....	75
13. Трис.....	78
14. Тобиас.....	82
15. Трис.....	90
16. Тобиас.....	104
17. Трис.....	109
18. Тобиас.....	120
19. Трис.....	135
20. Тобиас.....	146
21. Трис.....	152
22. Трис.....	158
23. Тобиас.....	174

24. Трис.....	191
25. Тобиас.....	197
26. Трис.....	207
27. Трис.....	217
28. Трис.....	221
29. Тобиас.....	224
30. Трис.....	231
31. Тобиас.....	234
32. Трис.....	240
33. Тобиас.....	247
34. Трис.....	258
35. Тобиас.....	270
36. Трис.....	276
37. Трис.....	280
38. Тобиас.....	284
39. Трис.....	288
40. Тобиас.....	298
41. Трис.....	304
42. Тобиас.....	310
43. Трис.....	319
44. Тобиас.....	321
45. Трис.....	327
46. Тобиас.....	331
47. Трис.....	333
48. Тобиас.....	338
49. Трис.....	343
50. Трис.....	344
51. Тобиас.....	348
52. Тобиас.....	357
53. Тобиас.....	358
54. Тобиас.....	358
55. Тобиас.....	359
56. Тобиас.....	363
Эпилог.....	369

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ

Вероника Рот

ЭЛЛИГЕНТ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *Н. Головина*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 ың. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.04.2016. Формат 75х108 1/32.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.

Доп. тираж 5 000 экз. Заказ 3935.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru



Ваша точка продаж в Интернете
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ



Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 385-48-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 288-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-57017-1



9 785699 570171 >



ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН



ОДИН ВЫБОР

ОДИН ВЫБОР
МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ТЕБЯ

ОДИН ВЫБОР
МОЖЕТ РАЗРУШИТЬ ТЕБЯ

ОДИН ВЫБОР
ОПРЕДЕЛИТ ТВОЕ БУДУЩЕЕ

ISBN 978-5-699-57017-1



9 785699 570171 >

ВЕРОНИКА
РОТ

ЭЛИМЕНТ

